

Предание Темных: Вечность не предел

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Кейси Доуз

18+

Предание Темных

Кейси Доуз

**Предание Темных:
Вечность не предел**

«Автор»

2023

Доуз К. Э.

Предание Темных: Вечность не предел / К. Э. Доуз — «Автор»,
2023 — (Предание Темных)

Продолжение загадочной истории Дженны - девушки, чудом узнающей тайны своей прошлой жизни, между тем как в ее настоящем продолжают бороться за ее жизнь и внимание все те же знакомые из далекого Османского прошлого..

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

105

Кейси Доуз

Предание Темных: Вечность не предел

*Он превратился в чудовище, но похоже, что
даже чудовища помнят, как любить.
(с) Стивен Кинг «Бессонница».*

*Глава 1.
САМОЛЕТ.
–1–
Наше время.
Румыния.*

..много-много обрывочных картинок.

Их настолько много, они так сильно мельтешат, что меня начинает тошнить. Однако я не имею ни малейшего понятия, как от них отделаться. Да, они похожи на какой-то извращенный фильм, в котором, похоже, монтажер крепко напился и напрочь забыл про последовательность сцен.. но все-таки это не фильм.

Потому что за фильмом ты наблюдаешь за стороны.

А здесь я будто бы проживаю каждую из обрывочных картинок. Всего мгновение, секунду, даже меньше, чем секунду.. Я вижу Аслана – почему-то в военных доспехах, его лицо свирепо перекошено, глядя на кого-то в сторону:

– Родина? – он переводит взгляд на меня – она моя Родина!

ВЖИХ!

Следующая картинка.

Я сижу в какой-то беседке. Напротив меня Влад. Тот Влад, который юноша, который в османском империи, потому что я сейчас сама в XV-ом веке, потому что я..

Лале?

Я будто бы Лале.

Я вижу не со стороны, как бы наблюдая, как всегда.. а я вижу ее глазами. Будто бы проживаю то, что проживает она. Ее чувства, ее глаза..

Я смотрю на Влада. Меня очень к нему тянет. Не как к другу. Я хочу его обнять.

– ..поэтому я больше всего хочу и больше всего боюсь – говорит он о чем-то – что ты..

ВЖИХ!

Следующая картинка.

Мехмед.. уже другой?..

ВЖИХ!

Я не успеваю его рассмотреть и понять, что к чему – этот образ еще короче, чем все предыдущие. И меня вновь кидает на другое воспоминание-видение-галлюцинацию-событие..

Они, и без того катастрофично короткие, будто бы становятся еще короче.. и в итоге я не могу различить даже лиц, пейзажа, они просто мельтешат в своей скорости перед моими глазами зелено-красно-желтыми пятнами. А в итоге так ускоряются, что я теперь даже цвета пятен не могу различить – просто кавардак, будто бы сломался калейдоскоп, они начинают ускоряться.. Быстрее.. еще! Еще! Еще!

Быстрее..

Разноцветные пятна начинают терять свою насыщенность, они все сильнее блекнут, я больше не могу различить, сменяют они вообще друг друга, или это теперь застывшее «ничто».. блекнут, блекнут..

Пока не становятся совершенно черным.

БАМ!

И тут меня что-то сотрясает, и это черное начинает отливать красным.. еле-еле красным, будто-то какой-то слабый-слабый солнечный лучик попал на мои закрытые веки..

Красное становится ярче, потом вновь тускнее..

Но я теперь уже будто бы прихожу в сознание. Несмотря на то, что черное вновь сгрудилось перед моим глазами, я чувствую как едва заметно что-то сотрясает мое тело. Будто бы кто-то, держа меня на руках, идет по какой-то ухабистой местности, или просто шагает, как слон..

Каждый шаг – тремором по всему моему телу.

Еще пара мгновений – и я чувствую, что теперь мне вполне посильно разлепить веки, если я захочу. Хочу ли я этого? Ко мне начинают возвращаться воспоминания последний часов, и я понимаю, что отрубилась прямо там, рядом с бесчувственным телом Лео и монстром, который раньше был Владом.. И теперь меня что-то трясет..

Хочу ли я взаправду знать, что именно?

Нет.

Но неизвестность гложет еще сильнее. Осведомлен, значит, вооружен, хотя кажется, в моем ружье давно кончились все патроны. Мне могут вновь сунуть его в руки – да только оно уже едва ли выстрелит в ближайшее время. Сколько не жми на спуск.

БАМ!

Очередной толчок – уже сильнее, и теперь я будто бы падаю вниз.. вернее не падаю, ощущение не такое резкое, но словно бы голова вдруг становится почему-то ниже ног..

Это все-таки заставляет меня открыть глаза. И как бы я не думала, что я могу это сделать – на деле совершить это становится очень трудным. Их будто бы кто-то склеил клеем, во избежание подобных желаний. Я стараюсь, но никак не могу помочь даже руками насильно разлепить веки – кажется, мое «онемение» начинает сходить именно с лица и дальше.. Будто бы, закованная в лед, ощущаю, что он начинает таять, освобождая меня.. но пока что оттаяла только голова, а руки по-прежнему обездвижены.

Еще одна попытка – и мои глаза открываются.

Нет, не резко распаиваются, как у воскресших мертвецов, а медленно, трепыхаясь, с большим-большим трудом. Словно бы человек не спал трое суток, и едва его голова опустилась на подушку – его вновь будят и требуют вернуться в этот мир..

Первое, что я вижу – просевшая стена.

Это заставляет их открыться шире и тут же напрячься все тело. Просевшая стена замка, с той стороны которой еще недавно скопищем валила нечисть, едва не сведя меня с ума.. но теперь это почему-то кажется совсем далеким и не вызывает тех ярких эмоций ужаса и потрясения.. Быть может, потому что их в принципе больше не осталось в наличии?

Вы все израсходовали, мэм, извините. Дождитесь поставки в следующем месяце. Пока можете выбрать что-то из имеющегося у нас в наличии. Есть, например, усталость, апатия, или – хит этого сезона! – полное безразличие к происходящему. Что отнести на кассу?

И вновь небольшое уханье. Теперь я понимаю, что мне казалось – я действительно опускаюсь вниз, не прилагая к этому никаких усилий. Теперь могу наблюдать это по стене – вот, в сравнении с ней, я становлюсь все ниже, ниже, ниже..

Не могу повернуть пока что голову (шея, видимо, все еще во льду), но чуть скашиваю глаза, насколько могу. Увиденное заставляет все-таки найти в глубинах истощенных источников еще немножечко оставшихся ресурсов ужаса.

Я совсем близко – буквально на расстоянии пары дюймов – вижу спину монстра. Серая, с выпирающими и ходящими ходуном мышцами, кожа. Грубая, будто бы плохо отесанный камень. А чуть ниже – крылья. Их можно было бы списать на ангельские или даже демонические.. не будь они такими странно-уродливыми. Маленькие – в сравнении с телом чудовища, но слишком большие в сравнении с моей головой. Серые, заостренные – а концы и вовсе, точно наточенный клинки. Кажется, насадись на них –и уже никогда больше не увидишь белый свет.

Если не считать света «в конце туннеля».

На сей раз – в отличии от последнего момента, когда я их видела – они сложены, точно у птицы, что сделала небольшой перерыв в полете. И за ними виднеется знакомая рыжая шевелюра.. Лео?

Глаза его по прежнему закрыты, тело безвольно лежит на плече чудовища, как и мое. Пытаюсь что-то сказать другу – но обнаруживаю, что не могу даже раскрыть рта. Не могу выдавить ни слова, ни даже звука.

И вот наконец, наше «опущение» прекращается. Когда между Лео, покоящемся на плече монстра, и землей остается совсем смехотворное состояние – мое тело начинает двигаться еще активнее. Потому что лапа, на плече которой я покоюсь, теперь двигается в сторону друга. Осторожно, даже бережливо, подцепляет его, стараясь не ранить когтями, и опускает с плеча на землю.

После чего его морда, искореженная торчащими из пасти клыками и налитыми кровью зверинами глазами – поворачивается ко мне. То ли почувствовав, что я очнулась, то ли еще для чего.

Увидев на себе его взгляд, меня невольно передергивает от ужаса и отвращения. Ужас от того, что я в принципе нахожусь рядом с этим монстром, а еще тем более в его лапах. Отвращение от того, что эта безобразная морда, которую Наверное, слепил сам дьявол на досуге – теперь так пристально устремлена на меня.

И кажется, монстр замечает это.

Теперь уже лапа, на плече которой покоился Лео, тянется ко мне. Я сжимаюсь еще сильнее, все еще не обретя дара речи (а быть может, я не помню – да потеря вчера остатки своего голоса? Последние минуты, которые помню – я едва говорила хрипом.. не удивительно, если в итоге полностью его сорвала).

Но вот лапа так же аккуратно снимает меня с плеча. Но в отличии от Лео не кладет на землю, а бережно ставит на ноги, подозревая, очевидно, что я все-таки смогу удержать равновесие. На мгновение, правда, я едва не падаю.. и тогда чудовище осторожно касается лапой моей спины, будто бы желая поддержать, словно какую-то непрочную куклу.. и это заставляет меня выпрямиться так резко, будто штырь в спину вогнали.

И тут же обрести равновесие достаточно для того, чтобы поспешно отшатнуться дальше от него. В этот момент в глазах зверя вновь мелькает

(..но тут его глаза на мгновение печально сверкают. и на одно это мгновение я будто бы вновь узнают в них те ярко-голубые глаза влада. человека, которого видела все это время..)
то знакомое печальное выражение.

Но я не собираюсь заблуждаться.

Это не человек, как в тех фильмах про монстров, которые любит смотреть Милли. Не человек, который вдруг отчего-то обратился на время в какое-то ужасное создание..

Нет.

Это не Влад «вдруг стал» чудовищем, а

(..в прошлом он совсем другой, правда? ну так пора бы тебе окончательно понять, что прошлое навсегда осталось в прошлом, дженна! вот – его истинный облик! и уже навсегда! а все, что ты видела до этого – лишь лоценный, индивидуально скроенный мною под него костюм! я сшил этот костюм! и это лишь костюм, отвлекающий внимание..)

наоборот – чудовище на пару дней иллюзорно обратилось во Влада. То, что я вижу – это не какая-то голограмма, как внешность Локида, которая всего лишь чей-то удобный грим на Хэллоуин.. нет. Напротив, его человеческий вид – это «грим».

А обезображенный уродливый монстр – это истинный облик того, с кем мы все это время общались и жили бок о бок.

Это он.

Впервые настоящий.

И осознание этого не способно пробудить во мне отголоски его человеческой внешности даже под влиянием мелькнувшего знакомого взгляда. Нет, как трафарет не прикладывай – это не человек.

Да, Локид определенно постарался для друга на славу (чтобы это чудовище скрыть под видом приятного мужчины, наверняка, потребовалось много сил и мастерства) – но вот она, истинная оболочка той твари, что все время под ним скрывалась.

Очевидно, даже эти эмоции слишком читаются по мне, а быть может, просто несложно догадаться, о чем может думать человек, увидев перед собой подобное.. но монстр делает несколько шагов от меня, позволяя вновь подойти к Лео.

Очень осторожно, не спуская с «Влада» глаз.

Больше всего, конечно, хочется бросится прочь, с визгами о помощи.. Но здравый смысл, впервые со вчерашнего утра вернувшийся ко мне, будто после хорошей встряски – напоминает, что: во-первых, все ворота заперты; во-вторых, заперта комната моей сестры; в-третьих, я не могу бросить в замке чудовища бессознательное тело друга. Я должна вытащить его отсюда и отвезти в больницу.

(..еще дышит..)

Быть может, еще есть шанс ему помочь. Донорская кровь, я не знаю, переливания, как-то это делают в фильмах..

Я сажусь на корточки рядом с Лео, а монстр все это время наблюдает за нами со стороны.. но вот над замком показывается кромка встающего солнца. Странно, ведь я видела нечто красное, будто бы луч солнца через веки? Если оно только встает, то что я тогда видела?

И вот его первые блеклые лучи льются через стены к нам, освещая эту сумрачную тень..

БАМ!

Резкое, словно от удара, и глухой стон.. Монстр воеет и обхватывает руками голову, точно кто-то либо сильно по ней приложился, либо вдруг облил его кипящим маслом. Еще мгновение – и он сгибается, словно желая стать меньше и ниже, и принимается метаться в попытке спрятаться..

И тут до меня доходит.

В попытке спрятаться от *солнечного света*.

Да, он спокойно переносил солнце в человеческой оболочке, но, очевидно, в своем истинном облике взаимодействие с солнечным светом для него губительно.

– РА-А-А-А!

Вновь стон-рычание.

Зверь еще быстрее начинает метаться по двору, безуспешно стараясь отыскать тень и скрыться в ней, но всепоглощающие лучи встающего светила, напротив, начинают овладевать все большей территорией его владений.

Вот он отнимает руки от морды и резко поворачивается в нашу сторону.

Так резко, что я затаиваю дыхание, не зная, чего теперь ожидать.

Взгляд, в смятении брошенный на Лео.. потом, вскользь, беспокойный на меня..

И в следующую секунду чудовище уже метнулось к замку, скрываясь за его массивными непроницаемыми стенами от того, что, в отличие от балаура, он одолеть никогда не сможет.

А именно – обычный солнечный свет.

Я озадаченно перевожу взгляд с того места, где он скрылся – на спасительные лучики света. Значит, пока есть естественный свет – мы в безопасности.

Значит, надо успеть убраться подальше отсюда посветлу. Он не сможет выйти во двор, на улицу или куда-либо еще, где его может застать солнце, чтобы помешать нам. Единственное..

ключи.

Чертовы ключи остались у него.

–2–

Но я вновь склоняюсь к другу, поскольку даже мысли о ключах сейчас не так важны, как он. Его лицо все еще настолько пепельное и серое – и, кажется, освещенное лучами солнца, даже еще более неживое, чем прежде – что я всерьез опасаюсь, действительно ли он жив.

Приникаю ухом к его груди, как то делал монстр, и слышу мерное, редкое, едва различимое..

Тук.. тук.. тук..

Будто бы слабый-слабый моторчик, вот-вот грозящийся отказать.

Но, сейчас, по крайней мере, он все еще работает.

Понимаю, что если бы его можно было привести в чувства, разбудить или растормошить – он бы уже проснулся, как и я, от шатаний на плече монстра. Потому не трачу на это время, а пытаюсь его поднять.. но безуспешно.

Он в отличной физической форме, но я намного меньше и худее его. Мне одной просто невозможно его поднять.

(..смерть? о, нет, они не умерли. более того, им даже ничего не будет. проснутся, как новенькие, будто после хорошего, крепкого сна..)

Если так, то от обычного крепкого сна можно и разбудить при надобности. А втроем – с Илинкой и Сандрой – мы уж точно сможем дотащить Лео до его машины. Ключи от его тачки при мне,

(..кидай ключи на пол! немедленно!..)

а Сандра умеет водить. Мы отвезем его в больницу, а дальше уже решим.. Ну, конечно, закинув перед этим в машину все наши вещи и Милли, чтобы никогда больше сюда не возвращаться.

Конечно, мысль о том, чтобы оставить тут Лео одного, пока я пойду будить сестер – кажется ужасной. Но если не привести их сюда, то он здесь может остаться на гораздо более долгий промежуток времени и, кто знает, живым ли..

Вскакиваю и выбегаю туда же, куда ранее убежал монстр. Только в отличии от него, бегу не в замок, а, обогнув его, на главный двор. Там, где и распластались тела сестер, пораженные огненным шаром, когда я видела их в последний раз.

Но выбежав во двор, замечаю лишь щедро залитую солнцем площадку. Машина Лео, как и прежде. Закрытые ворота, как и прежде.. Даже начерченные мелом странные символы, через которые не могли пройти чудища, посланные Локидом..

Но сестер нет.

Я озадаченно оборачиваюсь во все стороны, точно мы маленькие дети, решившие сыграть в прятки, а я голя, которой надо их всех найти.

– Дженна!

И резко дергаюсь, оборачиваясь на знакомый голос. С садовой тропинки, откуда парой дней ранее выходил Грэдиш со своей бешеной кошкой, выбегает озабоченная Сандра. Обернувшись, она кричит куда-то позади себя:

– Илинка, я нашла! Иди сюда!

Раньше, чем успеваю подумать, бегу к ней с непомерным облегчением в груди, совершенно не свойственным ситуации. Конечно, Локид сказал, Локид-не-сказал, но учитывая,

сколько чего он говорил прежде – нельзя было верить начисто его словам. Очень хотелось, конечно, но когда я не увидела их тел – окончательно решила, что они все же умерли, а тот монстр, что пускал в них шар, благополучно сожрал их тела, когда я.. испарилась.

И какое же облегчение увидеть ее (и видимо, Илинку, раз она ее звала) живой и невредимой!

Убедиться, что я не последний, оставшийся в живых после вчерашнего безумия, человек в этом замке! Вернее.. в сознании. Лео пока жив, но без сознания, а Милли заперта, да и что с нее можно будет взять, она ведь ничего не видела и не понимает опасности..

А вот Сандра и Илинка.

Обняв на бегу подругу, и почувствовав, как та с таким же вздохом судорожного облегчения обнимает меня – я уже не чувствую себя покинутым странником после крушения на каком-то богом забытом острове каннибалов.

Теперь нас, по крайней мере, трое.

Втроем мы уж точно найдем способ отсюда выбраться и забрать Лео с Милли.

– Боже, мы чуть с ума не сошли! – задыхаясь, шепчет Сандра, трясая меня за плечи (будто желая убедиться, что я не видение) – мы очнулись, а вокруг никого! Оббежали весь замок, территорию, сад.. совершенно никого! Мы так испугались! Решили, что все..

Несказанные слова повисают в воздухе.

– Боже, как хорошо, что мы тебя нашли! Что ты жива!

Она вновь меня стискивает в объятиях, когда с тропинки выбегает, наконец, и Илинка. Увидев меня, на ее лице проскальзывает какая-то нервно-усталая улыбка. Точно мамаша, обыскавшая своего ребенка уже решившая, что тот почил в канаве – вдруг видит его, бредущего по дороге всего лишь с порванной штаниной.

– Дженна!

В отличие от Сандры она не бежит ко мне, но по глазам вижу, что она не менее рада меня видеть. Однако, помимо радости и облегчения.. вижу в них еще и какую-то смутную тревогу. Конечно, она ведь служит Владу, и наверняка

(..когда господин восстанет и увидишь его вживую – знай, время пришло..)

знает доподлинно, кто он такой. Всегда знала. Как и то, что теперь об этом знаю и я.

Но Сандра, которая даже не знала до последнего, что Влад и есть тот самый «Господин», очевидно не в курсе и его сущности.

И Илинка боится, что я раскрою тайну «Влада» ее сестре, и всем остальным, а она, как его верная слуга, не должна этого допустить. Понимаю, что если это начнется – Илинка всячески начнет все отрицать, получится путаница, которая лишь украдет у нас ценное время, необходимое для жизни Лео.

И ради чего? Мне совершенно без разницы, узнает Сандра или нет, что Влад на деле монстр. Совершенно плевать. Я просто хочу спасти друга и поскорее убраться к черту из Румынии.

Просвещение в мои планы не входит, тем более если кто-то при этом будет вступать со мной из-за этого в активные споры.

Будто прочитав это на моем лице, пресловутая тревога сходит с глаз Илинки и она подается к нам еще быстрее. Однако, я уже отстраняюсь от Сандры, поспешно разомкнув объятия:

– Лео! – указываю в ту сторону, и уже срываюсь с места – мне нужна ваша помощь! Скорее!

Если они что-то и спрашивают – я уже не слышу. Лишь отчетливо различаю их шаги позади себя, говорящие о том, что они побежали за мной. Но когда я забегаю на площадку, то вижу не только тело Лео, но и силуэт, склонившийся над ним..

– А-а-а!

Резко останавливаюсь, и в меня едва не врезаются сестры.. однако, когда силуэт сам в испуге подскакивает на месте и оборачивается – узнаю в нем всего лишь дворецкого.

– Боже, Валентин.. – едва ли не со свистом выдавливаю я, все еще не двигаясь с места – что ты здесь делаешь?

– Мисс, простить.. я.. простить!

Бедолага, кажется, напугался не меньше меня.. и то, как он попеременно косится на тело Лео говорит о том, что напугался, судя по всему, он не только нашему появлению.

– Господин Влад просить его извинить.. – бормочет он – он сегодня немного плохо.. Но я буду помочь везде. Вы только говорить!

Его послал Влад? Но как Валентин, который бледнеет от одного тела Лео, найденного здесь, так спокойно перенес облик «Влада», говоря лишь, что он «немного плохо»..

Или Влад каким-то образом успел себе уже вернуть человеческий облик, потому дворецкий и не напуган? Но тогда выходит, он снова может не опасаться солнечных лучей? Тогда почему не вышел сам? Или солнечные лучи ему не страшны, только при помощи с обликом Локида, а его совместная «трансформация» на такое не способна?

Чувствую, что мозги начинают кипеть и руки начинают стрястись. Очевидно, это замечают и все остальные. Потому что Сандра осторожно трогает меня за плечо, а Валентин с опаской спрашивает:

– Мисс.. вам, как и хозяин, тоже немного плохо?

Меня передергивает от такого сравнения.

Наконец, внимание с меня все-таки переключивается на Лео, и сестры, заметив тело, тут же бросаются к нему.

–Черт! Он жив вообще? – Сандра пытается нащупать пульс, а Илинка, с вдумчивым видом между тем кладет ладонь ему на грудь.

– Жить будет – в итоге сообщает она с такой уверенностью, словно имеет медицинское образование.

– Надо его скорее в больницу! – заявляю – я поэтому вас и позвала! Я сама не смогу отнести его в машину..

– Я помочь, мисс! – встречает дворецкий, оторопело наблюдая за происходящим – я помочь везде, мисс. Хозяин просить, чтобы я..

Но Илинка перебивает его, серьезно глядя на меня:

– Нет, врачи такое не лечат, Джен. В больнице ему ничем не помогут, только загубят. Здесь поможет лишь целебный отвар.

– Отвар? – фыркаю я – чай гонять будем?! Да он умрет! Ему нужно переливание крови и..

– Дженна – теперь ко мне оборачивается еще и Сандра, украдкой кивнув на довольно странную рану Лео на шее, в виде двух точек от укуса – думаю, *в этом* случае лучше послушать совет Инки. Это по ее части.

Однако, не спрашивает, где Лео это получил. Либо и так понимает, учитывая вчерашние события, либо просто не хочет задавать такие вопросы при, и так уже вконец напуганном, Валентине.

Но в любом случае точно никак не связывает это с Владом и его «плохим самочувствием».

– Но.. – я беспомощно взмахиваю руками – он же умрет, его надо..

– Ему надо дать отвар – спокойно повторяет Илинка – и он поправится.

– А где его взять? – сдаюсь я.

Все-таки, Илинка, наверное, знает о чем говорит. Укус вампира – это не укус бешеной собаки, который лечат сорока уколами в живот. А все, что касается Темных – она знает лучше кого бы ни было. Вчера доказала, ни единожды спасая нам жизни.

– Его готовить нужно – заявляет она – по бабкиным книгам я быстро это сделаю. Все прочее необходимое для него тоже есть у нас дома.

– Значит.. ладно, значит надо быстрее в село – киваю я – надо Лео в машину, и..

Быстро сунув руку в карман, вручаю Сандре ключи:

– Это от его тачки. Поведешь?

– Да – после небольшой паузы кивает подруга – думаю, смогу.

– Хорошо, а Лео..

– Я помочь отнести мистер Лео в машина – вновь вмешивается Валентин.

И тут вдруг, обернувшись ко мне с лицом человека, который забыл о чем-то невероятно важном, он сует руку в карман и достает маленькие ключики. После чего протягивает мне:

– Господин Влад просить передать.. это ключи от комнаты мисс Милли. Он говорить, вам они нужны.

Я озадаченно смотрю на ключи.

Он сам отдал ключи и послал дворецкого, чтобы тот помог нам съехать? Я думала, монстр напротив станет препятствовать нашему побегу всеми силами..

– Мисс Дженна.. – смущенно повторяет дворецкий и я поспешно беру ключи.

– Спасибо, Валентин – киваю – ладно, значит поможешь девушкам с Лео? Хорошо – теперь уже смотрю на сестер – я тогда быстро вытащу Милли и возьму чемоданы. И к вам.

Как кстати, что я вчера их собрала.

Потому что каждая лишняя минута в замке, по которому где-то ошивается чудовище, пусть и, скорее всего, вновь в человеческом облике.. будет тянуться целую вечность.

Хотя бы не надо собирать вещи.

Валентин, Сандра и Илинка начинают возиться с телом Лео, а я быстро бегу обратно, к главному двору. После чего, замедляясь буквально с каждой пройденной ступенью, все-таки подбираюсь к главным массивным дверям замка.

В нерешительности стою перед ними пару мгновений.

Общая прислуга прийти еще не успела, слишком рано. Валентин сейчас на площадке. Выходит, внутри замка сейчас только Влад.. однако, там еще и моя сестра.

И это заставляет-таки перебороть страх и зайти внутрь.

-3-

Холл, который и прежде не отличался обилием света и гостеприимством – теперь кажется совсем уж холодным. Даром, что настоящий склеп. Такое сравнение накрывает меня еще большим ужасом, но я заставляю себя перестать накручивать и без того разошедшееся собственное сознание.

Хватает и того, что я увидела – чтобы сверху еще самой чего ни возьми надумывать.

Быстро подбегаю к комнате Милли – а между тем каждый мой шаг гулким эхом раскатывается во все стороны. Да уж, если кто хотел – уже точно услышал, что я вошла. Это заставляет настолько распереживаться, что когда пытаюсь взять маленькие ключи и вставить их в замочную скважину.. пару раз промазываю, а один даже роняю на пол.

БУМ!

Гулкий гул от их падения опять эхом разносится во все стороны.

Чертыхаясь, спешно поднимаю их и теперь, уже тряхнув рукой, стараясь тем самым снять хотя бы большую часть дрожи – я, наконец, не без труда попадаю в замочную скважину (все еще лихорадочно озираясь каждую секунду) и дважды в ней их поворачиваю по часовой стрелке.

Щелк!

Замок открывается и я с опаской тяну дверь на себя. Все еще кажется, что это какая-то ловушка или..

Но нет.

Дверь в комнату сестры без проблем открывается. Я вижу Милли – она все так же безмятежно спит в своей кровати.. и как же я ей завидую. Все это время, что мы боролись с нечистью, уклонялись от огненных шаров, наблюдали фокусы перевоплощения в исполнении Локида и его главную работу – перевоплощение монстра в облик человека (а точнее обратно), что просто перевернуло все известные нам (мне уж точно) знания и понимания этого мира, а вместе с тем и собственное место в оном... все это время она просто спала.

Безмятежным, крепким сном.

Спала на своей кровати и, сейчас проснувшись, единственная странность, которая останется в ее голове – это каким же таким образом Ноэ говорил с ней из-за стены, а потом испарился в воздухе. И конечно, очень постаравшись, я смогу ее убедить, что он лишь иллюзионист, и заперт был совсем не в стене, а в комнате за ней. Тайный бункер, логично существующий в таком старом замке..

Вот бы и меня кто-нибудь уложил вовремя в эту кровать и разбудил лишь сейчас, на отъезде, позволяя не знать ничего из того.. *до чего ранее я так хотела докопаться.*

Я смотрю, как светлые волосы сестры разметались по подушке – очевидно, она сильно ворочалась во сне. Однако, лицо ее больше не пепельное. К счастью, на него вернулся привычным румянец, и это несомненно не может не радовать.

Хрусть!

Какой-то тихий, но разнесшийся эхом и увеличившийся оттого в громкости, хруст где-то на верхних этажах заставляет меня вздрогнуть. И вспомнить, что мы тут не одни..

И что лучше не медлить.

Быстро заношусь в комнату и мягко, но настойчиво трясую сестру за плечи:

– Милли.. Милли, вставай.

Она что-то бурчит, но я трясую ее еще энергичнее, потому что в итоге добиваюсь того, чтобы она открыла глаза. И это уже не те пустые, неживые глаза, которые я видела вчера.. Это вновь, пусть и сонные, но полные энергии и живости глаза моей младшей сестры.

Это вселяет в меня необходимую бодрость духа.

Хоть что-то в эту ночь, которая целиком один большой «непорядок», пошло по порядку. Как и я подозревала, сон привел сестру в относительную норму.

– Вставай – повторяю ей – давай.

Она вновь что-то бурчит, но в итоге приподнимается на локте, сонно шурясь на свет из окна:

– Сколько времени?

– Время ехать.

Подхватываю ее чемодан, что собранным вчера оставила у кровати, и тащу к двери, заметно перевешиваясь на одну сторону. Заметив, что я несу, Милли окончательно просыпается:

– Эй! Это мои вещи.. а.. почему они в чемодане? И куда ты их тащишь?!

Она миглом вскакивает с кровати, кажется, окончательно взбодрившись лучше, чем от двух чашек кофе.

– Мы уезжаем – говорю – Лео стало немного плохо, Илинка его подлечит..

– Что.. Лео.. причем здесь Илинка?

И тут я понимаю, что сестра не знает не только событий этой ночи.. но и многого, что ей предшествовала. Например, что Илинка ведьма. Конечно, она видела ее припадки, но сестры так ловко в тот вечер их обошли и описали, что мы обе толком ничего не поняли.

А когда объяснили по порядку все мне – ее рядом не было.

– Потому что.. – сходу так и не сообразить – потому что у них есть большие запасы трав, которые.. ну.. нужны. Знаешь, всякие там бабки-целительницы?

– Колдуньи? – ее глаза оживают – значит, их бабка и правда была колдунья?

Ах да, это же обсуждали при ней. Серп, подвал..

– Да! – подхватываю – вернее.. не то чтобы колдунья, но что-то типо целительницы. В общем, Илинка ему поможет. У нее есть бабкины записи о травах.

– А что с ним случилось? – теперь выражение лица обеспокоенное – и почему не повезти его в больницу? И почему МЫ-ТО съезжаем?!

– Не можем же мы бросить друга одного – но по выражению ее лица вижу, что звучат мои слова неубедительно.

Ах черт, Милли, если бы ты знала кто сейчас с нами в одном замке, ты бы не тянула так кота за хвост!

Ставлю чемодан у двери, переведя дыхание:

– В больнице.. его не примут, это не Штаты, а другая страна, его страховка не подходит.. а нужную он не оформлял..

Остается лишь надеется на неосведомленность сестры в этих делах, иначе моей байке конец:

– И поэтому остается только помощь Илинки.. да там ничего страшного.. его какой-то дикий койот в лесу цапнул..

– Тут есть койоты?

– Да.. – неопределенно отмахиваюсь – Носферату кинулся в лес, как раньше кошка Грэддиша, Лео за ней.. а там его цапнул койот.. в общем, нужна ему помощь, но все в порядке.

– Ясно..

Лицо Милли становится все более озадаченным и не понимающим.. но главное – не скептическим. Значит, моя байка зашла на ура.

Но тут она хмурится:

– Но мы же можем поехать с ним.. не обязательно с вещами? На ночь сюда..

– Милли, мы не только из-за Лео.. – между тем, кидаю ей теплую кофту, чтобы она надела для выхода – мы в принципе уезжаем. Дождемся, пока Лео получше станет, и домой.

– Что?! Отпуск еще не кончился! – вот теперь возмущение на лицо.

Что ж.. дабы не говорить ей правду и не ломать психику.. придется сказать то, что не просто ухудшит наши отношения, а сведет на нет те жалкие попытки улучшения, которые я предпринимала все это время:

– Мне позвонили с работы, Милз. Срочный заказ, необходимо вылетать как можно скорее обратно.

– С работы?! Опять с работы?! Ты же в отпуске!

– Да, но работа дело такое.. ты же видела..

– Да! Я видела, что все это время..

– Милли! – обрываю – дела таковы, что мы возвращаемся домой. А сейчас едем отвозить Лео в дом Сандры и Илинки. Надевай чертову кофту и за мной.

На ее лице возмущение теперь мешается с раздражением и даже ненавистью:

– Ненавижу этот отпуск! Ненавижу!

– Рада за тебя. А теперь вперед.

– Но..

И тут ее глаза сверкают нехорошим блеском.. воспоминания:

– Подожди.. а Ноэ.. он же.. – блеск еще ярче – он же растворился в воздухе? И..

– Нет – стараюсь отрезать тоном из разряда «боже милли тебя обвести вокруг пальца легче чем ребенка» – Влад рассказал, когда ты уже легла спать, что Ноэ иллюзионист. Это был фокус, только и всего.

– А то что..

– Не за стеной. Это был некоторый бункер.. они с Владом просто разыграли тебя.. нас обоих.

– Но..

– Стена обвалилась.. это непредвиденная случайность. Поэтому Влад и разозлился – это действительно было опасно. Возится в подземелье. Замок старый, обвалы это не редкость.. Чудом повезло, что никто не пострадал.

Стараюсь отвечать так быстро, чтобы у Милли просто не оставалось времени для раздумий над моими ответами.. и находениями в них очевидных пробелов. Например, если Влад договорился с Ноэ разыграть нас – почему сам Локид был в таком бешенстве? Почему, когда Милли у комнаты спросила Влада, плохо ли, что она выпустила злого на нас всех Ноэ.. Влад не стал этого отрицать? В чем, если это лишь веселый розыгрыш, заключалась соль повторения слов – если обвал стены – лишь непредвиденная опасная случайность? И куча таких несостыковок, способных разоблачить мою непродуманную заранее чушь в два щелчка.

Но видимо, мой прием «быстрых ответов» работает. Плюс, Милли сама только парой минут назад проснулась. К тому же, небрежный взгляд собеседника готов убить чью угодно уверенность в своих словах.. А именно таким я стараюсь сейчас сверкать.

И вновь, не давая ей времени обдумать, повторяю без паузы с последним предложением:

– Быстрее, нас уже ждут. Бери чемодан и к машине. Я пока соберу вещи Лео и кота.

– А он сам.. ты же говорила, просто койот покусал..

Черт.

Черт-черт-черт!

– Ну да.. ну, видимо, у Лео какая-то аллергическая реакция, он потерял сознание..

Уверенность в собственных убеждениях уже было успев утихнуть – вновь возвращается на лицо сестры.

– Я не медик, откуда мне знать?! – пользуюсь излюбленной тактикой Влада «лучшая защита – это нападение» – бери чемодан и в машину. Хоть однажды будь действительно взрослой! Лео нужна помощь, а мы тут время тратим!

Кажется, все-таки упор на Лео заставляет сестру чуть опешить.. Конечно, ведь до Локида он был первым на месте ее кумиров братьев, парней и тд.

И когда я поставила «благополучие Лео» напрямую созависимым от «скорости», результат не заставил себя долго ждать.

– Ладно – понутив голову, сестра все-таки надевает чертову кофту и забирает у меня свой чемодан.

– Во дворе – напоминаю – машина Лео.

– Как будто есть какая-то другая! – огрызается она, и вновь этот знакомый блеск озарения в глазах – точно, есть другая, Влада.. кстати, а где Влад? Он едет с нами?

– Нет, у Влада дела. К тому же – ты знаешь их отношения с Лео. Он не станет откладывать дела, чтобы сидеть рядом с ним и печься о его здоровье.

Срабатывает, да хвала небесам за маленькие послабления.

– Лео да.. Но а мы? Как же попрощаться с нами? – неуверенный вопрос, как бы ради «я должна была попытаться» – мы ведь если уезжаем насовсем..

– Влад не сентиментален – жму плечами с деланным равнодушием – он знает, что мы уезжаем, но день у него занятой с самого утра, потому даже не вышел попрощаться. Послал вместо себя Валентина помочь нам с вещами. Кстати, ты его сейчас встретишь – хмурюсь – если наконец пойдешь уже к машине!

Милли кивает и, наконец, выходит с чемоданом из комнаты. Я выхожу следом и, лишь дождавшись, что она наконец выйдет за пределы замка, заставив громко ухнуть массивные двери – беру около своей двери собственный чемодан и подношу его к комнате Лео, облакачивая теперь на это стену. После чего юркаю внутрь.

Злобный лысый кот сидит на кровати, словно давно дожидаясь меня.

Вспоминаю, с каким грохотом за дверью его ловил сам Лео для прошлого отъезда...

Но по сравнению с теми монстрами, что я уже видела – эта лысая кошара кажется просто мягкой безобидной игрушкой.

– Времени нет – сообщаю ему, словно он может что-то понять – поэтому лучше бы тебе сразу залезть в переноску.

Начинаю совать вещи Лео в чемодан, надеясь, что не забуду здесь чего-то важного для него. И когда (*когда* – а не *если*) он очнется, то не убьет меня за то, что я его забыла важный блокнот, мобильник, кофту или типо того. Наконец, застегнув его чемодан, беру со столика переноску и смотрю на кота.

Его яркие зеленые глаза начинают блестеть.

– Кис-кис-кис..

Однако, голос мой слишком напряжен, потому это «кис-кис» звучит скорее истерично-визгливо, чем успокаивающе. Животное тут же вскакивает.

Ставлю переноску и после некоторых попыток умудряюсь его словить. Однако, словить дело одно – а вот затолкать его в переноску, при виде которой он начинает шипеть как сумасшедший, вырваться и царапаться..

– Ладно – психую – суну тебя Милли, она вроде нашла с вами со всеми общий язык.

Беру переноску в одну руку, а кота под мышку и выхожу на улицу. Там же уже возле машины стоят Сандра, Илинка, Милли и Валентин с озабоченными лицами. Подойдя, первым делом сую кота сестре:

– Твоя забота до села – сообщаю – он вырывается и не лезет в переноску.

Милли с готовностью его берет и сюсюкает, а я спрашиваю у остальных:

– В чем дело?

– Лео занял все заднее сиденье – Сандра обеспокоенно кивает в открытую дверь на бесознательное уложенное тело друга – теперь сюда только двое влезут. Водитель и еще один.. а нас..

– А нас в два раза больше чем двое – кивает Милли.

Валентин все еще неуверенно топчется на месте:

– Я сейчас мисс.. – и уже семенит к замку – я только спросить мисс.. подождать меня..

– Куда он? – хмурится Сандра.

– Не знаю – отмахиваюсь – так, в багажнике есть место? Нужно сунуть переноску и чемоданы..

– Сколько? – озабоченности на лице Сандры становится больше – мы запихали туда, конечно, чемодан Милли.. но едва ли туда влезет больше еще одного такого же..

– У нас их два – мрачней я – мой и Лео.

– Проклятье.

– Как будто это многое меняет – фыркает Милли, между тем укачивая Носферату – можно подумать, если бы влезли все чемоданы, мы бы смогли вчетвером уехать на двух сиденьях!

Логично.

– Ладно, в любом случае не оставлять же их здесь. Я сейчас принесу.

– Давай.

Я бегу обратно в замок за своим и Лео чемоданами.

Но забежав в холл, вдруг резко останавливаюсь. В конце его стоят два силуэта, о чем-то тихо переговариваясь. Один из них – Валентин, растерянно что-то показывая руками, а второй..

Влад.

В своем человеческом обличье.

-4-

– Те гоо – его голос вновь низкий и звучный голос мужчины, совсем не похожий на то рычание, которое я слышала возле скалы перед тем, как

(еще бьется.. еще бьется..)

отключиться.

Собственно, и внешность вновь та же самая, нисколько не говорящая о том, какое чудовище под ней скрывается, подобно волку, облачившемуся в козочку.

– Да, bine.. – короткий, покорный ответ дворецкого.

Но вот массивная главная дверь, которую, ошеломленная представшим, я забываю за собой придержать – громко хлопает прямо за моей спиной, заставляя от неожиданности подпрыгнуть.

Грохот разносится эхом по холлу – и мужчины, услышав его, тут же умолкают.

На мгновение воцаряется гробовая тишина.

Но вот Влад склоняется к Валентину еще ближе, что-то неразборчиво добавляет и сует в руку. После чего, даже не глянув в мою сторону, поспешно уходит вдаль по коридору, вскоре скрывшись из виду.

Валентин же, только сейчас позволяет себе обернуться и быстро спешит ко мне:

– Мисс, я сказал господин Влад, что в машина мистер Лео все не помещаться. И господин Влад дать своя машина, чтобы я отвезти вас – теперь он показывает ключи.

Видимо, их Влад и сунул ему в руку.

Не знаю, радоваться такому разрешению проблемы или нет.

Что ж, наверное, все-таки да. На машине Лео мы бы все со всеми вещами точно не уехали. Тем более – только машина Влада, а отвозит ведь дворецкий.. который сам пошел и спросил об этом у хозяина, увидев, что у нас есть проблемы.

– Спасибо, Валентин – в искреннем порыве кладу ему ладонь на плечо – ты сильно нас выручаешь.

– Что вы, мисс – смущается он – это не я, это господин Влад. Я только отвезти.

– И все равно ты очень помог – настаиваю я, не желая выделять благодарности «господину Влада».

И вообще как-то касаться его ... личности? Можно ли говорить о какой-то личности, когда речь идет о древнем безобразном монстре?

Обхожу дворецкого и подхватываю свой чемодан, заметно перевесившись. Мужчина тут же обеспокоенно подбегает и перехватывает его у меня:

– Что вы, мисс. Оставить, тяжело. Я помочь. Я поставить машина ко входу, и вынести чемоданы.

– Спасибо – киваю на рядом стоящий чемодан Лео – его тогда тоже, если вас не затруднит?

Он улыбается:

– Конечно, мисс. Я помочь.

– Спасибо.

Оглядев холл еще раз, дабы удостовериться, что кроме чемоданов я ничего больше не забыла, выбегаю обратно. Остальные все так же в нерешительности мнутя у машины.

– А где вещи? – изумленно спрашивает Сандра, когда я спускаюсь с последних ступенек.

– Все нормально. Валентин вынесет, когда подгонит машину.

– Машину? – теперь уже все оборачиваются на меня.

– Да, он сказал .. Владу о том, что мы не помещаемся. И тот дал ему ключи от своей машины, чтобы нас отвезти.

– О, та крутая дорогушая тачка, что тебя забрала от отеля? – загорается Милли – чур, я с тобой на ней!

– Вот и разрешилось – кивает Илинка – а мы с Сандрой как раз помещаемся сюда.

– Но если Валентин болтал с Владом – вдруг озадаченно хмурится Милли, – значит у него есть на это время. Почему не выйти на минуту и с нами не попрощаться?

– Влад не выйдет попрощаться? – изумляется теперь и Сандра.

Ну да, о Владе-то она знает не больше Милли.

Лишь мы с Илинкой как-то тревожно и понимающе переглядываемся.

– Если бы у него были желание и возможность – отрезаю я – он бы вышел. Если не выходит, значит либо не может либо не хочет. По-моему, куда важнее сейчас Лео, чем..

– Да, никогда бы не подумала, что койоты могут к такому привезти–сестра озабоченно глядит на Лео через открытую дверь машины.

Сандры с Илинкой мельком бросают на меня озадаченные взгляды, но тут же они сменяются пониманием. Милли не знает ни о нечисти, ни о чем, что вчера происходило – и пусть так и остается.

– Да, порой дикие лесные звери могут быть очень опасны – кивает Илинка – мало ли, чего они переносят..

– И ты точно знаешь, как ему помочь? – сомневается сестра.

– Да.. тут мне кажется, никакого заражения, иначе бы рана начала гноится.. думаю, просто болевой шок.. или что-то вроде того.

– Целители в селах все равно, что врачи – киваю.

Илинка вновь бросает на меня мимолетный взгляд, как бы пытаюсь понять, на что я ей намекаю.

Но Милли сама помогает куда лучше. Вдохнув, она тянет:

– Да, бабка-целительница.. жалко, я думала, что она все-таки правда колдунья..

– У нас многое перевирают – соглашается Сандра.

– Но ведь ты сама говорила – теперь Милли косится на Илинку – что она колдунья.

– Разве вылечивать людей лишь с помощью трав это не настоящее колдовство? – снисходительная улыбка.

И Милли сто процентов до всего докопалась бы (потому что скептицизм уже начал проявляться на ее лице), как вдруг мы слышим знакомое урчание мотора, перебившее нас разговор. Из-за угла заднего дворика выезжает машина Влада. За рулем узнаю Валентина, который останавливается в опасной близости от машины Лео.

После чего выскакивает из салона и кивает нам:

– Я быстро, мисс. Чемоданы отнести и можно ехать.

– Хорошо – киваю я.

Увидев машину, Милли еще раз подозрительно косится на нас, но все же, прижимая к груди кота, юркает в салон:

– Смотри, где поедет, Носферату? Стоит, наверное, дороже чем наш дом в Америке..

Когда сестра полностью забирается в машину, Сандра, наконец, чуть одергивает меня за руку и склоняется к уху:

– Кстати, а на самом деле, кто укусил Лео? Одна из тех тварей, с которыми они сражались в лесу с Владом?

– Да – поспешно уцепившись за данную ей же мне версию, киваю я (между тем заметив тревожный взгляд Илинки, наблюдающей за нами, но не вмешивающейся) – какая-та нечисть из того сброда.

Пока у Сандры не появится еще множество вопросов касательно Влада, на которые уже не хватит моего воображения, Илинка окликает ее:

– Чего вы разболтались? Сандра, садись. Валентин вещи перетащит и можно ехать. А то нас и будут ждать.

Ловко.

И вновь, будто младшая, а не старшая сестра, Сандра кивает и они (захлопнув заднюю дверь машины), садятся на свои места. Мгновение – и мотор тачки Лео начинает мерно урчать.

БАМ!

Грохает дверь и оборачиваюсь.

Валентин, передвигаясь крабиком, как раз спускает вниз два огромных чемодана. Я сажусь на переднее сиденье, пока он укладывает их в багажник.

Милли же одна расположилась на заднем, улюлюкая кота.

Проходит пара мгновений, прежде чем она щурится и вновь заявляет:

– Знаешь, я может и проспала многое.. но не настолько идиотка, чтобы не понять, что что-то «многое» все-таки произошло. Как койот смог укусить Лео именно в шею? И почему вдруг Илинка быстро переметнулась на бабу-целительницу, когда была убеждена, что она колдунья? И я сама видела в подвале те тетради! Пентаграммы! – голос ее становится все взбудораженнее и пронзительнее – это были не тетрадки целительницы! И *кто* тогда покусал Лео, если его могут вылечить отвары, сделанные по *этим* тетрадям?

– Вампир – с демонстративным раздражением отвечаю я – конечно, это сделал вампир, Милли. Ты ведь на это намекаешь.

– Окей, но почему тогда койот вцепился именно в шею?

– Лео наклонился за котом, а койот бросился на него из-за кустов, поэтому и достал до шеи.

– А откуда *ты* знаешь такие подробности?

– Я помогала ему его ловить.

–Надо же, как это койот тебя тогда не покусал – не скрывая сарказма, отвечает сестра.

– Я тебе еще раз говорю – да, ты меня поймала. Это был вампир.

Где-то я слышала такую фразу *«если хочешь, чтобы тебе поверили- соври, если хочешь, чтобы не поверили- скажи правду»*.

И, кажется, тот кто ее придумал – гений.

Потому что я говорю Милли настоящую правду, ту, причем, в которую она сама же хочет верить и которую хочет услышать – но она даже не думает воспринимать ее, как истину лишь из-за того, что я соглашаюсь с этим. Считает, что я вру, издеваюсь или просто жестко подшучиваю.

Но точно не говорю правду.

В лобовое стекло вижу, как, управившись с вещами, Валентин обходит обе машины и идет к воротам. Достает ключи, открывает их и только после этого возвращается.

– Интересно, что за нашествие койотов тут случилось – сухо замечает сестра позади – что даже ворота впервые за все наше время проживания вдруг позакрывали..

– Влад так захотел – жму плечами – откуда мне знать, что ему в голову стукнуло. Ты могла бы спросить у него лично – но как видишь, он не шибко желает с нами прощаться.

Наконец, Валентин открывает дверцу и забирается в салон:

– Все готово, мисс. Едем?

– Конечно.

Машина Лео (с Сандрой за рулем) уже выворачивает и выезжает первой, и дворецкий выруливает следом за ними. В зеркало салона вижу, как Милли оборачивается и в заднее стекло автомобиля выглядывает на замок.

– Как много птиц.. – бормочет она – я и не замечала их раньше..

Озадаченно оборачиваюсь и, за мгновение до того, как замок окончательно и навсегда скроется из виду,

(..и тут я замечаю одну странность, на которую не обратила бы внимания, не старайся удерживаться в сознании посредством его разглядывания..

– над замком исчезли все птицы.. – озадаченно бормочу владу – больше нет ни одной, посмотри..)

замечаю, что над его башнями вновь царит непривычное оживление.

Птицы вернулись.

-5-

– Вы их не замечать, мисс, потому что их много дней не быть – говорит Валентин, очевидно, не поняв, что это была пространственная речь, не направленная ни к кому конкретно.

Однако, Милли тут же переключается на дворецкого, поняв, что с ним можно, пусть и скудно, но вести диалог по-английски. Она отпускает кота и, чуть пригнувшись вперед (тем самым едва ли не вклинившись между мной и дворецким), невинно уточняет:

– Скажи, Валентин, а ты знаешь, почему Влад не захотел выйти с нами попрощаться?

– Милли – цежу – я же сказала..

– Я знать, мисс – кивает Валентин – господин Влад сказать, что не хочет прощаться.

Сестра изумленно вскидывает брови. Уж наверняка думала сейчас выпытать какой секрет у дворецкого, а не получить ту же версию, что от меня:

– Почему не хочет?

– Господин Влад передать, чтобы вы его извинить, но он считает, что прощания не помогают, а

(..мы и правда зря пришли, аслан. прощания не помогают, а делают только хуже. лале это не нужно.)

а делать только хуже. Потому он не любит прощаться. Но желать вам удачный пути.

Кажется, этот ответ хоть немного и озадачивает, но устраивает Милли и та унимается. Хотя бы на время. И, наконец, вновь скрывается на своем заднем сидении, не нервируя меня.

Однако, судя по тому, что точь в точь такую же фразу говорил тот Влад в прошлом (точнее, этот же самый, но до того, как стал монстром.. боже, до сих пор не могу поверить, что тот юноша Влад, которого я вижу в видениях, и это безобразное чудовище – это один и тот же... человек? создание?) – я могу заключить, что это не Валентин придумал только что сам, чтобы сгладить напряженную атмосферу, а Влад действительно сказал такое.

Сказал такое ему, а тот забыл передать ко времени.

Но зачем он в принципе просил это передать?

Эта фраза едва ли что-то скажет Сандре, Милли или даже Илинке, кроме того, что хозяин вдруг оказался груб или просто нашел причину не тратить свое время. И только я, зная прошлое по перемещению с помощью картин, смогу понять, что на самом деле он этим хотел сказать.

Ведь когда то же самое он говорил Лале – он тоже казался безразличным и даже грубым. Но на деле говорил это лишь оттого, что его боль от происходящего была намного сильнее, чем можно было представить.

Быть может, этой фразой он хотел и до меня донести, насколько болезнен для него наш отъезд?

Но может ли быть такое, что у монстра могли остаться подобные чувства? И сохранилась ли возможность испытывать их доподлинно, совсем как люди?

Да, нельзя, наверное, сказать, что он прямо-таки звериный монстр. Совершенно без чувств и разума. Ведь, говоря откровенно, он знал заранее, какова будет реакция на его секрет и что за этим последует.

Влад ведь предупреждал, что

(..но поверь, есть в мире такие истины, которые человек принять просто неспособен без фатальных последствий для себя самого. возможно, не сейчас, а быть может и никогда..)

(..я и так уже сказал больше, чем стоило. но это точно была правда, до последнего слова..)

(..порой правда, как фисташка: тебе ее дали, но чтобы достать этот орешек, необходимо вытащить его из скорлупы. если начать жевать его сразу, со скорлупой – можно решить, что это вовсе не орех и тебя обманули..)

(..я дал тебе сейчас гораздо меньше того, что у меня имеется – но и этого оказалось гораздо больше того, чем ты способна принять..)

мне не понравится его правда.

Но несмотря на это, и на очевидные последствия, он ведь действительно мне ее давал. Всю целиком, без вмешательства Локида. Ноэ лишь помог мне, точно маленькому ребенку, очистить орех от скорлупы. Но ведь уже очень давно этот самый орех

(..ведь этому замку уже больше пяти веков. он кажется глухим и неприступным, бесчувственной каменной машиной. но так было не всегда. когда-то его стены были полны жизни. а потом.. жизнь погасла, и он совсем окаменел. на очень долгое время. знаю, порой тебе бывает в нем страшно, но твое появление... за долгое время запустения.. оно пробудило его. озарило лучом света вековую тьму. и он ни за что не причинит тебе вреда. никогда..)

дал мне сам Влад. Теперь я понимаю, к чему он тогда, сказав это, добавил про фисташку. Потому что именно в тот самый момент он дал мне ее. Эту фисташку – самую главную правду. Свою самую сокровенную тайну.

Просто накрыл пеленой слов. Он сказал истину от первого до последнего слова – только вот говорил совсем не о замке, а о себе самом.

И если бы я хоть немного подумала -

(..кто знает, если бы направляла эти качества в замке в другое русло, то быть может этого бы шоу и не понадобилось. ты бы добралась до сути сама гораздо раньше..)

то давно бы получила свою фисташку сама. Давно поняла бы, что раз он и есть

(..да, мой предок, основатель этого замка, очень дорожил этими картинами..)

Влад III Дракула, тот самый юноша из прошлого и основатель замка, значит это именно ему и были дороги картины, и вероятнее всего, были дороги именно из-за девушки, которая их

(..«пожалуйста, возьми картины. они твои. и всегда были твоими. влад»..)

нарисовала. Из-за Лале, схожест с которой он и увидел во мне, чем и было обусловлено все это время его «особенное» отношение.

Все становилось совершенно ясным, если немного смекнуть..

Но, черт возьми, я ведь тогда была убеждена, что все участники тех событий мертвы и никак один из них не может каждый день мелькать передо мной спустя шесть сотен лет!

Теперь-то очевидно, что остался все же один выживший очевидец тех лет.

Однако, порой стоит просто увидеть, чтобы понять – лучше бы и ему, и всем остальным – чтобы он почил обычной людской смертью тогда, шесть веков назад вместе со своими друзьями.. Потому что плата за вечную жизнь порой бывает несоразмерно высока.

Да, он может жить вечно или, по крайней мере, очень-очень долго.. но кем? Чудовищем? Безобразным монстром, вынужденным напяливать тысячу костюмов, чтобы скрыть, кто он такой на самом деле? Других может и можно на время этим обмануть, но как обмануть самого себя?

Как забыть, кто ты на самом деле?

Может, именно поэтому, невзирая ни на что, он и пытался крупными выдавать мне правду, чтобы однажды я смогла собрать ее в цельную картину? Вероятно, он думал, что если я буду получать это постепенно и медленно

(..этого я и опасался. из-за этого был опасен и локид. всему свое время, джен, а ты очень сильно торопишь события, думая, что делаешь себе тем самым лучше..)

то, поставив последний пазл на место, совсем не ужаснусь. Меня совсем не покоробит от его сущности (что позволит и ему самому, наконец, принять себя таковым), и я умилюсь тому, что он сказал мне правду. Что он сам, без чье-либо давления, захотел мне раскрыться.

Но, господи, кажется для такой правды нет нормального подхода или оправдания. Нет достаточного времени или подготовки к этому человеку. На эту правду никак не могут повлиять ваши предыдущие межличностные отношения или мнение о нем.

Черт.

Да это же как признание в убийстве!

Хоть кто-то тебе это скажет, хоть человек сам лично признается, хоть быстро, хоть будет тянуть кога два года – едва ли в итоге это что-то смягчит. Потому что *сама правда* – сам этот факт – не может считаться нормальным и никто не вправе рассчитывать на попущение от собеседника по тем или иным причинам.

Факт того, что он монстр, остается фактом, в какую фольгу не заверни и как долго не упаковывай. И тот факт, что он пытался мне об этом сказать сам по типу откровений – совсем не трогает, а скорее ужасает.

Ужасает то, что он действительно думал, что я раскрою объятия и скажу «ой, ну это ерунда, мелочи жизни, справимся».

Проклятье, нет, это не ерунда.

Стоит лишь вспомнить эту безобразную клыкастую морду, покрытую серой, неживой кожей, под которой бугрятся огромные кости.. и понять, что это не ерунда!

Вампиры не такие, какими их представляет Милли.

И хуже того, чтобы увидеть вампира – может быть только открытие оного в ком-то из окружения, на которого подозрения и не падали. Это как если бы приехать к бабушке на каникулы, а она ночью обернется шерстью и пойдет выть на луну. Пожалуй, осознание того, что все это время монстр был рядом с тобой – окажется еще хлеще самого факта, что это монстр.

Потому что в моей голове уже практически затуманились те острые чувства ужаса и страха при виде нечисти, валившей из-за стен.

Но меня все еще сковывает холодом воспоминание о том, как к шее Лео приник Влад, а опустило его на землю.. уже древнее чудовище.

– Мисс, мне ехать за машиной мистер Лео?

Голос Валентина, точно глоток свежего воздуха, позволяет вынырнуть мне на поверхность из омута своих мыслей. Это, пожалуй, было не аквалангистское безопасное изучение допустимых глубин, а просто постепенное погружение на дно огромного океана без каких-либо приспособлений и даже кислородного баллона.

Я замечаю, что мы въезжаем в селение Холодное – очевидное, этим и обусловлен вопрос дворецкого. Проезжать ли далее на выезд в направлении Бухареста, или же остановиться там, где остановятся они.

Конечно, по большому счету, мы можем с Милли уже прямо сейчас ехать в отель, а Илинка с Сандрой разберутся с Лео, в этих делах я едва ли могу помочь.. однако не могу бросить друга, не удостоверившись, что он точно выкарабкался и пришел в себя.

– Да-да – киваю слегка запоздало – за ними. Мы уже почти приехали.

– Хорошо.

Однако за всеми этими мыслями и чуть не упускаю еще одну странную деталь. Да, конечно, Влад монстр и чудовище, о чем я узнала благодаря Локиду, который так благородно его разоблачил, помог мне раскрыть фисташку..

Но кто на выходе сам-то Ноэ?

Уж точно не обычный человек. Он знает Влада

(..ноэ помог освоиться в новом для меня мире..)

(..приятель был у него среди Темных, взбалмошный тип <...> этот приятель очень хотел, чтобы король ушел к ним, Темным. убеждал его, просил..)

еще с XV-го века, значит, как минимум,

(..он просто хорошо выглядит. поверь мне, милли, ноэ намного старше, чем кажется..)

живет столько же. Он из Темных, но при этом

(..он мастер иллюзий. лучший в своем мире..)

не колдун.

Мастер иллюзий..

Но иллюзионисты, даже при всем своем профессионализме, еще не научились одурачивать саму смерть – потому не живут по сотням лет!

К тому же, Локид сам не хотел

(..кто ты такой?!

– ну, этого тебе знать совсем необязательно для того, чтобы понять замысел моей кропотливой работы..)

своей сути – и это притом, что отчаянно пытался разоблачить самого Влада. И притом, что, по большому счету, ему плевать на мнение «жалких тварей»? Так что же настолько страшного он скрывает о своей сущности, что даже в той ситуации не раскололся?

Подозреваю, что упаковав чемоданы – мы сбежали не от одного, а сразу от двух монстров (а поди и того больше).

Впрочем, разве могут быть кем-то иными Темные? Это монстры.

Чудовища, по природе своей.

Все до единого.

Машина мягко снижает скорость, и я вижу, как мы останавливаемся рядом с уже при-
тормозившей у калитки дома машиной Лео. Из нее вылезают Илинка с Сандрой и открывают заднюю дверцу.

– Мы приехать, мисс Дженна – заявляет дворецкий, окончательно остановив машину – я помочь вам с вещами.

– Спасибо, Валентин, здесь мы уже сами.

Делаю вид, что вожусь с ремнем безопасности, пока Милли наконец не славливает кота и не покидает салон. После чего, оставшись одни, оборачиваюсь к дворецкому, боясь выглядеть сейчас так же безумно в его глазах, как парой дней ранее в моих выглядел Жан. Но все же говорю:

– Спасибо за всю помощь. И.. Валентин, будь, пожалуйста, осторожен. Береги себя. Места у вас.. *опасные*.

– Да, мисс, места опасный – соглашается он – дороги крутой, туман, бури.. но я быть осторожен, мисс – улыбается – и господин Влад буду осторожен.

И едва я уже думаю, что он все-таки правильно меня понял, как дворецкий добавляет:

– Не беспокойтесь, с нами обоими все быть хорошо. Места не опасный, если знать. Если не знать – намного хуже.

Открываю дверцу и вылезая из салона автомобиля, после чего, немного подумав, все-таки отвечаю:

– Я тоже так раньше думала. Но это не совсем верно, Валентин. Порой *знать* – намного *хуже*.

Валентин все-таки выбирается и помогает вытащить наши с Лео чемоданы из багажника, но в остальном я все-таки остаюсь непреклонна и он, наконец, соглашается поехать обратно. Пока Сандра с Илинкой вытаскивают из салона Лео, я закидываю голову к небу.

Безмятежное и ясное.

Село только-только начинает просыпаться. Утро настолько раннее, что даже в деревне еще не все проснулись. Зато уже деловито копошатся их животные. Самый обычный день.

Но ведь он мог

(..они идут в селение холодное.

– в наше село? за кровью?..)

быть совсем не таким. А мог вообще не быть.

Но почему-то мысли об этом кажутся уже нереальными. При свете солнца, тех ранних пташек, что уже подоили коров и желают другу доброго утра, не упуская возможностью переболтнуться друг с другом через забор очередной сплетней, блянии овец.. При виде всего этого кажется каким-то нереальным, чтобы сюда через лес вчера шла орда каких-то слизней без определенных тел.

Наверно, такими же нереальными и несущественными кажутся и родовые боли женщинам, через некоторое время после родов – и потому они рожают и второго, и третьего..

Что было бы, если бы человеческая память была максимально восприимчива к подобному и не блокировала бы насыщенность воспоминаний? Думаю, люди бы просто сходили с ума от количества боли, безумия и ужаса в нашем мире.

Подозреваю, краткосрочность яркости таких событий – лишь одно из форм проявления инстинкта самосохранения.

– Нет, Носферату!

Меня отвлекает голос сестры. Резко оборачиваюсь и только и вижу, как у меня под ногами пробегает лысая куча. А следом за ней, вихрем торнадо, проносится сестра.

Черт, ей ведь поручалась всего одна задача – следить за котом. Как можно бы даже здесь облажаться?

– Джен, помоги – окликает Сандра.

Они уже вытащили Лео, но не могут затащить его вдвоем в дом. Двое должны нести переднюю часть, и еще один – ноги. Вероятнее, будь мы мужчинами или хотя бы покрупнее, управились бы и вдвоем. Но а так нет.

Я оставляю чемоданы на улице (вряд ли за это время, да и еще с Милли рядом, гонящейся за котом, их кто-то-то сопрет) и мы втроем, не без труда, протаскиваем Лео в калитку, а после и в летний домик. Кладем его на ту же кровать, где он спал ранее.

При виде того, как безжизненно свешивает его рука с кровати, мое сердце безнадежно ухает.

– Ты уверена, что отвар поможет? – вновь спрашиваю у Илинки – он.. кажется, еще хуже стал.

– Стал – бесстрастно соглашается она – только оттого, что помощи не получает. Но сейчас все лучше станет. Только отвар сделаю и сразу подниму его на ноги.

– Отвар – тут же спохватываюсь – я могу помочь, только скажите, что делать. Ну, чтобы быстрее было, и скорее его дать..

– Быстрее будет, если мешаться не станешь – со снисходительной улыбкой сообщает Илинка, после чего кивает Сандре – а вот ты поможешь, а то так до утра провозимся. Пошли, тут бы и правда лучше поторопиться – краткий взгляд на Лео – с ним действительно худо.

Да, пусть это трезвая и честная оценка – но от нее становится еще хуже.

Недавно я поняла, что правда это совсем не мое. Сладкая ложь мне по вкусу нравится куда больше.

Когда сестры уходят в основной дом делать отвар, я выхожу забирать чемоданы на улицу. Милли к этому времени уже успешно словила кота и держит на руках – правда, вид у животного тот еще. Испуганный и злой, сложнее понять, чего больше.

– Он переживает без Лео – поясняет она, хотя я и не спрашиваю.

Чувства кота – самая меньшая из проблем, который сейчас у меня есть. Беру оба чемодана и с трудом тащу в летний домик. Милли идет за мной:

– Что сказала Илинка? Лео скоро оклемается?

– Не знаю, сказала отвар сначала нужен.

– А долго его делать?

– Я не знаю, Милли! – психую – я же не гугл, какого черта ты ко мне пристала?

Она хмурится и фыркает:

– Подумать можно, пару вопросов всего задала. Если нервы шалят, я не виновата.

– Ладно, прости..

Но сестра меня уже не слушает. Решив, видимо, демонстративно показать (как ребенок) свою обиду, она поворачивается и уходит в другую сторону. В основном дом, к Илинке и Сандре.

Ну и ладно.

Так даже проще.

Чемодан Лео сразу затаскиваю в его комнату (вновь невольно скользнув взглядом по пепельно-серому лицу друга), а свою оттаскиваю в соседнюю.

Принимаю душ, после чего вытаскиваю полотна и даже честно стараюсь поработать, заняв тем самым томительные часа ожидания приготовления отвара..

Но все идет совсем из рук вон плохо!

Полотно едва не продырявливаю, а пока принимаю душ – горячая вода трижды успевает смениться холодной и я прыгаю, точно бешеная саранча, под ее потоками, с забытыми пеной глазами.

В итоге, не проходит и часа, как я признаюсь себе – что просто не могу сидеть и ждать отвара. Просто не смогу!

Потому, убрав несчастные (едва не поврежденные) полотна обратно в сумку, иду в основной домик. Когда же захожу на кухню (на которой в последний раз при мне готовила блины Сандра) – вижу, что на стол явно перекочевала добрая часть инвентаря из бабушкиного подпола. Он весь заставлен пузырьками и завален связками самых разных трав. На печке же попыхивает паром котелок, в котором Сандра то и дело что-то помешивает, пока Илинка возится с «ингредиентами».

Собственно, не удивительно, почему именно здесь и сидит Милли.

Носферату нет – видимо, опять бегаем где-то по дому и к вечеру его снова придется ловить. Распахнутые любопытством глаза сестры, наблюдающей за всем этим, мне совсем не нравятся – того и гляди, опять начнет свою балалайку о том, что совсем это не похоже на «проделки целительниц».

– Ну как дела тут? – неловко спрашиваю, потирая руки, и подхожу к столу.

– Все-таки пришла – но улыбка Илинки скорее одобрительная, чем недовольная. Кажется, ей симпатизирует моя упертость, пусть она никогда и не скажет этого вслух.

– Да.. решила, может все-таки могу чем помочь. Если и Сандра может..

Разговор при Милле становится сложнее.

Мы должны обходить темы «ведьмовских» начал Илинки, но при этом понимать друг друга. Решаю сбegrить сестру:

– Милз, а где кот? Лео жутко расстроится, когда очнется, а ты его потеряла..

– Не потеряла – отмахивается, даже не глядя на меня – я заперла его в спальне Михая. Ну.. точнее, где он прежде спал.

– Ты же говорила, он скучает без Лео – попытаюсь еще раз – так пойдешь поиграй с ним.
– Я ему не нужна, он теперь кусается. Только еще сильнее злится. Лучше как Лео очнется – сразу к нему и отнесу.

Становится понятным, что сестру отсюда и поганой метлой теперь не выгнать.

– Инка – окликает Сандра, показывая на котелок, который мешает – закипело.

– Ага – кивает та и начинает перебирать странные пучки трав – теперь нужен чабрец.. но только тот, что собран в черную луну.

Уши Милли, кажется, буквально становятся больше.

Сандра оборачивается, наблюдает за своей сестрой пару минут, после чего хмуриться:

– Они все одинаковые.. вы бы хоть подписывали их, что ли..

– *Нам* это не нужно – первое слово Илинка нарочно выделяет, подразумевая под ним несказанное «ведьмам» – всегда можно послушать.

– Послушать траву? – округляет глаза Милли – это как?

– Это образно – отмахиваюсь я – ну, послушать траву, постучать по арбузу..

Илинка оборачивается к Милли:

– Так, нам понадобится еще сахар, но здесь закончился.. принеси пожалуйста, там в сарае еще мешок.

Сестра недовольно надувает губы, но перечить сложно, когда речь идет о здоровье Лео. Когда она уходит, Сандра удивленно вскидывает брови:

– Разве тут нужен сахар?

– Не нужен, да и здесь его навалом – отмахивается Илинка – хотела вам просто показать, что значит послушать траву.

Она внимательно смотрит на разложенные на дощечке связки сушеных стебельков с пряным запахом. После чего приподнимает руку и начинает водить над травой.. Вправо, влево.. вновь вправо..

Мы с Сандрой озадаченно переглядываемся, а Илинка вдруг хмурится:

– Странно.. не слышу.

– Траву не слышишь? – уточняю я.

– Да. Всегда слышала, а теперь нет.

– А она реально что-то говорить должна?

– Да не в этом дело – озабоченно отмахивается младшая из сестер – оно как бы.. будто зовет тебя, подсказывает, какую взять. Ни словами, конечно, но будто бы тянет тебя именно к той.. что надо.

К концу предложения она совсем теряется, водит рукой вновь и вновь, но так ничего, видимо, и не находя.

– Слушай, ну ты столько энергии вчера потратила! – находится Сандра, решая утешить сестру – неудивительно, что ничего не слышишь. Столько нечисти отвадить!

Илинка задумчиво жмет плечами:

– Может быть. Ладно, тогда опускаем наугад.

– А если не то?

– С нужной отвар сразу пеной пойдет. А от ненужной.. беды от нее не будет, просто зря изведем, но что поделать..

Она передает дощечку со связками Сандре, которая и мешает котелок, чтобы добавила стебельки. Та бесстрастно протягивает руку к одной из связок по центру доски..

Но вдруг ее пальцы замирают в воздухе.

Будто бы что-то нащупав.

Потом едва заметно скользят вправо, молниеносно ухватив совершенно другой стебелек, с самого края. Будто бы сама не замечая этого, Сандра кидает травинку в котелок..

И жидкость в нем тут же вздыбается почти до краев.

– Ого! – восклицает она и оборачивается на нас – прикиньте, с первого раза угадала!

Илинка внимательно и чуть удивленно смотрит на сестру, очевидно, не заметив того, что заметила я. И чего, наверняка, не заметила даже сама Сандра.

А именно – что ее пальцы не наугад вытащили аккурат этот стебелек.

А *выбрали* именно его.

-7-

Когда Милли притаскивает сахар, Илинка делает вид, что насыпает его в емкость, только вот потом, когда сестра отвлекается, просто пересыпает его в общую чашу сахара, якобы «добавив» в отвар.

Поначалу я пытаюсь помогать, и иногда мне даже что-то доверяют (например, убрать те или иные травы обратно на место, выкинуть в урну какие-то остатки или укрутить огонь, на котором варится котелок, откуда Сандра достает новые припасы), но вскоре и такая черная работенка кончается. И мне не остается ничего другого, как, подобно Милли, просто сидеть и смотреть на то, как хлопочут Сандра с Илинкой.

Не знаю, как они, но я точно и подумать не могла, что это действие затянется на целый день. Уже когда на улицу опускаются густые сумерки, предвещая скорейшую ночь – Илинка снимает котелок с огня, но заявляет, что теперь ему надо немного настояться.

То есть еще времени.

От различных запахов трав на кухне (которые сначала мне казались приятными), начинает уже кружиться голова. И потому, когда отвар снимают с огня, я поднимаюсь:

– Выйду во двор, чуть подышу – говорю им – а то что-то совсем голова..

– Это нормально – кивает Сандра – так всегда по первой. Лучше да, походи проветришься.

Мы позовем, как можно разливать.

Будто бы речь о самогоне.

– Я тоже выйду – тут же встает Милли – а то у меня тоже..

Хитрая зараза.

Понасмотрелась всего, поняла, что от Илинки с Сандрой ей ничего не добиться, и решила заново мне мозги повыносить. И как бы подтверждая это, она открывает рот, едва мы выходим за порог (не успеваю я даже толком вдохнуть свежий вечерний воздух и удивиться тому, что сейчас уже в самом деле вечер!):

– Послушать траву.. – невинно говорит она – интересные свойства целительниц.

Молчу, направляясь к лавочке у летнего домика.

– Почему-то я даже не удивлена, что именно после этого меня отправили за сахаром, который никому не сдался – фыркает она – действительно думаешь, что я не заметила, как Илинка его в общую кучу высыпала?

А она внимательна.

Но я настолько устала, что даже не могу этому удивиться. Единственное, что меня волнует – чтобы отвар поскорее дали Лео. Пока что даже твари перед этим отошли на задний план.

– Лео покусал койот, но так странно, в шею вцепился.. – перечисляет она, когда мы наконец доходим до лавочки и садимся на нее, наблюдая за пустой колеей (которая здесь считается дорогой) – ворота впервые за ночь закрыли, Илинка вдруг решила, что ее бабка целительницей была, а не ведьмой, и что именно ее отварчики могут помочь Лео.. от укуса *койота*. Но достают при этом все необходимое из погреба, где хранились тетради с пентаграммами и костями мелких зверей.. А потом траву вдруг могут слышать!

Наконец, сестра взрывается:

– Расскажи мне наконец, что здесь происходит!

На самом деле, она меня достала своими вопросами, и мне бы и правда было бы проще ей все рассказать. Тем более от Милли, которая еще до всего этого рьяно интересовалась и верила во всю эту нечисть, вампиров и прочее – точно не стоит ожидать неверия и кручения пальцем у виска.

Да, но проблема не в этом.

Вопрос не в том, поверит ли она – а в том, какотреагирует.

А после ее реакции на обычное (в сравнении) исчезновение

(..в паре шагов от меня начинается, точно бешеная, кричать милли. этот крик, полный ужаса и какого-то дикого страха. она так же смотрит на то место, где только что был ноэ, и жметя к стене, жметя туда, где уже место пустого не осталось... кричит, вопит, бьет руками по каменной поверхности, будто бы желая подвинуть ее дальше весом собственного тела. ее светлые волосы разметались, лицо исказилось, на щеках начинают проступать слезы, и она вопит-вопит-вопит..)

Локида и последствий этого, сомнений у меня не остается – сестра просто рехнется, узнай о том, что было вчера.

Она поверит, в этом тоже сомнений нет.

Но это вера станет ей лишь еще большим врагом, чем неверие.

Я-то, что греха таить, все еще не уверена, что осталась в здравом рассудке после пережитого. Так я-то изначально даже не допускала мысли о возможности существования таких тварей, да и на испарение Локидаотреагировала агрессией и вопросами, а не истеричный припадком и суточным сном..

Нет, рассказать ей точно нельзя.

Цитируя Влада: *«Возможно, не сейчас. А возможно, никогда».*

– Я тебе уже все рассказала – невозмутимо отвечаю – если хочется баек, почитай книгу, что тебе подарил Ноэ.

– Ее камнями

(..милли, где сейчас книга?

– там – едва заметно кивает в сторону обломков – ее камнями завалило..)

завалило! – цедит она – не делай вид, что забыла!

Я ведь и правда забыла.

– Ну значит, поищи каких-нибудь страшилок в интернете. Здесь-то сеть есть, хоть отбавляй – достаю собственный мобильник и демонстрирую ей экран – без одной все палочки, так что вперед.

Она вскакивает, едва ли не подпрыгивая от ярости:

– Я все равно узнаю, что произошло, пока я спала! Не надо думать, что я маленькая дуручка, которая не видит, как «взрослые» шепчутся за ее спиной! Так или иначе – я узнаю.

– Хорошо – бесстрастный кивок.

Она уже собирается уноситься, как вдруг, глянув мне за спину, столбенеет. Ее рот лишь беззвучно открывается от изумления. И тут я слышу позади, совсем близко, какой-то шорох.

Резко оборачиваюсь, испуганно подскочив с лавки и уже готовясь увидеть ту тварь в слизи, что пришла по мою душу..

Но по ту сторону забора лишь стоит паренек.

Да, не карпатский монстр.. но довольно странный. Он приник едва ли не к самой оgrade со стороны дороги, и буравит меня каким-то мутным взглядом.

– Хихик! – он вдруг как-то резко, очень странно хихикает.

И так же резко вновь стягивает улыбку, точно и не смеялся.

– Джен.. – опасно окликает меня Милли.

Понимаю, что ее напрягает. Вид паренька.. довольно специфический. Однако, в целом мне он кажется безобидным. По крайней мере, пока стоит по ту сторону огады.

– Привет.. – неуверенно киваю ему, не двигаясь – ты к хозяевам дома?

Молчит.

– Милз – не поворачиваясь, обращаюсь к сестре – пойдешь позови Сандру или Илинку. Скажи, тут какой-то гость..

– Ага.

Сестру просить дважды не приходится. Мгновение, и я слышу спешно удаляющиеся к главному дому шаги.

– Хозяева сейчас выйдут – киваю пареньку.

Но уже в следующий миг меняю свое мнение об его «безобидности».

Он немного медлит, словно бы изучая меня.. после чего кладет ладони на ограду. Это заставляет меня сделать еще шаг назад.

Но едва я пошевелилась – как он тут же припадает всем телом к ограде, словно желая снести ее к чертовой матери, и не отнимая от меня мутных глаз – угрожающе шипит:

– Это ты.. Он пришел за тобой!

А взгляд такой – словно из-за меня всю его семью порезали. Я даже опешиваю:

– Кто?

Неужели Влад сейчас в селе, ищет меня, спрашивая у всех подряд? Да нет, бред. Он знает, где живут Сандра с Илинкой.

Тогда кто еще меня может тут искать?

– Кто пришел? – повторяю я.

– Таинственный незнакомец..

Я бы решила, что он прикалываться или шутит, но его свирепые глаза почему-то отсекают такие мысли.

И тут парень резко отстраняется от ограды, хватая какую-то сухую палку и быстро-быстро принимается что-то чертить на земле размашистыми движениями.

Любопытство граничит с осторожностью, и я пока не могу определить, чего мне хочется больше – остаться на безопасном от него расстоянии, или же посмотреть, что такое он там нарисовал.

В итоге выбираю первое.

Перестав рисовать, он опять смотрит на меня, словно ожидая, чтобы я оценила его творчество. Однако, я продолжаю не двигаться.

– Незнакомец! – теперь парень уже повышает голос и начинает нервно смеяться, точно сумасшедший.

А может, он и есть местный дурачок?

Но вот этот «дурачок» вдруг как-то странно ежится, словно от каких-то судорог.. перестает смеяться, кривится.. и начинает тяжелее дышать..

И самым сладким в этот момент становится звук хлопающей двери и голоса Сандры с Милли.

– Вон там! Вон он! – голос сестры и ускоряющиеся шаги.

Я делаю еще шаг назад, оборачиваюсь на них и уже хочу сказать, что ему, кажется плохо..

Но Сандра пролетает мимо, ловко перескакивает через забор, точно какой-то парень-сорви-голова, из тех, что бьют окна в школе мячами. К тому моменту, когда она его подхватывает под руки, незнакомец уже шумно сопит носом, прижимаясь к ограде.

– Габи, ты чего? – она переносит вес его худосочного тельца на себя. Теперь парень начинает бледнеть.

– Эй-эй – требовательно повторяет подруга, будто бы строгий учитель ученику – ты это не вздумай, приступов нам не надо. А ну-ка давай дыши, по счету, вместе со мной. Вдох.. Габи, вдох.. выдох...

На удивление, парень подчиняется ее счету и вроде бы ему становится немного лучше, но в целом выглядит все так же паршиво.

– Так, ладно – Сандра все еще придерживает его за талию – пойдём-ка в дом, немного отдышишься. А то что-то ты мне не нравишься..

Мне он тоже не нравится, но мне кажется, мы с Сандрой вкладываем в эту фразу совсем разное значение. Подруга отводит его к калитке, игнорируя наши с Милли удивленные взгляды – и, кажется, даже не замечает начерченного им рисунка, на который она едва не наступила.

Милли со своими огромными глазами тут же бежит за Сандрой, что ведет паренька в главный дом.. а я, обернувшись и отметив, что до меня уже никому нет дела – быстро подбегаю к ограде и слегка перегибаюсь..

Так, чтобы можно было рассмотреть, что он там начертил.

Да уж, говоря, что он «рисовал», я явно преувеличила. Все, что я вижу выведенным на земле, это:

«No.44».

И что это может значить? Наверное, рассказать может только он. Я оборачиваюсь и быстро спешу туда, где уже скрылась эта троица.

Вхожу как раз вовремя: Илинка обнимает Габи, и я слышу окончание фразы:

– ... и ты здесь.

Сандра все еще несколько нервно поглядывает на него, после чего объясняет младшей сестре:

– Он начал задыхаться, я побоялась, как бы не приступ..

– Да не должно.. – задумчиво отвечает Илинка, одарив очередной улыбкой их странного позднего гостя – такое бывает, от страха. Наверное, испугался чего...

После чего происходит совсем странное – Сандра подводит его к столу, садит на один из стульчиков и заваривает чаю в чашку. Думаю, уже достаточно факторов для уместности моего вопроса, раз его все еще по какой-то причине не задал любопытный нос Милли:

– Вы его знаете?

– Да, это наш сосед, Габи – отзывается Сандра, подавая ему чашку, от которой пышет пар и приятный сладковатый аромат, наконец, перебивающий зловоние трав, которое даже открытое окно не берет.

– Он за оградой стоял.. – неуверенно замечаю я – косился..

– Он безобидный – улыбается Илинка – просто у него некоторые особенности с детства. По здоровью – многозначительный взгляд на меня – Габи, бывает, не понимает многих обычных вещей.

Отстающий в развитии. В лучшем случае. Ясно.

– Но иногда видит и чувствует то, чего мы не можем – вновь вмешивается Сандра.

Ну да, я слышала что-то про то, что слабовидящие люди слышат лучше остальных, а у тех, кто плохо слышит – зрение, как у ястребов. У кого с развитием проблемы – более чувствительны к миру, а кто вконец ослеп – открывает третий глаз.

Звучит оптимистично, да только я считаю, что это бред, придуманный для того, чтобы таким вот людям совсем грустно не было. Была у меня одноклассница в Штатах, которая с вот-такими толщиной стеклами с первого класса ходила. Но при этом никто не наблюдал у нее уникальностей со слухом.

Наоборот, как будто еще и уши оттоптали.

Но, конечно же, я не озвучиваю этого при Габи.

– А еще он очень хороший парень – заканчивает она.

– Если так, то значит я плохая.. – не свожу с него настороженного взгляда – потому что говорил он мне очень странные вещи и довольно враждебно.

– Говорил? – изумляется Милли – это когда я уже ушла? А что он говорил, сможешь повторить, чтобы Сандра перевела?

– Он по-английски говорил.

И только теперь я понимаю, как это странно.

Румынский сельский парень, наверняка, из села никогда не вылезавший и явно в траблах с обычным-то развитием, так хорошо говорит по-английски.

– Да, он умеет – улыбается Илинка – его долгое время за границей лечили, выучился. Он вообще очень способный.

– А что говорил-то? – уточняет Сандра.

– Про какого-то таинственного незнакомца, который пришел за мной – неуютно ежусь, поглядывая на парня – и еще много смеялся.. пока ему плохо не стало.

Илинка тут же настораживается и осторожно спрашивает:

– Это правда, Габи? Ты говорил о незнакомце? Уж не о том ли самом?

– Каком «том»? – хмурюсь я.

– Да-да! – одновременно со мной отвечает парень, возбужденно кивая.

– О чем вы?! – наконец, психует Милли – каком незнакомце?

Илинка смотрит на меня, будто о чем-то спрашивая, но я ни черта не понимаю. Вскоре она это замечает и лишь вздыхает. Переглянувшись с Сандрой, все-таки говорит в итоге:

– Незнакомец, который приходил ко мне с расспросами о бабке, а потом с отцом разговаривал..

А, теперь понятно, чего она смотрела. Милли-то этого не знает.. Но Илинка преподносит это так, словно она всем нам впервые об этом рассказывает:

– Таких много, прогнала я его и делов-то. Но вот Габи его тоже видел. Он поблизости был и странно так отреагировал.. Заинтересовался, глаз не отрывал.. А когда они с отцом ушли, он за ними следом увязался.

Теперь мы уже все с восторженным интересом смотрим на Габи, а Сандра от возбуждения чуть не подпрыгивает:

– Значит, ты что-то мог видеть? Может, запомнил внешность?

Замечаю некоторую озадаченность от подобной прыти у Милли, но она по крайней мере пока не задает вопросов. Хотя и те, что задала Сандра – парень оставляет без ответа.

– Я его потом уже расспрашивала – поясняет Илинка его молчание – но он так ничего и не сказал. Ни словечка.

– Зато тебе сказал – сверкающий взгляд Сандры на меня – может, и сейчас скажет! Спроси.

– Что спросить-то? – теряюсь я.

Он конечно debil, но не настолько же.

Он же все видит и слышит.

– Спроси, что он видел? Куда пошли незнакомец и Михай?

Я смотрю на Габи. Ноль реакции. Чувствую провал, но все же встаю и чуть ближе подхожу к нему, чтобы он точно видел, кто задает вопрос, однако касаться не решаюсь после его выпадов:

– Габи, ты видел, куда пошли незнакомец и Михай?

И на всеобщее – включая мое собственное – изумление, он вдруг резко поднимает голову, пристально глядя на меня знакомым мутным взглядом:

– На мельницу. Разговаривали. А потом в Холодный лес. Я за ними..

Он начинает часто-часто моргать, точно испуганный зверек, после чего резко обхватывает руками голову и принимается стонать:

– Он злой! Очень черный! Он ударил меня! Я упал..

– Ударил? – хмурится Илинка – как?

Но парень не реагирует, тогда я повторяю ему ее вопрос.

– Вот так, глазами! – отвечает, пристально глядя на меня – прямо в голову! Бум!

Габи начинает усиленно изображать нечто, летящее ему в голову, а мне рядом с этим Дитем Дождя становится все больше не по себе. Однако, поскольку я единственная, кому он отвечает – просто встать и уйти вряд ли получится.

– Спроси, помнит ли он, как тот выглядел – требует Сандра – может, лицо или предмет одежды.. хоть что-нибудь..

Повторяю парню вопрос, а сама между тем незаметно чуть увеличиваю между нами дистанцию.

Услышав вопрос, Габи уставляется в одну точку (слава богу, не на меня) и его взгляд цепенеет. Секунды тянутся мучительно долго и я уже решаю, что он перестал отвечать и мне, как вдруг он заговаривает:

– У него страшное лицо. Он очень-очень старый.

Думаю, про Влада можно сказать так же. Да и про любого Темного в его истинном облике. Очень-очень старый. И с большой вероятностью – страшный, безобразный. Значит, Илинка, как и ее бабка

(..такая сила у него, девочка моя, как ни тебе, ни мне ни снилась..)

были правы, и тот незнакомец это кто-то из сильных Темных.

Напрягает меня пока что во всем этом только одно. И едва я хочу уже задать этот вопрос, как Габи добавляет:

– Он сорок четыре.

– Что сорок четыре? – хмурюсь.

– Он – вновь переводит взгляд на меня – номер

(..«No.44»...)

сорок четыре.

Рисунок, который Габи оставил на земле. Теперь понятно хотя бы, что он пытался изобразить.

Но что это значит?

– Что ты имеешь в виду?

Но теперь парень уже игнорирует и мои вопросы, словно начав говорить сам с собой:

– А еще у него черная собака.

– Собака? – изумляется Илинка – ты уверен? С ним не было никакой собаки.

Я уже собираюсь перезадать ему этот вопрос, как Габи переводит взгляд на Илинку и отвечает. Так сухо и уверенно, что дрожь почему-то берет:

– Собака *всегда* с ним.

Повисает гробовая тишина.

И все-таки, я не забываю о том, что во всем этом меня тревожит больше всего, и что именно я бы хотела у него узнать. Вновь подойдя чуть ближе, я сажусь на корточки и осторожно касаюсь руки парня:

– Габи.. ты сказал, что этот незнакомец.. ну, мужчина.. пришел за мной. Почему ты так решил? Мы ведь даже раньше никогда не виделись с тобой, да и с ним.. Да и вы с ним, как выходит, не разговаривали, и ты ничего не слышал, так тогда откуда..

– Я увидел.

Растерянно вскидываю брови:

– Что увидел?

Тот же сухой уверенный тон:

– Что он пришел за тобой.

Я напрягаюсь, но все-таки, стараясь держать себя в руках, спрашиваю:

– А ты знаешь.. зачем этот.. незнакомец меня ищет? Что ему от меня надо? Может, тоже.. что увидел?

Габи внимательно смотрит на меня. Даже слишком внимательно.. после чего, будто бы что-то действительно увидев только уже в самих моих глазах, широко открывает рот..

А в следующую секунду начинает истошно вопить.

От ужаса.

-8-

Я испуганно отскакиваю, а Илинка и Сандра подбегают к нему. Парень продолжает кричать, начиная стенать все громче и громче.. пока знакомым образом не переходит на судорожное сопение, начиная задыхаться и едва не падать со стула.

– Тише-тише, Габи – причитает Сандра – ты чего, тише-тише..

Илинка быстро хватает какую-то чашку и спешно, довольно много проливая, наливает в нее из котелка с отваром. После чего протягивает мне и бормочет:

– Вот, отвар как раз уже настоялся.. – однако, голос ее непривычно нервный и растерянный, словно она то и дело теряет суть мысли – отнеси его Лео, пусть.. пора уже..

– Илинка, а что с ним? Почему он..

– Мы разберемся – отмахивается она как-то судорожно – все будет в порядке, иди отнеси отвар Лео.

Кивает на Милли:

– Вместе отнесите. Потому что.. напоить надо будет, а он без сознания..

– А как его тогда напоить? – изумляюсь я.

Между тем, крики Габи уже совсем сходят на нет, зато вот сопение становится куда как громче. Илинка нас едва ли уже не выталкивает взащей обоих из дома:

– Это просто.. главное дай поскорее, пока не остыл..

– С ним точно все..

– Будет в порядке – поспешно кивает она и, и наконец, выдворив нас, захлопывает дверь прямо перед носом.

Для полноты абсурдности картины не хватает щелчка замка, запирающего дверь изнутри – но нет. Такого не следует.

Однако, и так понятно, что до утра нас там особо не чествуют.

Все-таки это странно.

Илинка сказала, что

(...он начал задыхаться, я побоялась, как бы не приступ..

– да не должно.. такое бывает, от страху. наверное, испугался чего...)

первый раз это было от испуга. А ведь началось тогда, когда он нарисовал этот номер и говорил про незнакомца.. и теперь, заново, когда я спросила, что тому от меня надо..

Но что в этом вопросе так могло испугать Габи?

Или не в вопросе, а.. он в самом деле что-то увидел в моих глазах?

Ради бога, он же просто дебил со справкой, а не маг или колдун! Что он мог увидеть там? Отражение кухонных лампочек?

Наверняка просто перевозбудился. Запоздавшие в развитии слишком впечатлительные. Читала, что их и до слез легко довести, и до смеха взхлеб, и до истерик.. короче, до всех доступных человеческих эмоций.

Он-то ладно, с ним понятно.. но вот..

– Илинка же нарочно нас сбагрила! – озвучивает мою мысль Милли, недовольно фыркнув на дверь дома, после чего мы плетемся к летнему домику.

Стараюсь осторожно нести чашку, не пролив ни капли, хотя она слишком полная. Прямо до краев. Кажется, Илинка не особо контролировала этот процесс.

Потому что..

Слишком торопилась нас выпроводить. Будто бы боялась, что он может выдать что-то еще.. но что?

– Я вижу – отвечаю сестре.

– Конечно видишь! – взмахивает руками – это бы даже слепой увидел! Но почему? И почему парень закричал?

– Я не знаю – впервые за день отвечаю ей честно – понятия не имею. Но он чего-то испугался, как и тогда, на улице, когда первый раз начал задыхаться..

– И что значит

(..он злой! очень черный! он ударил меня! я упал..)

черный? – фыркает она – типо, темнокожий?

И тут же ее лицо вытягивается в понимании:

– Или.. или он имел ввиду типо колдун? Ну конечно.. очень злой-очень черный! Он говорил о каком-то темном колдуне?

– Бога ради, Милли, откуда я знаю! Он же.. немного ребенок. Вполне возможно, он этим просто имел ввиду плохого человека! – раздражаюсь, пока поднимаемся на крыльцо летнего домика – открой лучше дверь, чтобы я не разлила..

Милли открывает дверь, пропуская меня внутрь, и забегает следом:

– Ага, плохого, как же! Он же сказал, что тот ударил его глазами! *Глазами!*

– Может, просто зло посмотрел..

– Ты не считаешь так! – шипит она – я же вижу! Ты сама считаешь иначе, тогда нафига врешь мне? Потому что это как-то связано с тем, что произошло вчера?!

– Давай потом, Милз – останавливаюсь у порога комнаты друга – надо помочь Лео, а все остальное подождет. Отвар остынет. По-моему, это важнее.

Я так ставлю вопрос, что у сестры просто нет шансов как-то на это ответить без оскорбления Лео. Потому она лишь фыркает и демонстративно плюхается на диван нашей комнаты:

– Хорошо, я подожду.

Что ж. Значит, я буду напаивать Лео отваром очень и очень долго.. настолько долго, насколько потребуется, чтобы по выходу не получить дюжину вопросов, от которых уже голова болит и хочется зашить Милли рот ниткой.

Согласна, может на ее месте я бы тоже бесилась. Все что-то знают, но скрывают от тебя..

Впрочем, я и бесилась, оказавшись в такой же ситуации в замке между Владом и Локидом. Но, опираясь на свой опыт, я теперь знаю, что намного лучше пусть бесится от того, что чего-то не знаешь.. чем это что-то узнать.

Облегчения это не приносит.

Так что пусть лучше бесится. Приедем в Америку – она быстро вольется в обычную колею, встретится с друзьями, обо всем этом забудет.

А вот если узнает правду.. забыть уже не получится.

Молча захожу в комнату Лео, плотно прикрыв за собой дверь. Если не прикрою, то Милли непременно будет туда коситься и рано или поздно поймет, что я просто тяну время. Поскольку делаю я это сама, то часть отвара все-таки проливается на старый, затертый ковер. Что ж, неважно. Уверена, на деле его и не должно быть столько много. Думаю, если бы Илинка схватила не чашку, а кастрюлю – то и ее бы в тот момент наполнила до краев.

Рефлекторно потерев носочком по ковру, дабы влага впиталась в него быстрее, не оставляя улик моей неосмотрительности, я подхожу к кровати друга. Однако одного взгляда на нее хватает, чтобы понять, что мой замысел придется отредактировать.

Я полагала, что усажу его, облокотив на подушку, и чуть запрокинув голову, стану понемногу вливать отвар. Поскольку он совершенно не двигался и был словно парализованный (или труп), это не должно как-то осложнить ситуацию.

Однако, теперь его кровать похожа на кровать беспокойного ребенка.

Очевидно, последние часы, пока готовился отвар, положение дел почему-то резко изменилось. Лео будто бы находился в глубоком тревожном сне – все простыни измяты, подушка упала на пол, точно он дергался, будто в лихорадке. Одеядо скинуты, кудри разметались. Даже матрас немного навис над полом, отчасти уйдя из-под его тела.. это какую джигу-дрыгу надо было оттанцовывать, чтобы такое навести?

Однако сейчас он лежит совершенно спокойно.

Лицо все такое же серо-пепельное. Одна нога свисает с кровати, вторая чуть подогнута. Руки распахнуты в разные стороны, точно он собирается взлететь или принять кого-то в объятия. Он лежит на спине, так что я могу увидеть, что его рот чуть приоткрыт.

Да, сейчас он не мечется.. однако, я вижу, как бешено двигаются глаза под веками. Словно он не спит, а что-то смотрит по ним, как по проектору. Типо виртуальной реальности.

Слышала, такое бывает в динамичных сновидениях глубокой фазы сна. Кстати, в ней же люди и могут дергаться и так далее.

Подхожу и осторожно ставлю чашечку на тумбу подальше. Чтобы если он вдруг дернулся, то не сбил ее. После чего подхожу и поднимаю одеядо, пытаюсь немного подправить матрас..

БАМ!

Левая рука Лео дергается и со всей силы ударяется о прикроватную тумбу, но он будто бы этого не замечает. Его брови морщатся, не открывая глаз, и он цедит:

– Нет! Не тронь ее!

Рука вновь начинает метаться и я отскакиваю, боясь получить по голове в этой его агонии. Ноги остаются в покое – и даже вторая рука лишь немного дергается.. А первая то и дело нарезает вертикальные линии, словно бы.. он что-то рубит или держит невидимый меч, атакуя кого-то. Может, ему снятся события минувшей ночи? Как раз и меч, и атака нечисти?

Его рука вновь бьет по тумбе – только теперь уже немного выше. Потому сметает какую-то мелочевку, там наставленную. Это вызывает знатный грохот и я кричу раньше, чем сестра успеет заглянуть:

– Все нормально, Милз! Я просто уронила!

Что именно уронила – времени придумывать нет. Главное, чтобы сестра сейчас не пришла помогать. А то ее потом не выпроводишь и значит не растянешь время. Уж лучше самой управиться с Лео – чем слушать настырные вопросы Милли до самого сна.

Чтобы грохот не повторялся, мне приходится все-таки подойти к другу с другой стороны. Я принимаюсь трясти его за плечо, пытаюсь пробудить:

–Лео! Лео, проснись!

Если он видит сны и может так метаться – значит, наверное, может тогда и проснуться? Так и с отваром тогда проще бы было..

Но он не просыпается.

Лишь рука замирает, после чего он щерится еще сильнее:

– Не могу! Я должен убереечь ее! Родина? Она

(..я вижу аслана – почему-то в военных доспехах, его лицо свирепо перекошено, глядя на кого-то в сторону:

– родина? – он переводит взгляд на меня – она моя родина!..)

моя Родина!

Я так и замираю, словно оцепенев. А Лео начинает с новой силой метаться по кровати и махать рукой, только каким-то чудом не задевая вещей около себя. А может и не чудом – вероятнее всего это оттого, что он просто уже смахнул все, что мог, в первый раз.

Я ошарашенно гляжу на него.

Так ли он видит бой с нечистью?

Он точь в точь повторил слова, которые я слышала от Аслана.. обращенные к Лале. Перед тем, как очнуться в лапах «Влада». И он тоже тогда стоял в военной амуниции с мечом в руках. Его лицо было так же перекошено свирепой яростью, как лицо Лео в тот момент, когда он это говорил.

Будто бы два брата-близнеца.

ВЖИХ!

Лео так резко поднимается на кровати, точно какая-то кукла. И что самое жуткое – он так же резко распахивает глаза. Только они не смотрят ни на меня, ни куда-то еще – это остекленевший взгляд, находящийся где-то далеко отсюда и видящий что-то совершенно другое.

Брови друга вскакивают в каком-то судорожно-печальном выражении, широко раскрытые глаза наполнены болью, и он восклицает непривычно высоким, едва ли не срывающимся, голосом:

– Пожалуйста.. ласточка! Не надо!

И тут, словно в каком-то фильме ужасов, не поворачивая головы – он скашивает глаза на меня. Но видит будто бы совсем не меня.. может, Лале?

Но вот Лео хватается мою руку, так же смотря на меня, но при этом на кого-то другого, и молебно кричит:

– Не лети за солнцем! Ты погибнешь!

После чего, словно бы окончательно разряженный аппарат, закрывает глаза и тело его, обмякнув, с гулким «бум» падает обратно на кровать так, что та жалобно скрипит.

В какой-то момент меня охватывает ужас и я решаю, что это были его предсмертные слова и агония, и теперь он попросту умер. Но уже в следующее мгновение, когда я готова поддаться панике, его грудь медленно, но верно, поднимается.

А потом опускается.

И вновь повторяет это движение.

Незамысловатое, но приносящее такое облегчение.

Дверь все-таки скрипит и Милли озадаченно заглядывает внутрь, не переступая порога:

– Все норм? Это Лео кричал?

– Да – киваю – но сейчас уже все нормально.

Сестра скептически глядит на кровать, которая теперь уже почти полностью перекочевала на пол:

– Тебе помочь?

– Нет, он уже угомонился. Я сейчас подправлю матрас и дам ему отвар. Все нормально, иди.

Она еще какое-то время неуверенно мнетяся:

– А отвар еще не остыл? Может мне сходить, попросить у Илинки нового?

А, понятно, откуда ноги растут. Лишь бы предлог найти туда сходить.

– Жидкости слишком много, она так быстро не должна остыть – говорю – а если даже чуть и убавит, так теплый лучше, чем кипяток. Только рот бы ему обожгли.

– Ладно.

Она поникает, но все-таки выходит и закрывает за собой дверь.

Лео продолжает лежать смиренно, но не проявляя никак признаков того, что все-таки собирается проснуться. Я встаю и принимаюсь подправлять разбросанные вещи. Мне требуется порядком десяти минут, чтобы привести в норму все, включая его кровать. С кроватью, конечно, сложно сказать наверняка – я не могу окончательно ее заправить, пока Лео лежит на ней.

Но по крайней мере вернула подушку, одеяло, и попыталась немного сдвинуть обратно матрас (правда безуспешно).

После чего, подперев подушку немного иначе, повторяю тот маневр, который и собиралась сделать с самого начала. Не без труда опираю его на подушку, создав полу-сидящее положение, и чуть запрокидываю голову. Есть риск, конечно, что так человек может поперхнуться.. но если вливать совсем немного, и контролировать как-то этот процесс.. в любом случае, других вариантов нет.

Требуется еще полчаса, чтобы полностью влить в него отвар.

Однако, прислушавшись, различаю за дверью какие-то разговоры – Милли смотрит что-то в интернете. Значит, выходить еще рано. Потому, держа на всякий случай чашку в руках (если заглянет – скажу, что еще не весь отвар споила), сажусь на кровать рядом с другом.

Точнее, на самый ее край и не без опасений получить коленом по спине, если он вдруг резко примется метаться.

Но этого не повторяется. На удивление.

Он больше не заговаривает, ни мечется, и вообще вновь лежит так же спокойно (мертвенно-спокойно), как и в машине. Однако, я начинаю замечать, что пепельная серость понемногу сходит с его лица. Конечно, не о каком румянце речи нет, и бледность, конечно же, все еще при нем.. но хотя бы эта мертвенная, по-настоящему трупная серость начинает немного отступать..

Интересно, это отвар так быстро подействовал?

Невольно задаюсь вопросом – ушел ли уже Габи, и пришел ли он в себя? Что они там делают? И будто бы мгновенным ответом (здравствуйте, мэ, любой каприз за ваши деньги – идите рассчитайтесь на кассу, мы пока упакуем) слышу стук во входную дверь.

Тут же скрипит диван и быстрые шаги Милли.

Дверь открывается.

– О, Носферату! – голос сестры – спасибо, Сандра!

Сандра.

– Да уж, а то вы его забыли.. – смущенный голос подруги – а он так перепугался, еле его словила, он даже покусал..

Смех Милли:

– Да, это он может. Ну же, мальчик, чего же ты.. ай!

Визг и приглушенный смех. Очевидно, кот все-таки вырвался. Ладно, зато теперь он хотя бы бегает по этому домику и мы точно знаем, где его искать. Лео и правда может расстроиться, если в какой-то момент судьба его любимого кота станет загадкой.

Дверь уже скрипит вновь – очевидно, Сандра уходит, занеся то, что хотела, но голос Милли:

– А что с тем парнем, Габи? Ему уже лучше?

Впервые радуюсь любопытству сестры, и сама замираю, боясь прослушать и слово:

– Все нормально – нарочито беззаботный голос Сандры – он пришел в себя, и мы его уже проводили. Он тут, через ограду живет.

– А почему он закричал?

– Не знаю – я почти вижу, как Сандра фальшиво дергает плечом – он же болен, Милз. Его пугает все на свете. Ну ладно, пойду, а то Инке еще помочь убраться надо, после отвара этого..

– Ну ладно..

Скрип двери, щелчок.

Шаги сестры, вновь скрип дивана.

И когда я уже решаю (глянув на часы), что ждать ее засыпания бесполезно – очевидно, она принципиально будет дожидаться меня хоть до самого утра – и встаю, собравшись выйти.. Лео вдруг медленно, со сдавленным стоном, открывает глаза.

Я замираю, глядя на него.

Опять сон с открытыми глазами?

Но теперь его взгляд более ясный. Он растерянно оглядывает комнату, после чего с трудом сосредотачивается на моей фигуре и беспомощно спрашивает:

– Дженна? Где я?

Пытается сесть, но это дается ему нелегко и результата не приносит. Я тут же подбегаю, вновь подложив подушку как надо и усаживаю его в том же положении, в котором давала отвар. Однако, он начинает дышать так часто, словно этот процесс отнял у него очень много сил.

Хотя делала практически все – я сама.

Не удивительно, он очень слаб.

– Наверное, я позову Илинку.. – сдавленно бормочу сама себе, рассуждая вслух.

Но он на это устало протягивает руку:

– Не надо.. Илинку.. мы у селе, получается?

Еще мгновение думаю, после чего все-таки киваю и сажусь обратно к нему на край дивана:

– Да. У них дома. Та же комната, где ты раньше спал. Ты как? – делаю осторожную паузу – что-то помнишь?

– Я не склеротик, Джен – слабая, болезненная усмешка.

Его пальцы тянутся к шее – правда сначала выбирают неправильную сторону, и лишь со второй попытки нащупывают две красных точки от укуса.

Мгновение мы оба молчим.

– Илинка знает, что делает.. – звучит это как утверждение, а не вопрос, однако я все равно согласно киваю.

– Она сказала, сколько это займет времени?

– Не знаю – жму плечами – но учитывая, как быстро ты очнулся, хотя я тебе отвар дала только чуть больше часа назад.. думаю, ты быстро встанешь на ноги.

– Хотелось бы.. что с..

Вновь неловкая пауза.

– Я забрала твои вещи из замка тоже. И кота. Мы все съехали от Влада.

Он кивает, но никто из нас пока не затрагивает открыто тему того, что мы оба узнали той ночью. Единственные, не считая Локида, который сам это все и организовал.

Спешу сменить тему:

– Ты кричал во сне, дергался. Не помнишь, что снилось?

Конечно, нельзя назвать это нейтральной темой, но все же

(..родина? она моя родина!..)

это не дает мне покоя. Хотя я и подозреваю, что он не сможет вспомнить сон. От обычного сна-то люди бывают мало что запоминают, а здесь такая агония..

Но на удивление он чуть хмурится, задумавшись, и протягивает:

– Немного.. там вроде была девушка..

– Где?

– Во сне.. в моем. Она.. – озадаченный взгляд на меня – была копия, как ты. Вернее, это и была ты.. только в какой-то странной одежде и почему-то тебя звали по-другому.. как-то..

– Лале? – мой голос уже едва слышно.

– Да! – оживает он – точно, Лале. И Лале грозила опасность..

– Какая опасность?

На том моменте прошлого, где была с картинами я, никакой опасности еще никому не грозило.

– Я.. – он вновь хмурится и расстроено вздыхает – я не помню..

– Ты говорил что-то про ласточку и солнце. Не лететь на солнце.

Вновь пауза и медленное качание головой:

– Нет, не помню.. Но помню себя. Я там был вроде как воин в какой-то древней стране.. восточной стране..

Он начинает хмурится еще сильнее:

– Они почему-то так странно меня называли.. так же необычно, как и Лале.. что-то связанное со львом..

– Аслан.. – уже шепчу я.

И тут, наконец, он обращает внимание на мою странную осведомленность его «сном».

Взгляд, одновременно настороженный и изумленный, отнимается от простыни и поднимается на меня:

– Да... Аслан. Верно.

– А древняя восточная страна – Османская империя.

– Да.. очень похоже на твой сон – замечает он – помнишь, ты рассказывала, когда мы только

(..но.. сегодня ночью мне приснился сон об этом парне. там была и я, и.. – делаю паузу – и ты.. точнее, люди очень внешне на нас похожие..)

познакомились, про султанов. Мне кажется, я видел что-то похожее. Ты поэтому так все угадала?

Молчу.

Его взгляд становится пытливей и в итоге, отведя на мгновение глаза, говорю то, что следовало сказать ему еще очень давно:

– Это был не сон, Лео. Мы оба увидели прошлое.

-9-

Ожидаю самой различной реакции на это заявление.

От радикального скептицизма до полного непонимания. Но на удивление, ничто из этого не проскальзывает на лице Лео. Он лишь еще больше сосредотачивается, молчит пару секунд, словно что-то обдумывая, после чего просит:

– Расскажи, что знаешь. *Всё*, что знаешь.

С одной стороны мне больше всего на свете хочется уже с кем-то разделить свое знание. Это будто бы разделить тяжелую ношу, чтобы самому стало легче. Кто бы что не говорил – а хранить подобные тайны это отнюдь не привилегия, а тяжкий груз. К тому же, вряд ли из-за моего рассказа меня сочтет сумасшедшей тот, кто еще вчера боролся на мечах с нечистью.

И, что еще больше склоняет меня все-таки к откровению – едва ли он рехнется и станет пациентом Джуперс-Хилла. Если так, он бы уже сейчас нервно посмеивался, как Габи, и твердил всякую ахинею. Но нет, увидев нечисть, сражаясь с ней, и даже став добровольной жертвой вампира.. он все еще здесь, пусть и очень болезненный, но в сознании и, вроде как, даже в своем уме.

В отличии от Милли, ему Правда едва ли грозит съезжанием с катушек.

Да, она вряд ли ему повредит, и вряд ли выставит в его глазах меня сумасшедшей.

Но могу ли я ему доверять настолько, чтобы рассказать об этом?

Конечно, Локид мог и нарочно

(..не так прост, как остальные..)

провоцировать меня, стараясь нас всех разрознить.. но почему-то его слова ни раз подтверждались. Почему Лео так спокойно отреагировал на нечисть? Почему совсем не удивился тому, что Влад вампир и так невозмутимо предложил ему свое «донорство?». Едва ли это как-то зависит от пола – мол, мужчина сильный и смелый. В таких ситуациях, подозреваю, в истериках бы бились все.

Нет, тут точно есть какой-то другой фактор.

Но.. каким бы он не был – он точно человеческий. Быть может хитрость, расчетливость или даже подлость, сокрытая тайной.. но все это человеческое. Почему-то теперь все человеческое совсем не кажется мне страшным.

По какой бы причине Лео так быстро не поверил в нечисть – в отличии от Влада, он ею хотя бы не был. Он человек – а на этот час мне другого и не надо.

Человек, который поверит в рассказ. Человек, который от него не сойдет с ума. И человек..

Который будто бы.. должен это знать?

Почему-то ни Илинке, ни Сандре (которые бы тоже в это поверили безоговорочно) мне не хочется рассказывать о картинах и переносе в прошлом. Это будто бы.. будто бы как разболтать чужой секрет.

Но Лео другое. Он сам есть там.. точнее Аслан, парень, похожий на него как две капли воды. Тем более, если он сам только что видел это.. может это и был намек мне? На то, что пора ему все рассказать?

Все-таки, он имеет право знать.

И думаю, я больше не могу отнимать у него это право.

Лео меня не торопит, и, когда я наконец собираюсь с мыслями, то говорю медленно и, стараясь не сумбурно:

– Все началось в Брашове, когда я приехала за картинами. Знаю, звучать будет бредово, но тогда я впервые попала в прошлое..

И я рассказываю.

Рассказываю ему Всё.

И то, как впервые попала в прошлое и решила, что сошла с ума. И то, как в итоге свыклась с этой мыслью. И то, как потом поняла, что это прошлое – тот самый 15-ый век – приходится как раз на пленение Влада III Дракулы и может рассказать мне его тайну. И то, какое странное идентичное сходство наблюдается у трех друзей с нами.. Обо всем, что мне только известно касательно картин и прошлого.

Лео слушает меня внимательно, не перебивая и лишь иногда что-то уточняя. Не знаю, сколько проходит времени, прежде, чем я заканчиваю.

– Значит.. – задумчиво говорит он – там, в XV веке было трое друзей. Лале – девушка, которую я видел и которая как ты. Аслан – который как я. И Влад, который..

Повисает тишина.

Решаю, что пора ее все-таки заполнить:

– Который *тот самый* Влад – голос мой звучит как-то слишком натянуто – не его предок, а он же самый. Влад III Басараб Дракула.

Лео какое-то время молчит. После чего произносит:

– Он.. вампир. Это я уже понял. Но ты знаешь, как это случилось?

– Как случилось, я не знаю.. но кое-что мне известно.

И я теперь уже пересказываю ему все то, что узнала от Локида. О том, как Влад организовал нечисть, как потом ушел в небытие, превратился в дикого зверя, но увидев мое фото захотел вернуться в мир людей. А дальше мы сами все видели.

– Увидел фото девушка, которая как две капли воды, похожа на его подругу.. – говорит Лео, сам не подозревая, что едва ли не слово в слово повторяет слова Ноэ.

– Да..

И тут меня, наконец, осеняет.

Раньше до меня это не доходило – но рассказывая Лео, я будто бы заново перебирала все события, и теперь это стало настолько явным, что удивительно, как не бросалось в глаза. Быть может, расскажи я ему раньше – то и заметила бы это намного раньше..

– Но Лео.. – поднимаю глаза – ладно, Влад. Он не умирал, потому что из Темных, и его.. идентичность объяснима. Он и есть тот парень из прошлого. Но мы-то...

Пауза.

– Мы-то не из прошлого. Мы родились в нашем современном мире. И лично я до этих картин даже отдалено не интересовалась никакой Османской Империей. Как тогда получилось, что мы копии тех Лале и Аслана, что в прошлом? Нет, конечно – поправляюсь – есть двойники, есть близнецы, не связанные кровью, но похожие один в один на других людей, но..

– Но эти близнецы не видят прошлого – заканчивает мою мысль Лео – я его увидел через сон, ты стабильно можешь наблюдать через картины. Но видим мы одно и то же – прошлое, связанное с теми, чьими близнецами являемся.

– Это уже слабо тянет на совпадение.. – я начинаю лихорадочно перебирать пальцами простыню – но если это не совпадение, то как так может получиться..

Лео внимательно смотрит на меня.

Словно теперь он собирается сказать что-то, что может выставить его безумцем в моих глазах, и прикидывает, стоит ли это говорить или нет.

– Говори – отрезаю.

Он кивает:

– Знаешь.. если допустить мысли о реинкарнации..

– Реинкарнации?

– Да, это когда гены выстраиваются снова в том же порядке спустя значительный промежуток времени и..

– Я знаю, что такое реинкарнация! – вскидываюсь – боже, Лео, просто не могу поверить, что ты это серьезно!

– Я сказал – просто допустить – раздражается он.

– Нет, я думала ты скажешь что-то нормальное, мол, не знаю, мы с тобой Джен оба просто сошли с ума, а ты твердишь мне о каком-то чертовом переселении душ!?

Лео хочет подняться, но тут же обессиленно падает обратно на подушку. Очевидно, он еще слишком слаб для этого.

– Осторожно! – тут же склоняюсь над ним и он, пользуясь этим, захватывает рукой одну мою ладонь.

– Джен, послушай – смотрит на меня – прошлой ночью мы видели нечисть, сброд, балаура и вампира.. и на фоне всего этого безумия тебе все еще кажется самым неадекватным моя гипотеза о реинкарнации?

Пытаюсь выдернуть руку, но он не дает. Понимаю, что смогу сделать это только, если бесстыдно воспользуюсь своим преимуществом на фоне его болезненности.. потому лишь фыр-каю, но остаюсь сидеть там же:

– Боже, Лео, но вся эта нечисть.. хотя бы объясняется одним простым наличием другого мира. Мира, параллельно существующего с нами, так сказать. Мира *Темных*. Это, знаешь ли, как НЛЮ или типо того, с этим еще можно, если постараться.. как-то свыкнуться. Тем более, если единственная альтернатива этому – сойти с ума. Но реинкарнация? – негодуя хмурюсь – да ты просто бредишь после ранения!

– Ранения?! Меня вампир укусил!

– О, и значит теперь..

(..боевая.. острая на язык.. дерзкая.. кто знает, если бы направляла эти качества в замке в другое русло, то быть может этого бы шоу и не понадобилось. ты бы добралась до сути сама гораздо раньше. но нет.. ты предпочитала свой гонористый характер избаловать в криках, бесконечных истериках, побегах и склочности. и что, принесло это какую-то пользу? нет? ах, какая жалость!..)

Ярость словно по щелчку теперь разливается по всему моему телу усталостью.

Может, Ноэ был прав? И все бы могло быть совершенно иначе, не отрицай я всеми силами очевидного, пусть и иррационального, не психуй и не обвиняй в неадекватности всякого, кто пытается до меня это

(..я будто бы лале.

я вижу не со стороны, как бы наблюдая, как всегда.. а я вижу ее глазами. будто бы проживаю то, что проживает она. ее чувства, ее глаза..)

(..но помню себя. я там был вроде как воин в какой-то древней стране.. восточной стране..)

донести.. Как например, сейчас Лео.

Ведь и Милли, и Жан, и даже отчасти сам Локид в свое время пытались указать мне на ту призму, через которую стоит посмотреть на происходящее для большей ясности. Но я отменяла всякие иррациональные объяснения, и в итоге это привело.. к чему? К тому, что мне все равно пришлось признать наличие сверхъестественной природы, только в такой динамичной вариации, что чуть сердце не остановилось.

Быть может, и не стоит сейчас заходить на второй круг? Так же кричать на Лео, обвинять его в бреду.. а стоит, учитывая ошибки прошлого, просто с одинаковой внимательностью относиться к любым гипотезам?

Пусть даже самым бредовым.

Лицо Лео говорит о том, что он уже готов услышать в свою сторону порцию добрых слов, и потому он сильно удивляется, когда я резко меняю свой настрой и лишь бесстрастно уточняю:

– Даже если предположить на мгновение, что твоя теория где-то когда-то может оказаться немного верна.. И что с того? Что это меняет? Зачем упираться в это верить?

Мгновение он смотрит на меня, словно опять размышляя.. после чего кивает:

– Затем. Тебе самой не кажется, что наше воссоединение «если когда-то где-то немного в это верить» спустя шесть веков не похоже на случайность?

– Какое воссоединение? О чем ты?

– Аслан, Лале, Влад – пауза – Я, ты, Влад. Ничего не напоминает? Троица друзей из Османской империи спустя шесть веков вдруг встречается в современном мире.. где 7 миллиардов долбаных человек, Джен! Какова вероятность, чтобы мы все оказались в одно время в одной чертовой стране, одном городе, и так удачно сложились обстоятельства – что даже мы с тобой познакомились раньше, чем ты уехала к Владу?

– Очень маленькая – киваю я – учитывая, что до этого мы столько лет жили в одном городе, наши сестры так близко общались и ты так хорошо знал Милли.. но при этом сами с тобой мы не виделись ни разу..

– Вот именно! – щелкает он пальцами – ни разу! За все года. А здесь, на другом краю земли в одно время, в одном отеле.. Говорю тебе, это не похоже на случайность. Скорее, на чей-то продуманный план.

– Так, это уже слишком – поднимаюсь с кровати – сначала реинкарнация, теперь продуманный план.. кому могло понадобиться нас воссоединить? Кто вообще, кроме нас самих, может знать об этой связи шестисотлетней давности? Никто.

– Кроме Темных – поправляет Лео вполне серьезно – как ты убедилась, они живут если не вечно, то очень близко к этому. А Влад примкнул к ним как раз в то время или около того, когда наша троица была так близка в прошлом. Кто-то из них мог знать об этом.

– Но откуда они могли знать где мы? И зачем им было нас сводить?

– Это и беспокоит – кивает он – что здесь даже у меня нет догадок.

– Наконец-то – бурчу я – они кончились. Безумные догадки Лео..

Выжидающе смотрю на него и он закатывает глаза:

– Нолана.

– Лео Нолана – киваю я.

– Тогда уж Леонардо – поправляет он, неохотно вступая в мою игру – если хочешь так пафосно и полным именем.

– Тогда скажи и второе.

– Джордан.

– Наконец-то кончились безумные догадки Леонардо Джордана Нолана.

Он кисло хлопает мне, после чего заявляет:

– Зря ты так относишься к этому, Джен. Здесь точно не все ладно. Может, конечно, мои предположения и бредовые.. для тебя. Но что-то тут точно есть. Я не верю в совпадения – пауза – и тебе не советую.

Да уж.. все что я раньше считала совпадениями

*(..и странно, что обитатели замка этого в упор не замечали. ведь этот сброд и при-
ветственные ритуалы своему королю на дороге устраивал. и даже эту самую даму в подарок
приготовили вместе с нерадивым дворецким, на которого хозяин был так зол..)*

в итоге оказалось объяснимой и последовательной цепочкой действий.

Однако, Лео не знает одной детали, которую знаю я, и которая, наверняка, лишь укрепила бы его в позиции «чьего-то продуманного плана».

(..он пришел за тобой! <.> он злой! очень черный! и он пришел за тобой!..)

Той, что меня ищет кто-то из Темных.

-10-

Однако, я не говорю об этом Лео, потому что сама не могу быть уверена в достоверности этой информации. Кто мне об этом сказал? Парень, отстающий в развитии? Который увидел собаку, которой на самом деле там не было, о чем и сказала Илинка? Может он тогда и

(..как ты это узнал? что он пришел за мной?

– я увидел..)

все остальное что видел – на деле не существует. Как он мог «увидеть», что я нужна незнакомцу, если он ничего не слышал? Он мог втемнить себе это так же, как про собаку. А меня выбрать лишь потому, что я была ближе к ограде, чем сестра. Уверена, сиди там Милли – он бы ткнул на нее.

Он же Даун – что видит первое на то и показывает. Как ребенок.

Да, то, что с Михаем встречался кто-то из сильных Темных – говорила и Илинка. Но то, что этому Темному нужна я – заявлял лишь полоумный Габи, и это далеко не надежный источник, чтобы всем об этом распространяться.

Номер сорок четыре.

Что он этим хотел сказать?

Просто набор бредятины. Так почему на «номер сорок четыре» и «собака всегда с ним» мы не обращаем внимания, отфильтровав в мусор «всякого бреда», а на «он пришел за тобой» я тут же заикнулась? Просто верим в то, во что хотим.

Так что нет, этим бредом Лео я загружать не стану.

Но я все равно уже не сажусь обратно на кровать, а лишь беру пустой стакан, в котором раньше был отвар.

– Уже уходишь? – спрашивает.

– Уже поздно, на самом деле. Тебе лучше поспать. Я слышала, во сне поправляются и набираются сил.

Он натянуто усмехается:

– Ну да.

– И кстати.. – задерживаюсь еще на минуту – я с утра буду менять билеты на ближайший вылет в Штаты. Просто ждала, пока ты очнешься, чтобы быть уверенной, что ты в порядке. А раз ты уже приходишь в себя.. то мы улетаем.

– Отпуск уже кончился? – ни то с сарказмом, ни то с искренним непониманием уточняет друг.

– Отпуск нет, но впечатлений хватило.

Кивает. Была уверена, что рассмеется.

– Просто решила заранее тебе сказать, а то вдруг ты завтра опять весь день проспишь – поясню – и решишь, что мы тебя тут бросили. Вот, чтобы ты знал.

– Думаешь, билеты *так* быстро поменяют?

– Очень хочется в это верить.

Он жмет плечами:

– Знаешь.. мне по большому счету тут тоже делать уже нечего. Носферату с родственниками так и не подружился..

Его лицо вытягивается, но раньше, чем задаст вопрос, я отвечаю:

– С ним все в порядке. Бегает где-то тут по дому. Милли за ним смотрит.

Громко сказано, но пусть так.

– Хорошо – успокаивается – так вот, с родней он не подружился, а я только ради него и приехал. Выходит, мои дела тоже тут как бы.. закончились.

– А как же Бухарест?

– В смысле?

На его лице искреннее непонимание.

(.. в делах это отлично действует, да? ну, например... по работе нужно разузнать о каком-то человеке или использовать его в своих целях..)

(..и то речь шла не прямо о вас, а обо всей той ситуации, при которой я оказался за городом, хотя моя работа принуждает меня бывать в бухаресте. из-за последних событий я совсем не занимался делом, нелла конечно это заметила..)

(..но замираю, обнаружив, что на своей кровати лео сидит сам. что-то зачеркивает в блокноте, но заметив меня, поспешно его закрывает и едва ли не лихорадочно убирает за спину. растерянно хмурится, стараясь этим придать лицу наиболее невозмутимый вид..)

– В прямом – теперь хмурюсь я – ты же говорил, что Нелла тебе всучила какое-то дело в Бухаресте, поэтому и звонила постоянно. Об этом ты и говорил тогда утром.. в день нашего первого отъезда..

Вижу, что болтики в голове Лео очень стараются крутиться как можно быстрее, но из-за его болезненности и малого остатка сил, получается это медленно. Наконец он кивает:

– Бухарест? Там я давно закончил. С остатками разберутся уже и без меня. Не хочу быть обузой Сандре с Илинкой, да и с компанией домой было бы лететь веселее.

– С компанией?

– Ну, я думаю тоже свои билеты сдать и поменять на один день с вами.

С сомнением гляжу на его бледное лицо:

– Я буду искать как можно скорейшую замену.. а не уверена, что тебе в ближайшие дни стоит куда-то лететь. Ты, конечно, очнулся, но..

Он хрипло усмехается:

– Позволь я сам решу, Джен. Я не вялый старик, из-под которого утки надо уносить. К тому же – вы же не прям сейчас летите. У меня есть ночь, и может быть, даже еще сутки.. или двое. Так что утром поменяем их вместе.

Мысль о том, что мы полетим с Лео, мне все-таки нравится.

Во-первых, конечно, не одни.. но это не главное. Главное, что я буду уверена, что он так же благополучно убрался из этой Румынии, а не лежит беспомощный в каких-то паре милях от замка Влада, «охраняемый» лишь двумя хрупкими девушками.

В Америке ему и правда будет безопаснее.

Наконец, я наклоняюсь, поправляю ему подушку, чтобы он мог уже нормально лечь, а не полу-сидя. Он накрывается одеялом и укладывается, закрыв глаза. Убедившись, что все в порядке, иду в выходу.

Но замираю уже возле самой двери, и обернувшись, задумчиво замечаю:

– Ты сказал, что не веришь в совпадения и мне не советуешь. Хорошо, если мы отмечаем совпадения и случайности.. Почему тогда ты так быстро поверил Владу и почему тебя совсем не удивила вся эта нечисть? И сам Влад.. вернее, не то, что он и есть Дракула.. а то, что он монстр. Так спокойно предложил ему свою кровь, будто круассан приятелю на ланче..

Смотрю на друга.

Глаза все так же закрыты, и можно подумать, что он просто спит.. Если бы еще полминуты назад он при мне не укладывался на эту самую подушку. *Он не спит.*

Я это понимаю. Он это понимает. Однако, точно ребенок, усиленно продолжает имитировать сон.

Так и не дав ответа.

Ни солгав, ни сказав правду.

– Спокойной ночи – сухо бросаю и, выключив свет, выхожу в нашу комнату, плотно закрыв за собой его дверь.

Но выйдя, обнаруживаю, как и ожидала (вернее, надеялась), что Милли уже заснула, будто и не спала перед этим почти сутки кряду. Лежит на диване в той же одежде, рядом телефон, на котором продолжает играть сериал.

Да, Милз, ты пыталась.

Осторожно, теперь уже гораздо тише, дохожу до кухни летнего домика, ставлю туда чашку из-под отвара. Возвращаюсь, беру мобильник сестры и вырубая серию, после чего кладу на тумбочку. Проверив еще раз все замки и окна, укладываюсь рядом.

* * *

Просыпаюсь от того, что кто-то стучит во входную дверь. Не прямо-таки «нагло долбится» ногами и локтями, но явно не собирается уходить ни с чем. Милли (словно бы это она не спала всю предыдущую ночь, а не я) даже ухом не ведет, потому встать придется мне.

Плетусь и открываю дверь.

На пороге стоит Сандра. В ее руках чашка с жидкостью, исходящей парой:

– Доброе утро! – на губах какая-то виноватая улыбка – прости, если разбудила, просто Илинка сказала, что отвар надо понести..

– Еще раз? – удивляюсь, пропуская подругу внутрь.

– Конечно – хохочет – ты думала, как в сказках? Один раз выпил, а на утро уже тридцать отжиманий?

Смущенно веду плечами, но решаю не признаваться:

– Нет, я так и думала, что.. ну, несколько раз.. как и человеческие лекарства, типо антибиотиков.. курс..

Бормочу еще что-то несвязное, когда она протягивает мне чашку. Я тянусь к ней, но едва не проливаю половину. Все еще сонная, и действия малоскоординированы.

– Давай лучше ты – предлагаю – я только все разолью.

– Я..

– Просто разбуди – опережаю – он вчера очнулся, и выпить сможем сам. Просто разбуди и дай ему чашку. Помоги если что, с подушкой.

– Очнулся? – ее глаза округляются – так быстро?

Я тоже удивилась, что быстро – но думала, что от невежественности в этой теме.

– А что, обычно больше времени требуется?

– Илинка говорит, что обычно первое улучшение наблюдается только день на третий.. – задумчиво тянет подруга – а ты говоришь уже вчера очнулся..

– Да, и поговорили мы..

– И даже говорил? – вещее изумление – ничего себе. Вот Илинка обалдеет. Вот это здорово у парня, вот это я понимаю.

Посмеиваясь, как-то удивленно и растерянно, она бредет к его комнате.

– Сандра? – Милли сонно распутывает свои светлые волосы, чуть приподнявшись на локте – а сколько времени?

– Еще рано, я просто отвар Лео принесла.

– Нормально уже – говорю я одновременно с Сандрой – вставай давай. Нам еще билеты менять, кто знает, на какое дадут. Может надо будет собираться да уже и..

– Так быстро? – снисходительно улыбается подруга – не думаю, что на ближайшие числа что-то будет, сезон ведь..

И скрывается в комнате Лео.

Черт, он сказал то же самое.

Но как же не хочется здесь находиться лишние дни! И я не о летнем домике Сандры с Илинкой. Он очень даже милый. Я в принципе об этом селе, этой стране и всем с этим связанным. Хочется побыстрее и подальше отсюда.

В итоге не могу дождаться ни завтрака, ни даже умывания – а решаю позвонить в авиакомпанию прямо сейчас. Убедиться, правы Сандра с Лео или нет. А то я так спокойно не смогу даже зубы почистить.

Милли уже окончательно садится на диване, разглядывая мятую одежду, и я усаживаюсь рядом. Она вновь что-то недовольно бормочет о том, что даже в отпуск я променяла ее на работу (конечно, я ведь сказала что это спешка из-за супер-важного дела по работе в Штатах).

Наконец, на том конце телефона отвечают.

Я стараюсь выдать свой самый дружелюбный голос, быть самой приветливой (все-таки, человеческий фактор немало играет роли) и самой обаятельной (насколько это возможно по мобильнику), но в ответ на мой запрос о замене билетов, диспетчер лишь сообщает, что свободных мест на ближайшие рейсы нет.

Милли довольно скалится, а я крепче сжимаю телефон, недовольно стиснув зубы.

Вдох-выдох.

Вновь приветливый голосок и я по новой настойчиво прошу ее – только теперь уже о том, чтобы она поискала еще раз. Вдруг все-таки что-то найдется, или кто-то откажется в последний момент, сдаст билеты (такое ведь тоже бывает!). Утомленная моим нудением с утра пораньше, женщина наконец заверяет, что если что-то появится, она перезвонит.

Слабо в это верю, но хотя бы что-то.

Слышу какой-то разговор в комнате Лео, и как раз к концу моей телефонной беседы, они с Сандрой оба выходят оттуда.

– Ого! – у Милли даже рот раскрывается.

Лео выглядит таким свежим, точно только с отдыха вернулся. Он и вчера выглядел намного лучше, чем днем.. Но вчера и сегодня – просто земля и неба. Вернулся прежний румянец, и что говорить, он уже сам стоит на ногах и спокойно передвигается.. а вчера даже без моей помощи на кровати подняться не мог.

И это сколько всего часов прошло..

Но не успеваю подсчитать, как Сандра уточняет, унося пустую чашку:

– Ну что с билетами?

– А то вы не слышали – бурчу.

– Мы слышали тебя и твои стенания – добродушно усмехается Лео – а вот ответы нет.
– Она пообещала перезвонить, если что-то появится. Или кто-то откажется от билетов.

Сандра с Лео невинно жмут плечами, но я отчетливо вижу их скептицизм. Конечно, они же сразу говорили, что билетов не будет. Но тут друг спохватывается и достает мобильник:

– Я тогда тоже сейчас звякну. Ну.. чтобы и мне позвонили, если билеты появятся.
– Смейся-смейся – бурчу я.

Однако, он правда звонит, повторяет всю мою реплику (если попал на того же диспетчера, представляю, каким «добрым» она считает свое утро – два нудячих балбеса с периодичностью в пару минут) и в итоге отключается с таким же обещание на том конце провода о том, что ему обязательно перезвонят, если появятся билеты.

– Ты тоже полетишь с нами? – Милли сразу же воспряла духом.
– Да, у меня тут все закончено..

Сандра удивленно глядит на него:

– Я бы сказала, что так рано никуда нельзя.. но знаешь, гляжу на тебя и не знаю, кто из нас здоровее.

Они смеются, однако я спрашиваю:

– Ты правда хорошо себя чувствуешь?
– Ну выглядишь точно лучше – заявляет сестра – не то, что вчера.
– Ну спасибо – усмехается он – нет, на самом деле правда очень хорошо себя чувствую.

Кажется, ты была права – подмигивает мне – сон лучшее лекарство.

– Если хотите – предлагает Сандра уже с порога – мы с Илинкой наших фирменных блинчиков с творогом напекли. Можете присоединяться. Ну.. – легкий смешок – пока не улетели.

Милли с Лео с трудом сдерживают смех, но зато когда я удаляюсь в ванну умыться, слышу как они втроем вдоволь хохочут над этой «уморительной шуткой».

Я умываюсь, после меня заскальзывает Милли, а Лео говорит, что мы можем его не ждать и бежать, пока все не остыло. А он нас догонит. Мы соглашаемся и я, взяв телефон, который теперь (после обещаний мне перезвонить, брошенных скорее всего лишь для того, чтобы я отцепилась) буду таскать с собой везде, ухожу вслед за сестрой в основной домик.

Пахнет и правда божественно. Сандра с Илинкой уже заканчивают свои блины (трудно сказать, какие по счету), когда мы садимся рядом. На столе стоят различные варенья, и прочие соусы. Сестры улыбаются, но не могу не заметить, что все усиленно делают вид, будто бы вчера ничего не произошло.

Никто не заговаривает ни о Габи, ни о том, что с ним.

Конечно, быть может оттого, что они решили, будто бы уже все сказали Милли и этого достаточно.. но как-то это на них не похоже.

Но не успеваю и я положить себе первый блин, как мой телефон разражается трелью.

– Черт! – быстро хватаю его – это по билетам!

И я уже даже вижу незнакомый номер на дисплее.. как все-таки заставляю себя признать, что просто хочу его видеть.

Однако, то, что я вижу – еще более удивительно.

Звонок от нее я ожидала в последний момент.

– По билетам? – уточняет Милли.

– Нет, мама – хмурюсь я.

– Чья, мама?

Даже сестра не предполагает, что она может звонить.

– Наша мама, Милли.

Она озадаченно вскидывает брови, а телефон между тем продолжает верещать у меня в руках:

– Мама никогда же не звонит, если мы отдыхаем. Типо, не мешай отдыхать детям и они не будут мешать отдыхать тебе..

Это правда.

– Звучит современно, конечно – кивает Сандра – но может вы уже трубку возьмете?

– Точно! – чертыхаюсь и отвечаю на звонок – алло, да, мам? Прости, не слышала, телефон в сумке лежал..

Милли хмыкает.

– Привет, Джени. Ну как вы там, как отпуск?

Ее голос кажется мне каким-то беспокойным.

– Да нормально.. а что-то случилось?

– Нет-нет. Просто решила узнать, как вы.

Это на нее непохоже.

– Да все хорошо. А вы как?

Она принимается рассказывать о каких-то незначительных, совершенно бестолковых событиях. При этом то и дело путается, замолкает, будто бы теряя нить повествования.. Милли, что слышит каждое слово, удивленно смотрит на меня.

Я лишь жму плечами на ее немой вопрос.

Вот мама, в который раз оборвав саму себя (отлично справляясь с разговором и без моего участия), спрашивает:

– Кстати, вы не думали может раньше вернуться? Ну, отдохнули же достаточно.

А вот это апогей странности.

Да, я думала и даже звонила в авиакомпанию.. Но мама никогда не станет просить о таком, или даже подталкивать на подобные мысли без причины. Милли полностью права – у нее совсем другой взгляд на эти вещи. И вряд ли, если он не менялся все двадцать пять лет моей жизни – то вдруг без причины резко поменялся сейчас.

– Мам – требовательно обрываю – что случилось?

Ее голос становится ее более путаннее, а речь бессвязнее, точно преступника словили на поличном:

– Нет, н-ничего. Извини, что тревожу вас. Отдыхайте.

Бип-бип-бип.

Отключила трубку, даже не попрощавшись.

Я в смятении гляжу на сестру, когда, наконец, заходит на кухню Лео. Он уже открывает рот, чтобы что-то сказать, но заметив наши с сестрой лица, спрашивает совсем другое:

– Что-то случилось?

– Я маме задала тот же вопрос – говорю.

– Маме?

– Да, мама сейчас звонила – отвечает Милли – она вообще в принципе не звонит, а тут так странно говорила.. предлагала раньше вернуться..

– Да вообще в этом звонке было странно все – заявляю я – от первого до последнего слова.

– Ну, может просто соскучилась – предполагает Лео, хватая блин прямо с общей тарелки – наша с Кэти часто так вот звонит.

– Ну.. наша немного другая – сбивчиво поясняю – она.. не стала бы. Она точно была чем-то встревожена, но ничего не говорит..

Захожу в журналы и вновь набираю ее номер:

–Перезвоню – объясняю Милли.

Та кивает.

Но вот гудок.. второй, третий.. десятый.. ответа нет. В итоге робот просто заявляет, что абонент не отвечает.

Я звоню еще раз.

То же самое.

Нехорошее чувство внутри начинает нарастать.

– Что-то не так – заявляю – мало того, что позвонила и такой странный разговор.. так теперь не отвечает вообще.

– Ну, может в душ пошла или на улицу вышла.. – предполагает Сандра – ты только накручиваешь себя.

– За полминуты? – вскидываю бровь – да за полминуты она бы и от телефона отойти не успела. Тем более, она всегда на связи.

– Напиши ей сообщение – встревоженно предлагает Милли.

Но тут телефон вновь начинает трезвонить.

– О, перезвонила – улыбается Лео – а ты переживала..

Гляжу на дисплей:

– Это не она.. номер незнакомый – отвечаю – алло?

– Мисс Дженна Бёрнелл? Вы подавали запрос о замене авиабилетов.

Однако, голос мужской. Точно не та женщина-диспетчер, что обещала перезвонить если что. Однако, я все-таки растерянно бурчу:

– Да..

– Появилось несколько свободных мест.. Если вы успеете прибыть в аэропорт через два часа..

– Подождите секунду.. – закрываю динамик и спрашиваю у Сандры – сколько отсюда до Бухареста?

– Час, может полтора.. – жмет она плечами – от погоды зависит, но сейчас хорошая..

Я уже отнимаю ладонь от динамика:

– Алло, да. Мы успеем. Только.. мой приятель тоже подавал запрос. Там будет еще одно место же?

Тишина.

– Алло?

– Минуту.

Через пару мгновений тот же голос:

– Да. Есть еще место.

– Отлично, спасибо! – с жаром киваю я, хоть он и не может меня видеть – мы будем в аэропорту в срок.

Когда я кладу трубку, Сандра удивленно вскидывает брови:

– Только не говори, что билеты правда поменяли? А то я начну верить в чистоту этого мира.

– Поменяли! – киваю я и гляжу на Лео – более того, там и тебе есть место. Полетим вместе, как и хотели.

Однако, вместо радости, он как-то подозрительно хмурится:

– Странно.. они ведь даже не спросили моих данных, чтобы проверить, подвал ли я запрос вообще или нет. И если меня можно взять, значит место все-таки есть.

– Да, и это здорово – киваю я – только надо быстрее выезжать, нам там надо быть через..

– Но если так, Джен – он выразительно смотрит на меня – почему мне самому не позвонили и не сообщили об этом, как тебе?

-11-

– Не знаю – развожу руками – какая разница? Может, мне позвонили первой, потому что я подавала заявку первая, а потом позвонили бы тебе! Радуйся, так тебе сразу все дали!

– Может, лучше дождаться чего-нибудь попозже.. – сомнительно предлагает Илинка – вы не поесте не успеете, ни толком..

– Все нормально, там перекусим – отмахиваюсь – это чудо, что заменили! Вы же сами говорили, что можно и днями ждать! Тем более.. с мамой точно какие-то проблемы, чем быстрее окажемся дома, тем лучше.

Милли жмет плечами:

– Ладно, но вещи-то уже собраны. Поесте может успеть..

– Нет, Милли – одергиваю – лучше приехать раньше, чем опоздать. И так впритык будем. Лео?

– Да, я готов! – он едва успевает запихнуть остатки первого (и последнего) своего блина в рот, вытирает руки о джинсы и встает – только вот у меня тачка в аренде.. а, ладно, пофиг.

– А что такое?

– Если сдать арендованный автомобиль на положенное место, выходит дешевле – поясняет Сандра – а если бросить где удобнее, тем более аж в аэропорту, выйдет намного дороже.

– Плевать – повторно отмахивается Лео с набитым ртом – я за эти дни и так уже столько намотал, что мелочиться из-за этого просто смешно. Не вам же нас отвозить!

На удивление, сестры особо и не спорят. В принципе логично. Времени в обрез – на прощания в аэропорту вряд ли и минута найдется. А смысл им тогда так далеко ехать на этой развалюхе Михая, которая в любой момент может заглохнуть?

Мы быстро бросаемся к летнему домику, так и не начав трапезу, и хватаем свои чемоданы. Милли все равно проверяет вещи, хоть и не доставала их, а я советую лучше переодеться, а не лететь в этом мятом, в котором она проспала всю ночь. Лео с трудом ловит Носферату и с еще большим трудом запихивает его в переноску.

Зато мы укладываемся почти что в рекордный срок – четверть часа! Быстрее получалось собраться только у Влада.. но там и причины были экстреннее.

Бегло обнявшись с сестрами, мы закидываем вещи в багажник тачки Лео и, рассевшись по местам, выезжаем.

– Жалко, что так быстро.. – бормочет Милли – толком не попрощались. А ведь мы больше вряд ли когда с ними увидимся..

– Да, жаль – соглашается Лео – но иначе могли опоздать.

И тут сестра раздражается буквально за минуту:

– Ага, опоздать на самолет. А такая срочность только из-за какой-то работы Дженны, которую та выбирает вместо всего остального даже в собственный отдых!

Лео бросает на меня мимолетный взгляд, но быстро понимает, что к чему. И подыгрывает:

– Ну, Милз, разные обстоятельства бывают. Может, она сейчас на этом новом заказе столько заработает, что уже через месяц повезет тебя не в Румынию, а, не знаю.. в Монако!

– К черту Монако! – фыркает она – чтобы мы и там только и занимались ее работой, а потом сорвались раньше срока? Спасибо, я с ней больше никогда никуда не поеду.

– Милз.. – пытается разлучить ситуацию Лео, но даже ему это не удается.

Потому до аэропорта мы доезжаем в молчании.

Зато благодаря умениям друга, едем достаточно быстро и не опаздываем.. по крайней мере мне так кажется, если судить по времени и тому, какой срок мне озвучили по телефону.

Служебная машина аэропорта высаживает нас у взлетной полосы, после чего резко разворачивается и уезжает. До трапа остается несколько десятков метров. Я спешу первой, таща свой чемодан, Лео за мной со своим и чемоданом Милли. Сестра же тащит в руках лишь переноску – зато та злобно шипит и угрожающе рычит, потому, пожалуй, я бы лучше взяла еще один чемодан, чем эту переноску.

С трапа нам навстречу спускается мужчина. На нем униформа, но совсем не такая, как у остальных сотрудников аэропорта. Дождавшись, пока мы подойдем, он приторно улыбается (и эта улыбка слишком напоминает мне фальшивую улыбку Локида, покуда тот притворялся в замке случайным гостем):

– Добро пожаловать на борт, дамы и господа. Позвольте вашу поклажу.

И подхватывает мой чемодан раньше, чем я успеваю что-либо ответить. После чего берет чемодан, что Лео поставил рядом с Милли, игнорируя чемодан самого Лео (видимо, помощь предоставляется только дамам), и несет наверх.

– Дамы и господа? – фыркает Милли шепотом, чтобы тот не услышал – сколько пафоса. Не помню, чтобы наши сумки таскали наверх, когда мы летели сюда..

Но тут замечаю, как Лео пристально оглядывает самолет, после чего подает голос:

– Думаю, Милли, это потому что.. вы летели не на частном рейсе.

– Что? – я, уже ступившая на первую ступеньку вслед за мужчиной в униформе, останавливаюсь – частный рейс?

– Извините.. мистер – Лео уже громче окликавает его – это же частный рейс, так?

Он оборачивается и одаривает нас еще одной широкой (и еще более фальшивой) улыбкой:

– Да, разумеется. На общественных рейсах все занято, а у нас, по счастью, оказалась пара свободных мест.

Лео бросает на меня взгляд из категории «я же говорил тебе, случайностей не бывает», после чего вслух уже мужчине:

– Пара свободных мест? Но это же не машина, чтоб так взять и решить кого-то подвезти автостопом. К тому же..

– А почему нет? – улыбка мужчины на миг стягивается (будто бы забыв), но тут же расширяется вновь – в диспетчерской сообщили, что люди ищут возможность срочно улететь. А нам несложно.

Преодолев оставшиеся ступеньки, он останавливается на верхней площадке трапа и ставит чемоданы на пол. Я все еще стою на самой первой ступени, не спеша подниматься. Милли с Лео вообще еще внизу. Вот кот в очередной раз шипит и умудряется просунуть лапу сквозь переноску.

– Ай! – сестра вскрикивает и, уже и так взбешенная резким отъездом, грубо сует переноску Лео – держи своего бешеного кота! Мою сумку уже у тебя все равно забрали.

(..в диспетчерской сообщили, что люди ищут возможность срочно улететь. а нам несложно..)

Хмурюсь, но игнорируя ее, обращаюсь к мужчине наверху:

– Извините, но «Вам» – это кому?

Действительно.

Слишком уж странно.

Частный рейс.. значит, какой-то богач? Но какому богачу станут интересны проблемы простых смертных, чтобы запросто так их вдруг перевозить с места на место вместе с собой?

Однако, мой вопрос каким-то образом теряется в общей суматохе. Вот мужчина уже обращивается и галантным жестом предлагает нам пройти вперед. Милли, чуть подумав, поднимается, проходя мимо меня.

– Милли.. – шикаю я.

Она раздраженно оборачивается, остановившись лишь на миг:

–Что? Ты же хотела раньше уехать. Радуйся. Полетим с комфортом.

И скрывается на борту.

Теперь уж ничего другого и не остается, наверное. Киваю Лео:

– Ладно, полетели. С нами такой защитник – киваю на шипящую переноску в его руках – ничего не грозит.

Но едва друг делает шаг на первую ступень, как внезапно откуда-то (словно черт из табакерки, как сказала бы бабушка), появляются несколько мужчин в форме охраны аэропорта – будто только и ждали этого момента.

Они подходят к Лео.

И, один из них, положив руку ему на плечо, начинает что-то строго говорить, то и дело указывая на переноску с котом.

– В чем дело?

Друг оборачивается и беззаботно отмахивается:

– Все нормально, Джен, минуточку. Сейчас разберемся.

– Ладно.

Продолжаю стоять на ступенях, ожидая его. Но охрана все продолжает и продолжает что-то ему говорить, и действия их становятся все более нервными. Собственно, как и ответы Лео. Действие явно затягивается.

Какого черта они к нему прицепились?

Вот мужчины уже отводят Лео немного в сторону от трапа, продолжая что-то ему упорно доказывать. Я хмурюсь и, спустившись на две ступени, кричу:

– Извините, господа, а в чем проблема? Нам сказали..

Но стюард быстро скользит вниз ко мне и, встав передо мной, шепчет:

– Мисс, поверьте, охрана аэропорта – это не те люди, с которыми стоит спорить, если вы вообще хотите отсюда сегодня улететь. Будете вмешиваться – только затянет дело. Сейчас уже все разрешится.

Но вот один из охранников, услышавший мой наглый протест, поднимает голову и чуть не прожигает меня своим подозрительным взглядом. Я уже вижу, как он подходит ко мне и просит пройти дополнительную проверку на всевозможные вещества, перевозки и бла-бла, и в итоге проблемой становится не Лео – а я.

Заметив реакцию охранника, стюард начинает суетиться еще больше:

– Мисс, предлагаю лучше пройти вам внутрь. Не стоит стоять у них над душой, господа этого не любят – и добавляет, будто прочтя мои мысли – как бы и вас не стали проверять..

– Мало ли, что они любят! – огрызаюсь, но уже не так уверенно и значительно тише, чтобы охранники не услышали – я не полечу без друга. И моя сестра тоже. Если они оставляют его, значит остаемся мы все.

И, положив руку на сердце, едва ли здесь возобладали мои дружеские порывы. Будь это обычный общественный рейс – мы бы полетели и без него, принеся тысячу извинений и объяснений, почему должны это сделать. Но здесь.. слишком подозрительная ситуация, чтобы лететь самой с сестрой.

– Я и не предлагаю лететь без него – терпеливо объясняет он, косясь на охранников – просто побудьте внутри, пока вопрос не решится. А если не решится, то можете идти, вас никто не держит.

Я скептически гляжу на него и он улыбается (вновь тот приторный оскал):

– Уверю, насильно увозить вас никто не станет. Тем более перед носом у толпы и охранников.

– Я этого и не опасалась – бурчу – просто хотелось бы видеть, куда потащат Лео, если вдруг все пойдет далеко.

– Думаю, нам сообщат.

– Лео! – окликаю друга.

Тот озабоченно оборачивается и кивает, как бы спрашивая «что?». Я киваю на самолет и двумя пальцами имитирую ноги, которые идут в направлении входа на борт. Он одобрительно

кивает и показывает большой палец, после чего два – указательный и средний – словно бы говоря «еще пара минут».

Ладно, если Лео считает, что это допустимо – значит, все и правда под контролем, потому я иду за стюардом в салон.

Признаться, такого салона, конечно, я еще ни разу не видела – разве что в кино про отвязных миллионеров, наподобие «Волк с Уолл-стрит». Дорогая отделка, широкие кожаные кресла, столик с напитками и фруктами..

Милли уже сидит, довольно раскинувшись на одном из кресел (поднявшись сюда раньше нас всех) и, закидывая виноград в рот с излишней надменностью, заявляет мне:

– Это не самолет, а настоящий дворец.

Стюард на это замечание довольно улыбается, словно это его личный самолет. После чего кивает мне, замершей в проходе, на кресло:

– Прошу вас, мисс, присаживайтесь.

– А где Лео? – хмурится Милли, заметив наконец, что я поднялась одна.

– Он решает какие-то проблемы с охранниками..

Но стюард не дает нам развить эту тему. Едва дождавшись, пока я усядусь, принимается перечислять напитки, которые может нам предложить.

Милли тут же принимается выбирать всякую всячину, однако я даже не слушаю список.

Две минуты давно прошли.

Где он?

– Знаете – встаю с кресла, заставив мужчину в замешательстве чуть отступить – лучше пойду проверю, что там с..

Но не успеваю я сделать и шага к выходу, как вдруг чувствую под ногами знакомое плавное покачивание.

Самолет двинулся.

Рот Милли изумленно открывается:

– А Лео?!

В полной растерянности хватаю стюарда за руку:

– В чем дело?! Почему мы едем?!

Он мягко сцепляет мои сомкнувшиеся на его запястье пальцы:

– Сядьте, мисс, во время взлета не рекомендуется стоять.

И вновь фирменная улыбочка.

– Взлета?! Я же сказала, что мы не летим без друга!

Стюард настойчиво, едва ли не насильно, усаживает меня обратно в кресло. Я отталкиваю его, пытаюсь выбраться, но он фиксирует мое положение ремнями безопасности, и не допускает мои руки, чтобы их расцепить.

– Милли, убери его! – ору я.

Но вот самолет набирает достаточную скорость и отрывается от земли. Сестра, которая только успела встать – тут же падает, теряя равновесие и не успев ни за что зацепиться.

На удивление, Милли не теряется в экстренной ситуации, как тогда, когда испарился Ноэ. Сейчас же, наоборот, она подскакивает с невиданной скоростью и зацепляется теперь не за что-то – а повисает прямо на шее стюарда, блокируя ему кислород.

– Нас похитили! – орет она и тянет его еще сильнее – Дженна, бей его! У него должен быть пистолет, если он нас держит!

Я пытаюсь оттолкнуть мужчину. Тот отмахивается от Милли, при этом старается удерживать и меня – но понятное дело, у него не получается все и сразу. Он не Рембо.

В итоге он справляется с Милли, но отвлекается от меня. Я расстегиваю ремень и вскакиваю с кресла. Мне хватает секунды, чтобы схватить то стеклянное блюдо, с которого сестра

ела фрукты. Фрукты разлетаются по полу, а я уже готова опустить со всего маху блюдо на голову стюарда..

– СТОП! Хватит!

Он судорожно отшатывается от нас, точно от каких-то опасных безумных зверей в вольере, и выставляет вперед руки:

– Какое похищение, вы в своем уме?! Просто уже время отлета подошло, мы не могли ждать. Полагаю, просто от господина был получен приказ взлетать!

(..очень черный! он пришел за тобой!..)

– Какого еще господина?! – бледнею.

– Хозяин этого самолета – вновь привычная улыбочка на лице (явно натянутая титаническими усилиями) и краткий взгляд вправо – а вот и он..

Лакированная дверь в конце салона (которую я сразу и не заметила) отъезжает в сторону. Из нее выступает темный силуэт..

Глава 2.

ЧЕРНЫЕ ФИГУРЫ.

–1–

Наше время.

В небе над Румынией.

Силуэт покидает полутемное пространство и делает шаг к нам, давая себя различить. На мгновение мои глаза отказываются воспринимать действительность и, подобно с телефоном, я *(..и я уже даже вижу незнакомый номер на дисплее.. как все-таки заставляю себя признать, что просто хочу его видеть..)*

я уже вижу

(..у него страшное лицо. он очень-очень старый..)

выступившего из тени старика. Старого, сгорбленного, с длинными уродливыми руками, почему-то очень похожими на лапы того монстра, которым оказался Влад, которые теперь тянутся ко мне, желая сжаться на шее, как сжались пальцы Михая на шее дочери, и давить-давить, пока глаза на лоб не полезут, потому что я ему нужна, а Темные никогда не проигрывают, они всегда получают то, чего хотят, тем более, когда речь идет о..

У меня перехватывает дыхание и необходимость вдохнуть прерывает поток мыслей.

Такое чувство – что даже не моих.

Откуда они там взялись? Что за нескончаемая безумная чехарда сейчас пронеслась в моей голове? Имеет ли она хоть какое-то отношение к моим умозаключениям, а если нет, то откуда она там вообще тогда появилась?

Темные никогда не проигрывают.

О таком я точно никогда не размышляла, чтобы ему взяться в моей голове...

Но вот мой взгляд фокусируется на силуэте уже в реальности, не напичковывая его нереальными свойствами воображения. И на мое удивление – он совершенно отличается от того, кого я ожидала (вернее, боялась) увидеть.

Это никакой не старик.

Напротив, молодой парень.

Вернее, я бы сказала, молодой мужчина – но слишком молодой, чтобы

(..хозяин этого самолета.. а вот и он..)

быть владельцем такого самолета. На вид он точно не старше меня, быть может только если на год-другой. Но вот уж точно будет побогаче. И значительно повыше – не дотягивает до роста Влада (в человеческом облике, разумеется), но думаю, примерно одного роста будет с Лео. На нем элегантный (и наверняка, невероятно дорогой) темный пиджак, небрежно вися-

щий расстегнутым. Под ним виднеется такая же темная футболка. Снизу какие-то, судя по развевающейся в отсутствии ветра ткани, шелковые брюки.

Он дает нам пару мгновений – будто бы зная заранее, что нам нужно время оценить его появление, после чего изящно откидывает темную волнистую прядь с бледного лба и улыбается, позволяя теперь различить его черты лица.

Стоит признать, они правильные – но глядя на него, кое-где просматриваются «рубцы» этой правильности. Не в буквальном смысле, разумеется – кожа идеально гладкая, но чувствуется, что над его внешностью кропотливо работал ни один хирург. Даже за эту небрежную улыбку, которая многим дается без труда – уверена, он отвалил в свое время целое состояние.

Как и за идеальный разрез глаз, который принято называть «кошачьим». Конечно, я могу ошибаться, но почему-то мало верится, что они ему даны от природы.

Это не отнимает его привлекательности, но делает – как в свое время и у Локида – ее настороженной.

Нет, он не слишком переусердствовал, чтобы она превратилась в неестественную, неживую и отталкивающую (за его внешность хочется зацепиться глазу) – но достаточно, чтобы появился вполне логичный вопрос: что же происходит с психикой этого человека, если уже к своим годам он перекроил себя вдоль и поперек от самого основания?

Что ж, у богатых свои причуды.

Меня сейчас больше волнует другое.

– Добро пожаловать на борт, леди – мелодичным голосом заявляет он, но не спешит к нам приближаться по понятным причинам.

Его взгляд плавно скользит от рассыпанных по полу фруктов (яблоко подкатилось к его лакированным ботинкам) к моей руке, что держит занесенное над головой стюарда блюдо, после чего к самому стюарду и Милли, чье тело напряжено, точно готовясь к очередному броску на мужчину.

Его улыбка немного стягивается, брови в сдержанном беспокойстве обращаются к стюарду:

– Тэд, дамы напуганы – в голосе проступают претенциозные нотки, скрадывающие впечатление искренности – ты мог быть как-то более учтивее и аккуратнее, чтобы не пугать девушек?

Он хмурится и презрительно бросает:

– Где твои манеры..

Однако, на лице стюарда не дрогает ни один мускул. Он продолжает учтиво улыбаться, точно робот, у которого только одна эмоция на все случаи жизни или тупо заклинило коробку передач.

Я опускаю блюдо, но не спешу выпускать его, как оружие, из своих рук. Кошусь в сторону «хозяина самолета»:

– Вы тот «господин», который приказал взлетать?

Вновь добродушная улыбка:

– Да, мисс Бёрнелл. Видите ли, я с радостью помогаю людям, когда могу, но я очень занятой человек. Каждая моя минута.. *очень* дорого стоит.

Ничего не понимаю:

– И что вам от нас-то нужно?!

Искреннее, неподдельное изумление и вновь невинная улыбка:

– Мне? Да ничего. Это же вам, кажется, нужно было улететь? Вы забыли?

– Не делайте из меня дуру! Я..

Но тут Милли делает шаг вперед, изумленно открыв рот.

– Милли, не подходи к нему!

– Подожди, Джен.. – сестра мягко забирает у меня из рук блюдо, и в этот момент я чувствую себя Сандрой. То самой старшей по праву возраста сестрой, которая вдруг каким-то образом поменялась ролями с младшей.

Она аккуратно кладет блюдо обратно на столик, не сводя с молодого мужчины глаз:

– Вы ведь.. я вас знаю.. мистер.. – огоньки сомнения мелькают в ее глазах, но она все-таки выдает – мистер Ратвен, вроде? Да?

Мужчина одаривает ее благодушной улыбкой:

– Да, именно. Гордон Ратвен, к вашим услугам.

– Ты его знаешь? – вскидываю брови, обращаясь исключительно к сестре – откуда?

Не могу даже представить, при каких обстоятельствах могла познакомиться моя сестра с человеком, у которого достаточно денег для покупки собственного самолета.

Самолета, на котором он похищает людей.

Остатки озабоченности сходят с лица Милли, заставляя ее просить, точно она встретила давнего кумира, любимую кинозвезду или что-то в этом роде. Не осмеливаясь спускать с него глаз, точно он сахарный и может растаять (или раствориться, как Локид), она сумбурно объясняет мне:

– Ты чего, Джен, это же Ратвен! Как его можно не знать! Он очень богатый и известный благотворитель! У его фонда столько проектов!

– На мой вопрос ответь – терпеливо повторяю я – ты-то его откуда знаешь?

В жизни не поверю, что на досуге Милли интересовалась и отдыха ради читала сайты про благотворительность, где и наткнулась на имя Ратвена.

– Так он и нашей школе помогает.

Губы мужчины вновь трогает приятная улыбка, и, наконец, он приближается к нам, видимо опрометчиво решив, что опасность миновала:

– Все верно, рад что все прояснилось. М-м?

– Милли – сияет она – я вас даже вживую видела, когда вы приезжали к нам на встречу со старшеклассниками в прошлом году. Ну издалека, конечно, но все-таки..

Милли буквально дрожит от перевозбуждения. Ратвен, видимо, это замечает, и благодушно подает ей руку, как для рукопожатия, оказавшись на достаточно близком расстоянии. Не раздумывая, сестра тут же протягивает свою в ответ – но молодой мужчина, с ловкостью кобры, переворачивает ее руку и мягко касается губами тыльной стороны ладони.

Кажется, судя по виду сестры, она уже прожила главный момент своей жизни – так сказать то, ради чего была рождена – и все остальное ей теперь неважно.

Жизнь удалась.

Однако, я тут же протискиваю между ними свою руку, желая возобновить дистанцию и убрать это неуместное панибратство до полного выяснения ситуации.

Ратвен с легким изумлением оборачивается ко мне.

–Ничего не прояснилось! – заявляю я – по какому праву нас удерживают на самолете! Сказали, что не будут, но он – тыкаю в стюарда – буквально вцепился в меня, сестра свидетель! Насильно прицепил ремнями к креслу..

– Ух-х – мягко ухмыляется Гордон – звучит, как сцена из какого-то эротического фильма. Кажется, я слишком поздно к вам подоспел и пропустил все самое интересное.

– Вам смешно? – ощериваюсь, готовая вновь схватиться за блюдце.

Его брови тут же вновь в искреннем беспокойстве взлетают вверх:

– Нисколько, мне действительно очень жаль, что мой человек вас перепугал. Но поймите меня правильно, было бы неловко, если бы вы выпрыгнули из борта и разбились в лепешку – вновь снисходительная улыбочка – вот ситуация бы вышла, а? И кто бы поверил, что я всего лишь хотел помочь?

– Кому помочь? – оборачиваюсь и шелкаю пальцами перед носом Милли – ты забыла? Они без нашего спроса увезли нас от Лео! Просто бросили его там и все! А когда я пыталась уйти, стюард стал хватать..

Ратвен сцепляет пальцы в замок. Теперь улыбочка и приветливо-флиртующий тон уходят из его голоса. Остается лишь спокойный, серьезный тон делового человека, точно знающего что, от кого, когда, в каком количестве и каким образом ему нужно получить.

Теперь он уже не похож на эдакого дурачка-весельчака. Теперь я действительно вижу перед собой бизнес-акулу.

– Тэд не знал, что я прикажу взлетать. Он действовал исключительно в ваших интересах – человек в панике способен совершить непоправимые вещи, вредящие ему же самому. Не думаю, что ваш приятель был бы рад встретиться с вами в том же месте, но.. немного в иной форме.

– Я не собиралась выпрыгивать из самолета -цежу – просто не надо было его трогать с места..

– Я же говорю..

– Да-да, время. Я помню. Каждая минута дорого стоит..

– А эта проверка охраны, они обычно надолго – кивает он – мы и так задержали вылет, чтобы дождаться вас..

Какая честь! А с какой стати им вдруг ждать нас?

– Так и летели бы! Сказали бы, что не можете ждать, мы бы вышли из самолета, а вы бы полетели.

Он пристально глядит мне в глаза, словно пытаюсь вывести на правду чище любого детектора лжи:

– Вышли бы? Вы ведь не просто так, полагаю, спешили улететь, мисс Бёрнелл – небрежно отмахивается – простите, забыл ваше имя..

– Потому что я вам его и не называла.

Хотя, я и фамилию не называла. Подозреваю, эти данные ему известны из билетов, которые можно было почерпнуть в диспетчерской, которая и передала нас ему.

– Так вот, мисс Бёрнелл, подозреваю, на ваш отлет были серьезные причины. И забыть о них лишь из одной солидарности с другом? Это красиво – задумчиво соглашается он, после чего вскидывает бровь – но разумно ли?

Да, однако вот

(..и, положив руку на сердце, едва ли здесь возобладали мои дружеские порывы. будь это обычный общественный рейс – мы бы полетели и без него, принеся тысячу извинений и объяснений, почему должны это сделать. но здесь.. слишком подозрительная ситуация, чтобы лететь самой с сестрой..)

дело было совсем не в солидарности.

– Мое вмешательство – продолжает своим размеренным тоном Ратвен – избавило вас от сложного морального выбора и позволило остаться с чистой совестью.

Его губы трогает легкая лукавая улыбка:

– Лично *вы* не бросали своего друга, но при этом так же очень скоро будете дома и сможете решать свои дела, не подстраиваясь под его проблемы, возникшие с охраной аэропорта.

Да уж, а он определенно не так наивен, каким показался.

Ну верно, наивные люди миллиардами не ворочают.

– Но как же Лео? – неуверенно поникает Милли, видимо, не смея выражать по отношению к своему очередному кумиру эмоций агрессии – ему же тоже надо..

– Лео – мягко перебивает ее он – это ваш приятель, верно? Думаю, он спокойно прилетит следующим рейсом. Так что все отлично. Ведь проблемы у него, почему задерживаться должны и вы? Логично?

Пристальный взгляд вновь на меня.

– Думаю, вы проницательны, мистер Ратвен, но не настолько, как о себе мните – замечаю я – основная наша проблема не в солидарности с другом, а в вашей странной щедрости. Частный рейс, не пойми откуда взявшиеся места, неизвестный человек..

Он вновь довольно улыбается:

– Вот видите! Уже и проблем нет. «Неизвестный» человек стал известным мной, который, по то же уже вполне понятным причинам, озвученным вашей сестрой, согласился взять вас на борт своего самолета. Как разрешилась и проблема с вашим «похищением», которая, на деле, лишь является моей очередной помощью вашей транспортировке. Думаю, мы уладили этот вопрос?

Внимательно смотрю на него.

В глазах же Милли больше восхищения, чем растерянности и озадаченности. Впрочем, кому я вру- в ее глазах их вообще не осталось. А ее «как же Лео», кажется, было чисто фразой приличия, которую надо сказать и тут же можно о ней забыть.

– Жаль, что мы познакомились при таких обстоятельствах – он деликатно указывает на рассыпанные фрукты и, заметно более сухим тоном, велит стюарду – Тэд, принеси дамам новую фруктовую тарелку.

Когда Тэд собирает фрукты и уходит, Гордон протягивает мне руку:

– Но все же, несмотря на знакомство, надеюсь, что полет для нас всех будет приятным. Может, все-таки напомните мне свое имя?

Еще немного думаю, но глядя, как Милли вновь за обе щеки заталкивает оставшийся виноград, снисходительно протягиваю свою в ответ:

– Дженна. Так меня зовут.

– Ах да, конечно – улыбка еще более широкая и повинная – Дженна Бёрнелл. Прошу прощения, столько имен, неудивительно..

Он проворачивает тот же финт, что с Милли, и касается губами тыльной стороны моей ладони.

Может, он, конечно, и излишне манерный, да и с пластикой явно перегибает – но по большому счету, сложно не согласиться с его, пусть и до талого циничной, но разумной логикой.

Если он адекватный, и действительно отвезет нас домой – то это удобно. Действительно лучше, чем если бы от страха и переживаний, отказались от рейса из-за задержки с Лео, а после выяснилось бы, что (ну надо же!) больше нет богачей, желающих нас довести. И билетов, как сказали еще утром – тоже.

Вот радость-то, возвращаться обратно в село.

Понимаю, что с каждой минутой испытываю в Ратвену все меньше неприязни и все больше благодарности, и ... даже какого-то уважения? Не каждый человек способен так холодно и здраво мыслить, не опираясь на эмоции.

А между тем наставление Лео «я не верю в случайности – и тебе не советую» безответно стучится в моей голове, явно не грозясь быть услышанным.

– Спасибо, что откликнулись на нашу просьбу – заявляю в итоге, опустив руку – вы же действительно везете нас домой, в Лэствилл¹?

Мелодичный смешок:

– А еще остались какие-то сомнения? Конечно, прямиком в Лэствилл. Меня тоже там ждут дела. *Крайне важные.*

На последних словах он как-то играючи вскинул брови, но при этом глаза его серьезно сверкнули.

¹ Лэствилл (прим. здесь и далее) – вымышленный город. Первая часть его названия образована от слова Last (Лэст) – в переводе с англ. «прошлый, прошедший, минувший».

Его манера общения настолько напоминает мне манеру общения Локида, что я даже на мгновение задаюсь вопросом – не он ли передо мной, только в другом обличье? Он же может менять их, как костюмы на маскараде?

Но тут же вспоминаю слова Милли о том, что она его уже видела, и в новостях, и вживую..

В общем, еще до того, как Локид вообще узнал о нашем существовании, а Влад пожелал обратно из монстра напялить на себя костюм человека.

Так что исключено.

– Небольшой городок – замечаю я вкрадчиво.

– Да, но именно таким городкам порой и нужна помощь – улыбка – а помощь нуждающимся, это мой долг. Так сказать, предназначение.

Да уж. Один только вопрос – откуда у него столько денег на это предназначение. Как можно успеть к двадцати пяти (ну точно не старше тридцати) заработать столько миллиардов? Пусть подскажет, я тоже хочу.

Но естественно, в лицо я такого не говорю.

Он смотрит на часы и с досадой (скорее больше наигранной, чем искренней) сообщает:

– Прошу меня простить, но ждут дела. Вынужден удалиться к себе. Однако, Тэд к вашим услугам. Любые напитки, еда.. он вам все предложит и разместит. К слову, для более удобного ночлега есть гостевая комната. Небольшая, но кровать там *удобная*.

Он подмигивает мне, словно говоря о том, что лично убедился в удобности этой кровати. Надеюсь, не тем способом, о котором я думаю, иначе не хочу ее даже касаться.

Хотя, боже, сплю же я на кроватях в отелях. Смешно думать, что там живут, сменяя друг друга, лишь одни святые отцы, давшие обет.

Он еще раз улыбается нам и скрывается за своей дверью, которая, следом за ним, вновь заезжает на место. Почему-то, памятуя о его быстром смене тона ранее с «лебезящего» на «деловой», мне кажется, что едва он повернулся к нам спиной – как вся эта приторная улыбочка, точно по щелчку, без остатка сошла с его лица, оставив лишь бесстрастное выражение.

Как и подобает настоящим бизнесменам.

Вживую я таких масштабов бизнесменов, конечно, не видела – но фильмы смотрела. Там они именно так и представлены. Хладнокровные, расчетливые красавцы, в меру галантные, иногда сверкающие белоснежной улыбкой, покоряющей будущую жену, как в «Легенде»..

– Какие же у тебя двойные стандарты – со смешком заявляет Милли, вырывая меня из мыслей.

Изумленно оборачиваюсь и замечаю, что пока мы остались одни. Ратвен ушел, Тэд тоже куда-то подевался. А Милли смотрит на меня, не скрывая веселья.

– О чем ты?

– Ой да ладно – усмехается – вижу, как ты смотришь на Ратвена. Конечно – такой загадочный, увез без спроса, красивый, богатый, манерный, галантный..

Она на мгновение замолкает и хитро сверкает глазами:

– Никого не напоминает?

– Милли! – одергиваю ее – к чему эти глупые сравнения?

– А к тому, что когда тоже самое сделал Влад, ты ополчилась на него и мы в итоге съехали. Думаешь, не понимаю, что к чему и почему? А как Ратвен тоже самое – так все. Герой-любовник.

– Какой герой-любовник, это просто смешно – фыркаю и сажусь на кресло – просто он приятный и поступил красиво.

– О, очень красиво – саркастично соглашается она – увез нас без спроса, не дал выбора и вынудил бросить друга..

– Ты же сама только что тащила от него.

– Я – да – невозмутимо соглашается сестра – но просто говорю факты и указываю на твое лицемерие. А то вечно я одна виновата.

– Милз.

– Просто знай. А то вдруг ты сама за собой не замечаешь.

– Спасибо – прикладываю руку к сердцу – чтобы я без тебя делала.

Мгновение мы молчим, после чего не сдерживаемся и смеемся. Сложно сказать, что нас заставляет пребывать в таком хорошем настроении в такой спорной ситуации. С моей стороны – чудовищные открытия ночи, бросили Лео, спешка отъезда, волнительный взлет.. Со стороны сестры – кругом тайны ото всех, ужасная сестра, из-за работы которой досрочно заканчивается отпуск, не попрощались нормально с Илинкой и Сандрой, опять-таки бросили Лео..

Но при этом мы смеемся довольно искренне и от всей души.

То ли дорогой салон самолета, то ли обаятельность Ратвена, то ли мысль о том, что мы скоро будем дома и увидим родных – но что-то из этого точно заставляет нас пребывать в отличном расположении духа.

За что, почему-то, даже не становится стыдно.

– Надо будет позвонить Лео, как сядем – замечаю сестре – а то он, наверное, с ума там сошел. Прикинь, самолет тронулся и у-у-у, до свидания.

– Да мы сами чуть не рехнулись – хохочет она.

И кажется, за весь отпуск мы еще не были так близки, как сейчас в этот злосчастный перелет.

– Ага – смеюсь – как ты бойко накинулась на этого стюарда, чуть не задушила! «Бей его, бей его»!

– А ты! – кивает она в ответ – это блюдо, я думала ты его с концами шандарахнешь ему об голову! Еще немного – и мы бы точно его уделали, а?

Мы опять смеемся.

– Да уж, оперативно сработали.

– А все говорят, парни должны защищать слабый пол – фыркает Милли – да мы с тобой круче любых парней. Так назвизделяем!

– Ага, главное чтобы фруктовая тарелка под рукой оказалась – говорю я, и мы, едва было успокоившись, разражаемся новым неуместным приступом смеха.

Наверное, это смех облегчения.

– Еще бы маме позвонить.. – протягивает Милли – она-то обрадуется, что мы прилетаем, так же и хотела..

– Ага, только позвонить-то сможем уже только приземлившись – жму плечами – смысла не будет. Лучше сюрприз сделаем.

– Не поздно будет для сюрпризов? Разница-то во времени, не забывай. Когда прилетим, уже часов девять у них будет. Проще будет у тебя остановиться, а к ней уже с утра поехать.

– Милз, у меня в холодильнике мышь повесилась. Уж лучше потратиться на такси.

– Ну ладно.

– Только надеюсь, ты не собираешься рассказывать ей *все* подробности нашего отдыха?

Милли фыркает, будто бы оскорбленная допущением одной этой мысли:

– Я похожа на дуру? Нет, конечно, я приеду и первым делом скажу: мама, мы капец как круто отдохнули, Дженну в замок увез какой-то чужой чувак, с которым она по пьяне подписала договор, не прочитав. Мы в итоге все туда переехали, включая Лео, которого встретили вообще случайно. Там творилась всякая фигня и у хозяина замка явно нелады с башкой, но он прикольный и до жопы богатый. Еще при нас там грохнули двух мужиков в лесу, а какое-то время с нами жил чувак-иллюзионист, который в итоге испарился, когда обвалилась стена *от времени*..

Специально делает на этом упор, показывая, что, придя в себя и обдумав все как следует – все-таки нашла все те «пробелы» и не поверила ни единому слову моей байки об исчезновении Локида:

– ..а, еще мы попали под черный дождь, когда с неба сыпались змеи и лягушки! В общем, клево отдохнули. Мам – она идеально имитирует озадаченный вид – мам, а зачем ты звонишь в скорую? У меня нет температуры, не переживай, я отлично себя чувствую.

После чего уже нормально смотрит на меня:

– Так ты себе это представляешь?

И мы опять смеемся.

Удивительно, что после этой тирады Милли даже не попыталась по новой канючить правду о том, что случилось пока она спала. Видимо, она как и я, почувствовала эту тонкую, ранее недостижимую нам идиллию, и решила ее не портить.

Мы сидим еще пару часов, впервые за долгое время вот так вот свободно и без склок болтая не о чем, совсем как в давние времена, когда я еще училась в школе и была ей, наверное, как Лео своей сестре Кэти. Внимательная, добродушная и всегда знала, как к ней подступиться.

Когда приходит время, мы уходит в гостиную комнату поспать. Гостиная, которую Ратвен описал, как «маленькая, но кровать удобная», оказывается настоящим мини-люксом лучших отелей. Оценив еще раз дорогое убранство, я все-таки спрашиваю у сестры:

– Ты вот о Ратвене так много знаешь.. а не знаешь, чем он заработал себе все это состояние?

– Да вроде он его не зарабатывал – жмет плечами – у него предки дико богатые. Сеть роскошных отелей или типо того.. короче целая династия богачей.

А, ну тогда все сразу становится понятным.

Когда мы ложимся спать – сестра, досыта наевшаяся и едой, и будоражащими приятными впечатлениями – засыпает достаточно быстро. А вот у меня тот же самый «коктейль», напротив, вызывает бессонницу. Все ворочаюсь с боку на бок, прокручивая в голове уже случившиеся события, с того момента, как тронулся самолет..

Понимаю, что заснуть не удастся.

Что ж, на такие случаи всегда есть проверенный способ. Что можно найти удобнее для работы такой уж кровати? На подобной мне точно поработать еще не скоро доведется, если доведется вообще.

Тихо, чтобы не разбудить сестру, лезу к своему чемодану, еще в самом начале занесенному на борт Тэдом, и достаю тубу с картинками. Вынимаю ту, которую наполовину очистила. Хотя, в слабом свете люминесцентных ламп, предназначенных как раз для ночного освещения (типо ночников), не сразу разбираю и вначале вынимаю неверное полотно.

Уже законченное.

Но вот, наконец, дохожу до нужного. Лицо женщины (матери Лале), ее рыжие волосы, зеленые глаза, и часть зеленого платья уже очищены. Невероятно красивая женщина.

Перстни на руках тоже очищены, как и вся правая рука.. а вот левая еще наполовину нет. Решаю, что именно с нее и начну сегодняшнюю работу.

Беру нужный инструмент, но требуется какое-то время, чтобы при таком слабом свете наострить инструмент. А выходить работать в главный салон самолета, который хорошо освещен – не вариант. Ведь когда я «отрублюсь», меня может обнаружить Тед или сам Ратвен – и возникнет куча ненужных вопросов.

Потому подстраиваюсь под обстоятельства.

Собственно, это в природе человека – подстраиваться под обстоятельства, потому уже очень скоро я начинаю работать ловко и хорошо и при свете этих ламп, будто бы всегда работала только так и никак иначе. И в награду за это водоворот, простив мое трусливое бегство из

замка, соглашается – даже из самолета, несущего нас на крыльях ночи обратно в Штаты, прочь от последнего из выживших участников событий – забрать меня с собой в прошлое.

В долгожданный, сокрытый пеленой мрака 1448-ой год, чтобы поведать тайну того, что же вынудило приятного валашского принца из XV-го века пойти на сделку с Темными и в итоге навсегда обернуться тем ужасным монстром, которого я видела той ночью..

-2-

1448 год, Май.

Османская империя.

Город Эдирне.

У ворот дома не оказывается привратника – что, впрочем, неудивительно, учитывая что новые жильцы его только вселились – потому Лале отворяет сама. Идет по тропинке, окруженная прелестным ароматом цветущих мандариновых деревьев. Ей не часто доводится бывать в самом Эдирне, покидая пределы дворца, но и Нурай-хатун не каждый день возвращается обратно в родной город и приглашает ее в гости.

Хотя, учитывая ее довольно странную просьбу, обычным гостеприимством это едва ли можно назвать..

Но вот мысли Лале отвлекаются на какую-то неразбериху, что шумным гулом царит ближе ко входу в дом. Снуют служанки, повсюду лежат сундуки и тюки с вещами. Даже стоит огромный чугунный чан для готовки.

По скромному разумению Лале – если в такой махине приготовить еды, то ею можно будет целый месяц кормить весь город, да притом еще и останется.

– Поживей, Дамла! – сердито требует Нурай-хатун, еще не заметившая приближающегося к ней силуэта Лале – этак до ночи не разберем..

Тут ей на глаза попадается этот самый чан и лицо приятельницы становится еще более сердитым:

– Почему этот чан оставили тут? Весь проход занимает!

Крепкая пухлощекая служанка обиженно морщит нос, точно они тут на равных правах и подобное обращение ей претит:

– Почему оставили – этак не меня, а поваров спрашивайте, госпожа. А перенести нельзя, он эвон как на солнце раскалился, все руки обожжем!

– Все-то тебе не так, на все обратное слово найдется – раздраженно бросает Нурай – ну оберните тряпками да перенесите.

Она подходит к одному из сундуков и достает несколько кусков полотна, после чего протягивает служанке:

– На вон. От прежних хозяев, им-то уж точно без надобности. Не свои же тряпки тебе давать для грязной работы.

Та, недовольно ворча, берет тряпки и накрывает ими чан. Однако, доделав до конца, вновь начинает ворчать, точно старая собака, которая не может разгрызть кость оттого, что зубы все давно выпали, но и отдать ее не желает. Посасывает, измазывая слюнями, да ворчит:

– Ну где там эта Сайжи? Я что ж, сама тащить буду? Сама я не смогу.

Нурай окончательно злится и раздраженно машет в сторону шикарного дома:

– Так ступай, позови ее!

Дамле, казалось, только этого и добивалась все это время. Ее хмурое полнощекое лицо тут же радостно озаряется и она прытью уносится в дом. Глаза Нурай недовольно сверкают, но тут Лале уже окончательно подходит и касается ее рукой. Подруга оборачивается и растерянно улыбается:

– Ох, Лале, не заметила.. – и вновь кивает на удаляющийся силуэт служанки – эдак все, теперь ищи свищи ее. Ближайший час не найдешь.

Но вот негодная служанка забывается и девушки обмениваются приветствиями, после чего уже сами неспешно зашагивают к дому, подальше от нещадно палящего солнца.

– Кто бы мог подумать, что я в этом доме у тебя в гостях окажусь – улыбается Лале – думала, что Сафие приду поздравлять с новосельем, а получилось, что тебя..

– Точно – смеется Нурай – Халиль-паша ведь этот дом ей построил как свадебный подарок, да только не ко двору пришелся. Молодые и не жили в нем. Только завезли вещи – и сразу вывезли.

– Ну хорошо, что повод хоть радостный.

Сафие рассказала Лале это еще до того, как эта новость стала общеизвестной и уж точно до того, как весь дворец знал об их отъезде. Дело было в том, что Дамета назначили бейлербеем Румелии и отправили туда порядки наводить. Ну, естественно, и Сафие за ним – это ведь не меньше, чем на несколько лет. Теперь-то, имеет, наконец, законное право за ним следовать.

– Да, это хорошо – как-то отстраненно кивает Нурай – ну а теперь мы вот тут устраиваемся. Пока дом на год сняли, а там видно будет..

Лале думала, что они его купили – но выходит, Халиль-паша решил оставить его все-таки для дочери. Что ж, разумное решение – однажды, ведь, они с Даметом все-таки вернутся в столицу, вот тогда по достоинству подарок главного визиря и оценят.

Они уже почти доходят до крыльца, когда Нурай, наконец, позволяет себе глянуть на корзинку в руках Лале, которую до этого старательного избегала глазами, будто бы и не видит вовсе:

– Там холст и краски? – голос тихий, благоговейный – ты взяла?

– Конечно, ты же просила. Только зачем они?

– Пойдем – голос еще тише, после чего оборачивается, словно боясь быть кем-то застигнутой – пойдем за мной, там расскажу.

Следуя за Нурай (и не до конца понимая, кого именно они избегают или опасаются), Лале обходит дом и оказывается в живописном дворике с прудом.

Подруги располагаются прямо на шелковых подушках на мраморном бортике. Весенний ветер покрывает рыбью поверхность воды и покачивает кувшинки. Вокруг царит безмятежное спокойствие – и никого, кроме них двоих.

Только здесь, наконец, лицо Нурай вдруг становится умиротворенным и спокойным. С некоторой печальной ностальгией, она чуть опускает кончики пальцев в пруд и говорит:

– Это лучшее место в доме. Моя отдушина. Обожаю воду. Когда мне было тринадцать, я целый год с родителями у моря жила. Самое счастливое время. Свободное. Встаешь рано утром, бежишь на пустой пляж, и ноги в воду..

И вот взгляд Нурай становится каким-то что ли виноватым, когда она поднимает его на подругу. Словно она стыдится своей просьбы, но при этом ничего не может с собой поделать:

– Лале, сделай мне подарок. Нарисуй море. Я знаю, ты сможешь, как настоящее, лучше всех во дворце рисуешь..

– Море? – Лале немного удивляется.

Что здесь такого запретного, что Нурай так засмушалась? Лале жмет плечами и улыбается:

– Хорошо, я попробую.

Подруга чуть не подпрыгивает от радости:

– Да? Спасибо! Я эту картину буду у себя в комнате прятать, никто не увидит..

Лале изумляется все больше:

– Зачем же прятать? Море не запрещено рисовать.

Взгляд девушки вновь поникает. Она вынимает руку из воды, как-то бегло отирает о платье и вся скукоживается:

– Явузу точно не понравится.. скажет опять – дурь в голове.

Лале растерянно кладет ладонь на плечо подруги и спрашивает доверительным голосом:

– Может, я лезу не в свое дело, Нурай, но не жалеешь ли, что вышла замуж за него?

Однако, Нурай нисколько не злится такому вопросу – хотя Лале не удивилась бы подобной реакции, памятуя их разговор в Ночь Хны. Напротив, девушка всерьез задумывается, после чего отвечает:

– Многие говорят, я за деньги и статус выходила. Мне это, конечно, важно было. Но он мне важнее был. Такой решительный, сильный и немного несчастный. Казалось, ему лишь нужно немного любви, чтобы, наконец, обрести самого себя. И я, которая сможет ему с этим помочь.. Эдак ведь у нас, девушек, всегда – подавай угнетенных да несчастных, чтобы их исцелять.

– А почему он несчастный-то?

– Ну, Явуз ведь много лет в опале у султана был, ты не знала?

Признаться, Лале вообще еще годом ранее про Явуза ни разу даже не слышала.

– Но вот до свадьбы в его несчастье весь мир был виноват – Нурай как-то обессиленно злится – а после одна я стала. Все хорошее между нами быстро исчезло. Не нужно было ему исцеление да помощь – нужно было лишь конкретного виновного найти, и я отлично на эту роль сгодилась.

Она вновь как-то устало опускает руку в воду, словно желая найти в ней силы, после чего смотрит на Лале:

– Так что да, сейчас уже жалею, что вышла за него.

Но тут же тряхнула головой, словно бы желая прогнать грустные мысли, а вместе с ними и разговор, зашедший туда, куда не положено в семейном доме замужней женщины. После чего вновь смотрит на корзинку Лале:

– А можно прямо сейчас начать море рисовать?

На самом деле, Лале бы сначала немного подготовиться к этому – может, посмотреть рисунки какие другие, как море выглядит, или почитать о нем, как описывают, или послушать.. но подруга выглядит такой несчастной, что ей хочется сейчас хоть посильно поднять ей настроение. Потому она с готовностью кивает:

– Конечно, можно.

Расстелив холст на мраморном парапете, Лале начинает готовить краски, смешивая цвета, чтобы получить нужные ей оттенки. Нурай наблюдает за этим, точно за каким-то волшебством, и даже иногда подсказывает (у кромки оно чуть светлее, а у горизонта словно совсем синее-синее.. можно даже еще чуть черного добавить), каким должна выглядеть вода.

Как вдруг с внешнего двора слышится резкий звучный голос.

Нурай тут же подскакивает, точно ошпаренная, едва не перевернув часть красок, ближе к которым сидела:

– Ох нет, это он! Явуз! Скорее прячь все!

Девушка хватается полотна, краски, принимается метаться, а Лале лишь изумленно наблюдает за этим, немного опешив. Но вот мгновение – и она уже помогает подруге сгребать принадлежности в корзину, после чего прикрывает ее салфеткой, скрывая от глаз.

– И ты, пожалуйста, прячься!

– Я? – Лале изумленно топчется – Нурай, но что плохого-то..

– Прошу тебя, Лале! – и уже спешит ее подталкивать в полутемную нишу, откуда сразу ее и не приметить будет.

Лале не совсем понимает, к чему это.

Ладно еще рисунок.. хотя и это не совсем понятно. Чем Явузу может не угодить картина моря? Но она-то.. Что плохо было бы в том, если бы Явуз увидел Лале в их доме? Даже не в доме, а во дворе. Лале не знает таких правил, при которых после замужества запрещается с подругами видеться, да в гости их звать.

Но вот уже через пару мгновений, едва Лале успевает укрыться в своей нише (вернее, быть впихнутой туда подругой), как во дворе показывается Явуз-Паша. Все такой же мерзкий и противный – а после новых подробностей, что она о нем узнала – теперь он Лале кажется даже еще более отвратительным, чем при первой встрече.

Как все-таки удивительно, насколько может меняться восприятие внешности человека в зависимости от изменения отношения к нему!

С ним появляется и молодой помощник в янычарской форме.

– Сейчас, Кемаль, я возьму.. и вернемся поскорее.

– Хорошо, господин.

Явуз замечает супругу и теперь уже голосом, гораздо более грубым и жестким даже в сравнении с тем, которым он обращался к помощнику, бросает ей:

– Нурай! Где тот пергамент в оленьей коже, что я вчера приносил!? Живо принеси мне его! Да поторопись!

– Одну минуту, господин..

Нурай склоняет голову и спешит в дом. Достаточно быстро она возвращается со свитком. Явуз берет его, даже не глядя на супругу:

– Ладно – очевидно, вместо «спасибо» – а ты что делала?

В голосе ни капли любопытства или искреннего интереса. Скорее вопрос командира, уточняющего у солдата, чем он тут занимался в его отсутствие и чего полезного сделала, осто-лоп эдакий.

Нурай начинает заикаться:

– Я.. мы.. вещи разбирали.

Теперь мужчина уже поднимает и упирает в нее суровый взгляд, не сулящий ничего хорошего:

– Вещи лежат во дворе, возле них никого! Чем ты тут занимаешься?

Девушка опускает голову, но муж жестко ее за руку и трясет, заставляя смотреть на него:

– Думаешь, если вернулась в Эдирне, то как в девичестве прохлаждаться будешь? День замужней женщины – это труд во благо мужа и молитва! А где твой труд?

Лале так и подмывает выбраться из укрытия и сказать Явузу все, что она думает о его словах и о нем самом. После чего отбросить его паршивую руку, что так грубо вцепилась в запястье Нурай.. но понимает, что для подруги так будет только хуже (иначе бы она не прятала ее), потому лишь прикусывает язык, стараясь удержать гнев внутри.

Нурай что-то бормочет в ответ, но вот Явуз-паша, окончательно выйдя из себя, снова трясет жену и в этот раз – под конец резко выпускает ее руку. Отчего девушка теряет равновесие и с гулким «БУХ!» падает на мраморные плиты.

Из надтреснутой губы, которой она неудачно приложилась о плиты при падении, течет струйка крови.

А цепкий взгляд мужчины уже падает на бортик пруда и капли небесно-голубой краски на нем, чуть пролитой при спешной сборе художественных инструментов в корзинку.

– Это еще что.. – хмурится он, касаясь пальцами краски, после чего нюхает ее, точно сторожевой пес.

Оглядывается.

И тут находит то, что искал.. заметив корзинку, он одних махом ноги переворачивает ее, рассыпая баночки и кисти. Теперь его глаза начинают сверкать совсем уж безумным огнем:

– Вот оно что!

Он тут же возвращается обратно к Нурай, которая еще не успела даже подняться, и уже заносит руку над ее лицом...

– Господин, не нужно! – Кемаль было дергается к паше, но получив в ответ испепеляющий взгляд, тут же отступает обратно.

Лале же хватает этого мгновения, чтобы выскочить из укрытия и в мгновение ока вклиниться между Явузом и Нурай, точно единственный барьер. Она заслоняет подругу своим телом за мгновение до того, как, вернувшись взором от помощника, Явуз успевает довершить начатое.

– Оставьте ее! – шипит она, не в силах больше сдерживать ярость – не смейте!

Явуз-паша замирает с занесенной рукой.

Каким бы отвратительным и безумным он ни был, но даже такому как он известно, что трогать племянницу султана далеко не самое разумное решение (особенно, учитывая замечание Нурай о том, что он и так совсем недавно вернул себе его расположение после годов «изгнания»).

– Ты.. – цедит он, стараясь из-за плеча Лале вновь уцепиться взглядом за Нурай – еще и подруг сюда водишь?!

– Как можно так обращаться с живым человеком! – продолжает кричать Лале, все больше и больше распаляясь и повышая голос, между тем ловко заслоняя собой подругу от любых посягательств и даже проворных взглядов Явуза – она ничего плохого не сделала!

– Прочь, девчонка, не лезь в чужую семью! Ты и так уже бед наделала! Нурай заслужила наказание из-за тебя!

Гнев Лале просто переходит все видимые и невидимые барьеры. Она теперь делает шаг вперед – уже не просто заслоняя, а наступая на Явуза-пашу:

– Не переключайте ответственность! Только на это вас и хватает? – она слышит тонкий испуганный писк Нурай позади, очевидно, пришедшей в ужас от одних этих слов, но Лале не останавливается – это ваши решения и действия! В них не виноваты ни я, ни Нурай! Только вы!

Но даже этот напор, которому подвластно уже было бы сбить с толку и мысли любого, не вводит Явуза даже в малейшее смятение. Он бросает еще один презрительный взгляд на краски:

– Значит, художества тут у вас..

И, воспользовавшись агрессией Лале, при которой она, наступая на него, оставила Нурай.. пытается ловко ускользнуть мимо и уже протягивает руку, чтобы жестко ухватить жену..

– Нет! Не смейте трогать!

Лале в последний момент, точно легкая и быстрая птичка, успевает перехватить его руку, больно вцепившись в нее..

ВСПЫШКА! Как и в предыдущие разы, что-то необъяснимое, заставляющее при касание порой видеть фрагменты прошлого того человека, которого она коснулась, уносит ее в темноту..

«...Ну, Хюма! Расскажи нам, как твой сынок султаном станет! Ха-ха-ха!»

Халиме

(..кто это?)

– в прошлом: фаворитка султана мурада, почти королева этого дворца – все с большим отвращением отвечает Шахи-хатун, еще глядя в след Халиме – теперь: никто, просто забытая всеми бывшая наложница..)

заливается звонким смехом, и остальным девушки тут же подхватывают. Сейчас Халиме выглядит совсем иначе, чем та, которой Лале видела ее на Ночи Хны.

Конечно, она во-первых гораздо моложе.. но во-вторых, гораздо более богаче одета. Самая изысканно разряженная из девушек. Восседает, словно королева, а ее шею и руки укра-

иены множественным изысканным драгоценностям. Хищная довольная улыбочка говорит о том, что она мало того, что знает о своем положении – так еще и прекрасно им пользуется.

Ха-ха-ха!

Звуки утопают в мягких обивках, не покидая пределов обеденной комнаты гарема.

Сама же Хюма, совсем просто одетая, как и прочие рабыни, стоит у двери, понурирав голову. Несчастливая, бледная..

– Ты поздно пришла – скалится Халиме, продолжая себя потешать – тут, у стола для любимых девушек султана, больше нет мест. Можешь пойти туда, к безродным, к своим! А можешь рассказать нам про Мехмеда-Великого-Султана, и мы найдем тебе уголок где-нибудь с краю. Все же с веселым представлением обедать приятнее!

И вновь смех со всех углов.

– Ну будет вам, девушкики – едва сдерживая улыбку, вмешивается Явуз-паша.

Тожже моложе, но оттого не менее противнее и отвратительнее:

– Будет, зачем вы так. Может, и впрямь султаном станет четвертый сын..

Все снова дружно начинают смеяться – причем сам Явуз первое всех, едва договаривает последнее слово.

– Ладно – переведа дыхание, заявляет он – пойду я, не буду вам мешать..

Но направляет было к двери, но та в этот момент отворяется и не хватает лишь мгновения, чтобы дать ему ею по голову.

Входит Айше.

У Лале перехватывает дыхание, когда она вновь видит свою мать.

– Доброго всем дня, госпожи.. Явуз-паша.

Взгляды Айше и Явуза пересекается.

Обоим явно от этого неприятно и они спешат разойтись. И тут, давая убраться восво-яси отсюда Явуза, Айше отступает и замечает Хюму, все еще стоящую возле дверей. Она искренне удивляется:

– Хюма-хатун, почему вы тут стоите? Пойдемте за стол.

– Там нет для меня места.. – робко, едва слышно, сообщает Хюма.

Айше удивленно оглядывает стол:

– Как нет, если есть? Вон же. Пойдемте, сядете рядом со мной.

Девушка мягко, но требовательно, берет Хюму за руку и ведет к своему месту – одному из лучших, в самом центре.

Даже Явуз, который было уже почти ретировался, застывает, изумленно открыв рот:

– Это место для членов семьи султана.. это не по правилам!

Айше одаривает его самым презрительным из всех возможных взглядов, полным неподдельного отвращения к одному тому, что она вынуждена ему отвечать:

– Не знаю таких правил. Я сестра султана, могу я садить рядом с собой кого захочу?

– М-можете..

Впервые Лале наблюдает Явуза таким растерянным и испуганным.

– Ну и славно. Устраивайтесь, Хюма-хатун. Халиме-хатун – она одаривает любимицу султана холодным взглядом – подвиньтесь, пожалуйста, немного..

Та сверкает на нее ненавистью, но, не смея ничем перечить, лишь покорно выполняет просьбу...»

.. Лале открывает глаза и трет гудящий висок.

Почему он так болит?

Оглядевшись, понимает, что лежит на тех же плитах, рядом с Нурай. Очевидно, она потеряла сознание и разомкнула пальцы, а Явуз, конечно же (разве удивительно?) вместо того, чтобы схватить ее за ту руку, которой она вцепилась тогда в него – с великим удовольствием просто позволил ей грохнуться вниз, больно ударившись о плиты.

Однако, оглядевшись, его единственного она и не замечает. Вот Нурай сидит рядом, вытирая кровь с губы, рядом растерянный Кемаль.. Но Явуза нигде не видно.

– Где он? – спрашивает Лале.

Нурай вновь озабоченно вытирает кровь:

– Испугался твоего обморока, ушел. Кемаль, тебе нужно идти за ним – указывает она помощнику.

Собственно, удивительно, что он до сих пор так и не поступил. Очевидно, ему еще придется за это поплатиться.

На молодой человек, на вешнее удивление Лале, вместо того, чтобы тут же опомниться и кинуться следом за своим господином – вдруг опускается рядом с Нурай, достает платок и осторожно помогает ей вытирать кровь с губ, после чего так же бережно вытирает руки, которые она успела испачкать в крови:

– Мне так жаль, госпожа.. Ненавижу себя, что позволил ему..

Нурай испуганно машет руками:

– Ну что ты, Кемаль, ты не мог. Он бы тебя убил!

И все же благодарно касается его ладони, накрывая ту руку, что держит платок. Лале замечает, что в их пересеченных взглядах что-то мелькает. Очень тонкое, едва уловимое.. Но такое красивое. И пророчащее им обоим большие беды..

* * *

Лале отказывается, чтобы ее провожали, потому идет знакомой тропинкой к воротам одна. Несмотря на произошедшее, гложат ее совсем не потерянные краски (добудет новые), ни поступок Явуза-паши (разве впервой?) и даже не открытие чувств между Нурай и помощником ее супруга, о которых они, должны быть, сами еще не догадываются, но которые очень скоро станут явными.

Гложет ее то, что она увидела из воспоминания Явуза.. Ее мать, Хюма, Халиме..

(..даже жаль ее, шахи-хатун, халиме..)

– напрасно! она-то в свое время никого не жалела! мать твою в могилу свела!..)

(..кто бы мог подумать.. четвертый сын, а дождался своей очереди. да еще и в четырнадцать лет падишахом стал!

слышится тяжелый вздох дайе-хатун:

– ох.. слишком высокую цену она за это заплатила. и она, и айше твоя милая с ней заодно..)

Неужели это правда?

Халиме ненавидела Айше, мать Лале – это очевидно было ей даже по этому видению. Ненавидела за то, что всячески поддерживала девушку, которую та унижала.. Хюму. Мать Мехмеда.

Может ли быть так, что ее мать в самом деле могла каким-то образом поплатиться за это жизнью? И что к этому причастна та, кто еще жива – Халиме? Но скажет ли она ей что-то?

Очень вряд ли, иначе бы сказала еще в Ночь Хны, как и про ту абсурдную примету.

Вероятнее всего, эта тема отчего-то под строжайшим запретом в замке.

Потому и Шахи-хатун ничего не говорит Лале, потому и Дайе-хатун

(..мать твоя тебя любила больше жизни.. все готова была за тебя отдать. и отдала.

– что тогда случилось, наставница? – голос мехмеда чуть надламывается – почему меня все так возненавидели? ведь я был просто ребенком.

– ах, мой птенчик, если бы я могла рассказать.. но ты ни в чем не виноват! и она не виновата. да никто.. так распорядилась судьба..)

ничего не сказала Мехмеду.

Лале так погружается в свои мысли, что даже не замечает у ворот силуэта, и лишь в последний миг отскакивает, не успев врезаться. Поднимает голову, и с удивлением узнает в нем своего рыжеволосого друга.

– Аслан? А ты зачем здесь?

– Лале – он же, кажется, совсем не удивлен, а скорее обрадован этой неожиданной встречей – я пришел забрать кое-что из служебных вещей Дамета. Он не успел сдать и меня попросил. А ты к Нурай приходила?

– Да.. – она отводит взгляд, не желая развивать тему.

Друг чувствует это моментально:

– Что ж, понятно. А сейчас куда?

– Обратно – жмет плечами – во дворец.

– Пешком? Одна?

– Ну да, а что в этом такого? Тут совсем близко..

– Лале-Лале! – недовольно перебивает ее, качнув головой- так нельзя! Ты молодая красивая женщина, богато одетая к тому же. А тут в округе кого только нет.

– Ты преувеличиваешь – улыбается она – я добралась сюда так же и ничего, видишь? В порядке.

– Правильно говорил Али-Бей – снисходительно отвечает Аслан, все еще немного сердито глядя на нее – отвага граничит с безумством, и главное сохранять баланс, не падая в одну из крайностей. Ты, Лале, так вот прогуливаясь в одиночку здесь – этот баланс явно теряешь.

Эти попытки Аслана напущения на себя недовольного вида умудряются развеселить Лале даже сейчас, когда она выходила совсем хмурая из дома. Она смеется, забавляясь, и друг в итоге лишь отмахивается:

– Все с тобой ясно, что тут поделаешь? За вещами придется позже зайти. Пойдем, провожу тебя.

– Это не обязательно – продолжает хохотать она.

– Ну конечно. Кстати, раз уж оказались тут вместе в этих местах – давно хотел тебе показать кое-что интереснее. Конечно, придется небольшой круг от маршрута сделать, но ты не пожалеешь, а?

Лале не думает и мгновения:

– Конечно, идем.

– Даже не спросишь, что «это» такое?

– Просто если мне не понравится, а путь окажется слишком дальним – я тебя поколочу! – со смехом заявляет она, демонстрируя ему свои маленькие бледные кулачки, нелепо выглядящими даже в одном таком положении.

Аслан смеется, крепко обнимает ее, после чего пропускает на выход из ворот первой, идя сразу же следом.

Долго время она идет, ведомая направление Аслана, совершенно спокойно, болтая обо всем подряд. Но вот в какой-то момент друг обходит ее со спины, закрывает глаза, и заявляет, что остаток пути придется проделать так. А когда Лале говорит, что таким образом они не доберутся и к закату – он уверяет, что идти осталось совсем немного.

Впрочем, Лале сложно сказать, сколько они прошли (с закрытыми глазами, ориентируясь лишь на ощущения и голосовые ориентиры друга) по времени. Просто в какой-то момент ее ноги начинают что-то мягко щекотать, и она было решает, что Аслан завел ее либо в лес, либо куда-то, где есть много-много кустов.. только.. это «что-то» совсем ее не колет, значит каких-то мягких кустиков..

Когда она уже, кажется, начинает осваиваться к подобному шествию – Аслан вдруг убирает руки:

– Та-дам!

И тут Лале видит, что же щекотало ей ноги.
Она стоит прямо посреди поля тюльпанов.
Цветов, давших ей имя.

Полотно из тысяч и тысяч нежных растений колыхается, как море, переливаясь разными оттенками.

– Я привел последнюю – дурачливо заявляет Аслан, обращаясь к цветам – теперь все тюльпаны в сборе!

– Какая красота.. – у Лале перехватывает дыхание. Она тут же опускается, теперь оказавшись с ног на головы окунутая в тюльпанные ряды.

– Мы вовремя, сейчас самый цвет – протягивает ей руку, вынуждая вновь подняться – пойдем, есть идея получше!

И вот они уже бегут по этому полю, позволяя цветам не просто щекотать их ноги, а закутывать, точно в какое-то волшебное одеяло, одарить насыщенным приятным запахом. То и дело Лале на бегу нагибается и умудряется коснуться одного или двух цветов, но не срывает ни один.

– Почему не хочешь? – удивляется он – радовали бы тебе в комнате.

– Я лучше буду приходить и любоваться ими так часто, как смогу! Ни в какой из лучших ваз они все равно не будут смотреть так красиво, как тут, на поле – все вместе в своем великолепии!

Она вновь бегают и бегают, пока вдруг подол платья Лале за что-то не зацепляется, едва не порвав его.

– Ай!

– Осторожно! Стой – Аслан обходит подругу и, присев, осторожно ее освобождает платье от ухватившей его коряги, оказавшейся тут, словно ложка дёгтя в бочке меда – готово. А то оторвалось бы, и стала бы, как ласточка.

– Ласточка?

– Ну да – теперь они уже, выдохшись, спокойным шагом идут по полю – есть одна легенда из моего детства.. странно – хмурится – я ведь почти не помню его, но некоторые сказки, что мне рассказывали, и песни колыбельные – так и засели в голове..

– Так и о чем эта сказка? – глаза Лале сияют любопытством – ну, про ласточку?

– А, ну в общем, жила-была девушка. Маленькая, легкая – ветер сильнее подует и унесет! – он с нежной улыбкой смотрит на подругу – прямо как ты. Но при этом очень храбрая, вообще ничего не боялась – вновь взгляд на нее, но теперь уже с едва заметной укоризной – и снова как ты..

«..однажды она гуляла по полям да зашла совсем далеко. И познакомилась с самим солнцем! Тут же его полюбила – такое оно было яркое, лучистое и теплое. Солнце тоже полюбило храбрую маленькую девушку. И предложило ей стать его женой. Она согласилась. Радостно побежала прощаться с родней.

Но родня совсем не обрадовалась новости. Замуж за солнце? Разве это возможно? Не бывать такому!

Девушку заперли в темном подполе. Но она сбежала. Родственники погнались за ней – разъяренные, готовые растерзать, лишь бы не отдавать странному жениху. Но она превратилась в птичку и взлетела вверх, к любимому.

Успели родственники только кусок платья ее вырвать сзади перед превращением...»

–..поэтому у птички и вышел такой странный оборванный хвост.

Однако, живой интерес Лале уже совсем не касается птичьего хвоста:

– Так а они-то смогли быть вместе?

– Кто?

– Ласточка и Солнце!

– Не знаю. Об этом мне не рассказывали. Ну или
(..сломанная кисть при таком обряде – это самый дурной знак. означает, что девушка никогда не выйдет замуж. а если и соберется, то умрет накануне замужества...)
(..солнце тоже полюбило храбрую маленькую девушку. и предложило ей стать его женой..)
(..пожалуйста, ласточка! не надо!
но вот лео хватает мою руку, так же смотря на меня, но при этом на кого-то другого, и молебно кричит:
– не лети за солнцем! ты погибнешь!..)
(..но так было не всегда. когда-то его стены были полны жизни. а потом.. жизнь погасла, и он совсем окаменел..)
я не помню.

-3-

Лале такой ответ не нравится. Она хмурит лоб и в итоге придумывает решение:
– Значит, мы можем придумать свой конец – наставляет палец на Аслана – хочу.. чтобы после всех приключений и поисков друг друга они снова встретились! И всегда – всегда и навсегда – были вместе!
– А может без приключений? – усмехается он – сразу?
Лале смеется:
– Какие же сказки без приключений?
– Ладно – он направляет ее правее, выводя с тюльпанного поля – идем, а то меня совсем потеряют. В отличии от вас, госпожа, мне среди дня прохладиться не дозволено.
– Дурак! – смеется Лале и хлопает его по плечу.
До самого дворца они обсуждают сказку и спорят по поводу концов, придя в итоге к выводу – что, ладно, так и быть – пусть приключений будет немного, и они будут не слишком уж тяжелыми, но будут. И в итоге ласточка и солнце смогут быть вместе. Только уже не девушка обернется птичкой и полетит к солнцу, а солнце обернется юношей и спустится к девушке..
– По-моему – заключает друг, заводя ее во дворец – мы не конец моей сказке придумали, а уже какую-то совершенно новую выдумали.
– И пусть! Мне она очень нравится.
В итоге, проводив, Аслан оставляет ее, убегая по своим делам, а Лале решает направиться в новую библиотеку. По большому счету – она еще не открылась, но, если быть откровенными – для полного открытия осталось лишь до конца разложить свитки и книги по местам, большинство из которых сейчас просто лежат горами на полу.
Лале это знает, потому что уже украдкой забегала туда, посмотреть одним глазком.
Лале очень нравилась и старая библиотека Мурада II, но проблема стала в том, что она так разрослась, что перестала умещаться на своем старом месте, потому ее и перенесли в новое, специально выстроенное для этого здание.
Однако, сейчас Лале намеревается пойти в библиотеку уже не просто, чтобы «посмотреть одним глазком», а с определенной целью.
Увидев, как многое значит картина, которую попросила нарисовать ее Нурай (и как малое из приятного получает сейчас та в своей жизни) – Лале твердо решила сделать картину как можно лучше. А поскольку морей она не видела, то нарисовать море более живым и насыщенным ей помогут описания. Конечно, те, которые давала Нурай – хороши, но только для палитры..
Лале же хочет понять всю суть моря, его.. едва ли не чувства, ощущения, пробуждающиеся в душе при виде этого необъятного и глубинного.. затем, чтобы передать все это на холсте.

Но чтобы все это понять, ей и потребуются книги, в которых она постарается отыскать живые описания моря.

Зайдя в библиотеку, она обнаруживает, что та совершенно пуста и безмолвна. Ну еще бы – она ведь неоткрыта. Хотя, по большому счету, и в старой библиотеке она редко кого заставляла среди стеллажей.

Лале порхает между гор свитков и книг, стараясь одновременно оглядывать и расставленные, и те, что расставить еще не успели.. как вдруг замечает в конце залы человека, поглощенного чтением и настолько тихого, что она поначалу и не заметила его, решив, что здесь никого нет.

– Влад!

Она улыбается и несется к знакомой фигуре. Он едва успевает обернуться, когда она кидается ему на шею. Влад же лишь сдержанно кладет руки ей на талию, после чего так же поспешно их убирает.

– Библиотеку еще не открыли, а ты уже здесь? – смеется.

Юноша улыбается одними уголками губ:

– Собственно, как и ты.

– Я по делу – важно заявляет она.

– Собственно, как и я.

Услышав это, Лале с любопытством заглядывает через его плечо в свиток на столе:

– Это история? – удивленно бормочет.

– Когда-нибудь ею станет – сухо – сейчас это устройство современной османской армии.

– О..

Она вновь отстраняется, так как Влад весьма недвусмысленно ведет плечом, вынуждая ее сделать шаг назад. После чего вновь оборачивается, встав так, что заграждает собой обзор на свитки и будто бы чего-то ждет.

– Ну.. наверное ты уже знаешь о нашем военном деле больше, чем лучшие генералы – жмет она плечами – столько изучаешь..

– Пока не знаю – вновь холодный сухой ответ – но скоро буду.

– Тебе это так интересно?

Его ледяные голубые глаза сверкают мраком, а тон становится уже не просто сухим, а даже жестким:

– Мне это *важно*.

И тут Лале осекается. Пусть и запоздало, но до нее все-таки доходит.

Конечно, ведь Влад однажды вернется в свою родную страну. И все эти знания.. Если он решит применить их против османов, то

(.. я отомщу за них! венграм, османам, боярам.. отомщу им всем! стану их самым страшным кошмаром! <.> и если мечь сжигает дочиста – я сгорю заживо! но и они – все они – сгорят вместе со мной!..)

и правда станет их идеальным врагом. Врагом, который знает соперника лучше, чем он сам.

Не поэтому ли дядя Мурад, еще давних четыре года назад, когда Влада и его брата только пленили и привезли во дворец, просил Лале с ним

(..нам крайне необходимо, что этот мальчик перестал воспринимать османскую империю своим врагом. а, с позволения, настроен он достаточно враждебно. что бы изменить его мнение не поможет даже султанское слово. нужен кто-то.. кто без всяких слов покажет ему наглядно, что здесь он может себя чувствовать ничуть не хуже, чем дома. и более того – что теперь это место он может считать своим домом..)

подружится? Неужто уже тогда, за два года до предательства Грэдиша, смерти отца и старшего брата Влада, дядя Мурад понимал, к чему все идет? Понимал, что с большей вероятностью до престола Валахии в итоге доберется никто иной, как именно Влад, и не потому ли (*..обретя здесь друга, он гораздо быстрее почувствует себя комфортно, примет и устрой нашей страны. ведь сложно видеть врага в том, кто сердцу близок, верно?..*)

так беспокоился об этом? Не потому ли желал его дружбы с собственной племянницей, дабы быть уверенным в его привязанности к ней, а значит ко всей султанской семье, а значит – быть наверняка убежденным в том, что он окажется надежным султану правителем, никогда не пойдет против его воли, и.. не предстанет их врагом.

Ведь опасен тот враг, что движем мстью – ибо в бою не оглядывается он назад и не страшится смерти.

Но еще более он опасен, если притом знает, куда бить. Потому что силы для удара у него хоть отбавляй. Он сгорит – да, но уж точно пред тем его пламя сожжет ни один город дотла.

Эти мысли, такие очевидные (и, впрочем-то, едва ли новые) почему-то обдают Лале, будто ведром холодной воды.

Очевидно, эмоции эти отражаются на ее лице, потому что тут же меняется выражение Влада. Его плотно сжатые губы, тут же смягчаются. Мрак уходит из глаз, а брови, что еще мгновение назад сходились у переносице, хмурятся уже в беспокойстве:

– Я тебя напугал?

– Не то чтобы.. – бормочет она – просто.. это так странно. Я считала.. но, конечно же понимаю..

Речь получается бессвязная, лишённая смысла и сумбурная, но, кажется, Влад ее все равно прекрасно понимает. Он не спешит разубеждать Лале, утешать ее или что-то из того, что непременно бы стал делать Аслан в такой ситуации.

Это не в его духе. Он не лжет даже ради «блага».

Но, сделав шаг вперед, к ней, он берет ладошки Лале в свои и легонько сжимает, чуть склонив голову, чтобы суметь заглянуть ей в глаза:

– Прости, я не хотел тебя пугать. Но хочу, чтобы ты знала – я никогда не причиню

(*..вновь озарило лучом света вековую тьму. и он ни за что не причин тебе вреда. никогда..*)

тебе вреда. Вы с Асланом – свои. И всегда ими будете, независимо от того, кто в каком лагере однажды окажется. Мы всегда будем на одной стороне – третьей, отличной от любых тех двух, которые могут быть. Понимаешь меня?

Внутри Лале все еще остаются тревожные чувства, но теперь они не расцветают, а напротив, угасят – чему она безумно рада. Потому неуверенно кивает.

Влад слегка улыбается и прижимает ее к себе теперь уже более чувственным жестом, чем в начале. Из-за существенной разницы в росте, она вновь оказывается прижата лицом к его груди и вновь слышит биение его сердца.

Тук-тук-тук..

Вновь учащенное. Как тогда, во дворе летнего домика..

Чуть дернув плечиками, Лале при этом не высвобождается до конца из его объятий. Лишь настолько, сколько требуется для того, чтобы отнять лицо от его груди и поднять к глазам.

Поскольку голова Влада была опущена и покоилась на ее плече, то когда Лале это провернула – они оказываются лицом к лицу в нескольких сантиметрах друг от друга.

Требуется мгновение, чтобы Влад осознал, что именно так резко поменялось. Осознал это, а так же позволил себе вновь осознать и то, что ее пребывание в его руках – такой маленькой, беззащитной, но при этом открытой ему, доверяющей беспрекословно и всецельно –

неодолимо влечет его. Как и всегда влекло, начиная еще давних два года назад, когда ледяной комок внутри него, в которой он решил обратить свое сердце, начал таять.

Тот, кто поставил себе цель стать безупречным воином, защитником своей страны, безжалостно отсекает все слабости и идет лишь за холодным разумом – еще тогда обнаружил себя обычным человеком. Живым человеком, который не мог оставаться рядом с ней равнодушным, как бы не хотел.

Лале пробуждает в нем желание жить по-другому. Позволить себе чувствовать и наслаждаться этим. Будто бы каким-то образом создав во мраке его души, решившей жить лишь во имя мщения, небольшой светлый лучик.

И теперь отважно отвоевывает его каждый день и каждую минуту, не давая мраку его потушить.

Поначалу этот светлый лучик, который она как-то зародила там, казался ему лишним и чуждым. Он его раздражал, как раздражало и то, что у него не получается его выдворить из своего мрака.

Но теперь Владу кажется, что этот лучик – его неотъемлемая часть. И без него он уже не будет собой. Как не будет собой и без Лале, которая поддерживает жизнь этого лучика в густой тьме его душе, освещая ее и давая увидеть, что там осталась не только жажда мести – но многое-многое другое, тщательно сокрытое темнотой от посторонних глаз.

Все факела, врывающиеся в эту тьму – сразу гаснут.

И лишь лучик Лале способен осветить ее, открывая ей одной-единственной потаенные глубины его души.

Лале улыбается, глядя ему в глаза, и он видит в их отражении себя. Только совсем в другом свете – в том, котором видит его она сама. Чуть улыбнувшись, Влад мягко заправляет выбившуюся прядь ей за ухо и легонько щелкает по носу. Лале улыбается еще шире и вновь прикикает к его груди – а ему хочется обнять ее еще крепче, и никогда не отпускать. Защитить своими объятиями от всего жестокого мира, которому она по-прежнему *слишком* доверяет.

Медленно одна его рука перекачивается по ее спине чуть выше, касаясь прядей мягких, волнистых волос. Он перебирает их – осторожно, бережно, едва тревожа.. После чего отстраняется, но смыкает пальцы своей руки на одной из ее ладоней:

– Так а что ты-то здесь искала?

– Красивое описание моря. Может тебе попадалось?

Теперь, рядом с Владом, Лале совершенно позабыла все те проблемы, что отягощали ее с утра. Нурай, Явуз, и даже то видение с ее матерью.. Все они поблекли, точно ненастоящие.

– Между текстами о военном устройстве? – мягко уточняет Влад и улыбается, показывая, что всего лишь шутит – идем, видел недавно что-то из магрибских рукописей..

После чего, не отпуская ее ладони, тянет за собой к нужным стеллажам. Они перебирают множество и множество полок, но им уже не так важно, найдут ли они свиток.

Ведь самое важное они уже давно нашли.

-4-

Явуз-паша входит во двор и размашисто шагает к дому.

– Бесы бы их попутали.. До сих пор ничего не убрано! А уже вечер!

Он гневно оглядывает сундуки, на которые и напоролся, неуклюже стукнувшись ногой – и чан, накрытый тряпками

(..нурай подходит к одному из сундуков и достает несколько кусков полотна, после чего протягивает служанке:

– на вон. от прежних хозяев, им-то уж точно без надобности. не свои же тряпки тебе давать для грязной работы.

служанка, недовольно ворча, берет тряпки и накрывает ими чан..)

и по-прежнему стоящий в проходе.

– Нурай! Дамла! Сайжи!

Но никто не появляется. Чертыхнувшись, мужчина подходит к чану и скептически глядит на то, чем он накрыт, после чего цедит:

– Еще и тряпками какими-то обвесили, как в прачечной.. соседи подумают, что мы деревенщины какие.

Он принимается раздраженно срывать куски ткани с чана, собирая и комкая их в руках. Но она из тряпок вдруг привлекает его внимание. Сквозь мутную серую пелену на ее поверхности

(..это смесь воска и отваров трав – она долго и сложно готовится, но если нанести ее на полотно – его изображение будет скрыто.

– навсегда? – ужасается лале.

– что вы, Лале-хатун! чтобы оно вновь стало явном, достаточно лишь будет прогреть холст. например, положить его на печь..)

(..почему оставили – этак не меня, а поваров спрашивайте, госпожа. А перенести нельзя, он эвон как на солнце раскалился, все руки обожжем!..)

проглядывает изображение.

Явуз едва не роняет полотно, желая отбросить от себя, точно дикую змею, когда видит знакомое лицо, глядящее на него – да простит Всевышний – прямо с бумаги!

Потому что в руках он держит портрет дочери великого визира – Сафие-хатун..

-5-

Наше время.

В небе над Атлантическим океаном.

Я прихожу в себя, как обычно, с большим трудом, резко втянув ртом воздух. Как-то я уже задавалась вопросом, что будет, если однажды воздух закончится прежде, чем успею всплыть на поверхность – и с каждым возвращением мне кажется, что время это становится все ближе и ближе, отчего вопрос все актуальнее.

Жан говорил, что прежние реставраторы в принципе не могли работать с полотном – вся краска за ночь возвращалась обратно, а их преследовали кошмары. Однако, что, если моя плата за возможность работать с ними – и даже более того – это однажды остаться в них самих? Стать частью полотна, так как едва ли можно стать частью прошлого? Во-первых, потому что оно уже прошло и новых «актеров» не принимает, во-вторых, потому что наблюдаю я за событиями со стороны, не «вселяясь» ни в кого из них.

Сажусь на кровати.

Едва воздуха в легких становится достаточным, этот вопрос, как все предыдущие разы, вновь отходит назад, в стеллажи «до лучших времен» и «подумаем об этом позже».

На первый план выступает настоящее потрясение от того, что я увидела перед тем, очнуться.

Явуз нашел картины!

Что же будет с Лале, когда он узнает (или догадается?), кто автор картин. Почему-то теперь, после гипотезы Лео о реинкарнации, я уже не могу так равнодушно наблюдать за прошлым, как за каким-то фильмом. Зная, что эта девушка может быть Я в своей прошлой жизни..

Конечно, звучит, как бред, о чем я и сказала Лео.. но если на то пошло, ведь действительно слишком много совпадений..

Еще раньше это вызывало у меня сомнения, просто я не позволяла себе поверить в возможность настолько глубинных слоев сверхъестественного. Но с другой стороны, если я верю в

перемещение в прошлое с помощью старого куска бумаги, видела монстра-вампира и карпатскую нечисть, то почему заодно не поверить в перерождение душ и в прошлые жизни?

А еще в то, что в этой прошлой жизни я совсем не боялась Влада, в ужасе сбегая от него.. а наоборот, кажется.. любила?

Не этим ли обусловлено его отношение, которое было значительно странным с самого
(..ты очень красивая, дженна..)

(..дженна. я правда готов.. и больше всего хочу тебе сказать всю правду, которая только у меня есть. ты – та, которая заслуживает ее больше всех остальных..)

(..нет, я очень хорошо к тебе отношусь.. одной из немногих, к кому действительно хорошо отношусь..)

(..несколько сантиметров между людьми – это много или мало?..)

(..я очень соскучился, дженна, так соскучился <... >но не могу этого не сказать. однажды ты поймешь, что я имею ввиду..)

моего появления в замке? Вряд ли это можно списать на дружескую привязанность, обусловленную «троицей неразлучников». Потому что Лео, который (допустим, окей, на мгновение) в прошлой жизни был Асланом – почему-то пришелся ему не по вкусу. Они постоянно цапались, ссорились и едва не доходили до драки.

А вот отношение Влада ко мне.. да, его точно нельзя назвать дружеским. Думаю, когда Локид говорил обо

(..эта красотка оказалась очень похожа на его подругу юности..)

мне, он опять лукавил. Играл, так сказать. Сейчас я уверена, что говоря «подруга» он имел ввиду значение слова «девушка, партнер», а не «друг».

Выходит, его «особенное» отношение ко мне обусловлено тем, что очень-очень давно их с Лале связывала искренняя любовь? Быть может, она даже была единственной во всем мире, кого он действительно любил?

Это он хотел, чтобы я однажды поняла?

Но даже если так, не стоит забывать, что и тогда, когда это было – он тоже был не безобразным чудовищем из Темных, а всего лишь юношей. Да, пусть мрачным и поглощённым мезьей всей Османской империи и миру в целом, но *человеком*.

Мысли в моей голове начинают биться с такой силой, не находя себе там места, что она сейчас, кажется, взорвется. Да уж, я желала успокоиться работой с картинами – а в итоге увиденное меня так взбудоражило, что, кажется, сон мне теперь не грозит в принципе.

Оборачиваюсь на сестру – Милли спокойно спит, кажется, даже на том же самом боку.

Эх, мне бы так!

Понимаю, что своими суетливыми вошканьями в итоге лишь разбужу ее – потому выбираюсь обратно в общий салон.

Никого нет.

Царит тишина и – проклятье! – те же люминесцентные лампы. Я надеялась, что хоть тут обнаружу прежнее яркое освещение. Что ж, ладно.

Пробираюсь в барный уголок, откуда Тэд нам доставал напитки, и достаю жестяную баночку колы. Очень надеюсь, что никто не расценит это, как ночные незаконные посягательства на имущество Ратвена.

Сильно морщусь, когда банка с шумным «ПШ-Ш-Ш» открывается.

Замираю.

Все еще тишина.

Да уж, когда пытаешься быть тише воды – даже едва слышный скрип может казаться невероятной громкости грохотом. Осторожно прохожу обратно и сажусь в одно из кресел. Не успеваю сделать и глотка, как знакомая дверь вдали отъезжает в сторону, и на мгновение я чуть щурюсь от яркого света, поступающего из салона Ратвена.

Очевидно, он меня все-таки услышал.

Или это совпадение?

(..я не верю в совпадения, джен, и тебе не советую..)

На мгновение мне даже кажется, что это действительно случайность и, быть может, он вышел в туалет, но тут он дважды изящно хлопает в ладоши – и теперь уже и общий салон возвращает себе былую яркость света.

Я морщусь еще сильнее – но рада. Ведь именно этого я и хотела.

Когда привыкаю к свету – Ратвен уже с чем-то копошится у барного уголка, очевидно, что-то вытаскивая. Наконец, оборачивается и с какой-то бутылкой подходит ко мне. Садится в кресло напротив и улыбается самой притягательной из улыбок:

– Доброй ночи, Дженна. Не против, если я присоединюсь?

– Доброй – киваю – конечно, это ведь ваш самолет.

Он отмахивается, словно бы говоря «что за ерунда!», после чего отвечает:

– К чему этот официоз, если уж летим вместе? Давай просто Гордон, раз уж ты просто Дженна?

Жму плечами:

– Если вам... – поправляюсь – если тебе так удобнее.

– Вот и здорово! – мелодичный смешок и вот Гордон уже открывает бутылку.

По салону разливается терпкий запах трав и крепкого алкоголя.

– Не спится? – уточняю и киваю на бутылку – идете.. идешь на крайние методы?

По правде говоря, я даже рада, что Ратвен вышел (независимо оттого, как он так чутко услышал мое появление) – потому что болтовней с ним я могу отвлечься от мыслей о прошлом.. да и настоящем. Да и в принципе, как я и сказала Милли, он достаточно приятный.

И общаться с ним тоже.. не вызывает дискомфорта, я бы сказала.

– О да.. – он залиvisto смеется – говорят, сон это удовольствие для бедных, так как ничего другого не остается. Но знаешь.. – он наливает содержимого в стакан до краев и кивает мне – будешь?

– Эм.. у меня свое – поднимаю жестяную банку повыше на случай, если он не увидел.

Ратвен кивает и продолжает:

– Так вот.. о чем я?

– Сон для бедных – напоминаю, уже начиная подозревать, что он успел опустошить не одну такую бутылку до того, как вышел ко мне.

– А, да, точно! – щелкает и одним залпом опрокидывает стакан, крепко зажмурившись – так вот, я бы не прочь часов на восемь стать бедным. Давно уже хорошо не спал.

–А что так? Дела?

Он смотрит на меня и глаза как-то странно поблескивают:

– Ну да.. а еще столько различных мыслей, которые просто не дают уснуть. Столько загадок, столько головоломок.. – он трясет головой, и пара волнистых прядей падает ему на лоб.

Ратвен недовольно фыркает и отмечает их знакомым жестом в сторону. После чего наполняет себе стакан до краев вновь. И вновь предлагает мне, будто бы забыв ответ двадцатисекундной давности.

– Кола – напоминаю я.

– Так даже лучше – отмахивается – ты уже допила до половины? Давай сюда, налью прямо в жестянку..

Я настороженно подтягиваю баночку к себе и вежливо мотаю головой:

– Спасибо, но не очень хочется.

– Что ж, ладно – повторяет он и вновь хватает свой стакан – знаешь, даже хорошо, что мы вот так вот оказались тут без посторонних. Можно посидеть, поболтать о чем угодно.

Он подмигивает мне и вновь опрокидывает стакан.

– О чем, например? – пытаюсь понять, флирт это или просто пьяная болтовня, а я – как единственный не спящий человек, потому единственно-возможный собеседник.

Второй вариант прельщает куда как меньше.

– Да обо всем – отмахивается и вновь тянется к бутылке.

Таким макаром он очень скоро отрубится.

– Может, не торопиться? – предлагаю.

Но он уже вновь наполняет стакан до краев:

– Да ладно уж – но делает при этом лишь два больших глотка, не стараясь вновь выпить залпом, после чего внимательно смотрит на меня – хотелось бы узнать тебя получше. Какая ты, Дженна?

Вопрос застигает меня врасплох.

Это даже хуже, чем «расскажи о себе».

– Да обычная.. – жму плечами.

Конечно, такое себе определение перед мужчиной, перед которым я бы не прочь блеснуть, однако ничего другого в голову не идет. Кажется, начни я перечислять какие-то свои достоинства – будет выглядеть совсем смешно, точно петух, который, подражая павлину, пытается пушить во всю свой скудный хвост.

На губах Гордона играет улыбочка, и он чуть покачивает стеклянный стакан, позволяя жидкости поигрывать в его пределах:

– В обычных людях порой скрывается самое необычное.

Но не дает мне ответить уже более раскрепощенно, как следом опрокидывает все-таки злосчастный стакан. Шумно втягивает носом воздух, точно какой-то алкоголик со стажем, а не молодой наследник династии мульти-миллиардеров, и, пока наливает себе очередную порцию, говорит:

– Ты ведь работаешь реставратором, так? Любишь искусство..

Я изумленно вскидываю брови, но видит он это только тогда, когда открывается от своего стакана, наполнив его. Отвечает на это еще одной обаятельной улыбочкой и, довольно откинувшись в кресле, поясняет:

– Ну не мог же я пустить к себе людей, которых совсем не знаю. Пойми меня, я ведь здесь совсем без охраны, и даже если речь о двух хрупких девушках..

– И одном парне – напоминаю я, после чего, пытаясь подражать его шутливому тону, говорю – ты ведь не знал изначально, что его оставят на трапе?

Он мгновение смотрит на меня, словно оценивая вложенный в эти слова смысл, после чего смеется:

– Ну конечно, да, не знал, еще и об одном парне.. – тут же замирает и хмурится – о чем я говорил?

То, что он уже не первый раз теряет суть диалога, говорит о том, что скоро он потеряет и сознание. Да уж, не круто.

– О том, что был обязан узнать, кто с тобой летит.

– Ах, да! – вновь игривая улыбка – ты моя спасительница!

Он вновь подмигивает мне – и теперь это уж точно флирт, благо, к своим двадцати-пяти научилась разбираться в подмигиваниях, после чего добавляет:

– Да.. так вот, навел элементарные справки о вас, поэтому и узнал. Кстати, я ведь тоже ценю красоту искусства. Конечно, может вам, деятелям искусства, и кажется, что мы, люди деловой сферы, не имеем к вам никакого отношения.. Но ведь без хорошей финансовой базы творчеству сложно развиваться, Джен!

Его голос становится какой-то напористо-капризный, точно он пытается мне что-то доказать. Удивительно, потому что я ведь с ним даже не спорю.

– Во все времена – продолжает, опрокинув очередной стакан – именно меценаты, богатые люди с хорошим вкусом двигали искусство вперед. Умные творцы это понимали и благодарно принимали поддержку..

Он тянется к бутылке, когда я жму плечами, делая за все это время лишь пятый глоток колы:

– Да и меня-то нельзя назвать творцом. Я просто восстанавливаю то, что создали другие.

Ратвен выливает остатки жидкости, которые наполняют лишь полстакана, после чего недовольно косится на бутылку, словно она сама себя подначивала, пока он не обращал внимания.

Заметив, что я замолкла, он вновь поднимает на меня взгляд, довольствуясь и тем, что налил:

– Ну это тоже искусство, даже более тонкое.

Он открыто мне льстит.

– И здесь тем более – продолжает, сделав большой глоток и чуть не подавившись – не обойтись без финансирования. Восстановление красоты дорого обходится..

Ничего не понимаю.

Он с одной стороны вроде бы флиртует со мной, очень даже откровенно.. но с другой стороны – какие-то странные темы для флирта. Финансирование? Работа? Кто разговаривает с девушкой на такие темы?

– Ну да.. – неопределенно бормочу я.

Может, он просто уже так напился, что в сознании путается?

– Ты ведь родилась в Лэствилле? – вкрадчиво уточняет, меняя темы так быстро, что я не успеваю сориентироваться – хорошо его знаешь?

– Да, родилась – глоток колы – но потом родители переехали за город, и росли мы с сестрой, которая уже и родилась там, на ранчо. А в Лэствилл вернулась уже после школы. Учиться, потом работать.

Жму плечами:

– Так что город вроде и родной.. но знаю я о нем немного.

– М-м, интересно – он опрокидывает остатки жидкости и, лишившись необходимости что-то держать в руках, слишком уж порывисто подается ко мне вперед – и почему же они переехали?

От такой близости я теряюсь и не сразу понимаю, о чем речь:

– Кто?

Гордон тут же недовольно цокает, откидывается обратно на спинку кресла, а в его голосе слишком явственно сквозит нетерпеливость:

– Родители, Джен. Ты сказали, они переехали. А почему?

– Не знаю, тогда мне было лет пять..

– И что же, совсем ничего не помнишь из того возраста? – его глаза вновь сверкают, и в напряжении он даже чуть закусывает нижнюю губу.

– Да сложно сказать..

Мы решили поговорить о моем детстве?

– А почему тебе интересно?

Локид бы мной гордился. Как избежать ответа на вопрос? Ответ на вопрос вопросом. Ты ответил и одновременно не дал ответа, бинго!

Не охота признаваться, что с памятью у меня все не так гладко и первые мои воспоминания о детстве – это школьная линейка в семь лет.

Ратвен жмет плечами:

– Да так.. просто к слову пришлось.

Не особо-то я заметила, чтобы Лэствилл и мое детство пришлись к слову, пока он сам о них не заговорил.

Наконец, моя банка пустеет.

Ратвен уже не пьет, но видимо, начинает во всей мере действовать ранее выпитое. Его движения становятся совсем развязными (но не в том плане, в котором хотелось бы), раскованными, а взгляд теперь мерцает на меня странным интересом.

И тоже совсем не таким, каким хотелось бы.

А таким, словно я какой-то кубик-рубик, который он никак не может собрать, и теперь хочет, чтобы я собрала себя сама, а после научила это делать его.

– А что ты делала в Румынии? – вновь улыбочка – у вас с сестрой тематические каникулы? Обычно в эту страну за этим и едут. Замок Дракулы, вампиры, воу – смеется – так сильно этим интересуешься?

Больше, чем хотелось бы.

Невольный участник, так сказать.

Но вместо этого лишь натянуто улыбаюсь:

– Больше она, чем я. Из-за нее и поехала.

– А тебя совсем не привлекает образ вампиров? – он складывает какую-то удивленную гримасу – по-моему, что-то в этом есть, а? Внешняя холодность, неприступность.. а внутри.. БАМ!

Он так резко ударяет по столу, что я вздрагиваю. Гордон же этого даже не замечает в своих эмоциях, уже продолжая:

– Бам – внутренняя сила, величие! Да еще какое? – он уже говорит взхлеб, как какой-то фанатик типо Милли – знания и тайны, недоступные обычным людям!

Его лицо растягивается в блаженном удовольствии:

– И почти вечная жизнь..

– Зато ты, смотрю, этим интересуешься – киваю я, уже решая, как бы поскорее слить от пьяного (не выпившего – а именно в стельку напившегося) человека.

А его рассказов о «великолепии» вампиров, когда я своими глазами видела это чудовище и ничего великолепного там не нашла – мне не надо.

– Не то, чтобы самим этим.. – он недовольно щелкает пальцами, видимо уже не в силах обличить мысли в слова, после чего кладет свою руку на мою, пристально глядя в глаза – но черт, Дженна, неужели тебя не завораживает мысль о *Вечной* жизни?

Вспоминаю обезображенную морду «Влада».

Когтистые, серую натянутую кожу, огромные клыки, выпирающие из пасти, налитые кровью глаза и уродливые острые крылья за спиной.

Едва удерживаюсь, чтобы не передернуться:

– Знаешь, я думаю, что иногда у вечной жизни может быть *слишком* большая цена, которую большинство не готовы заплатить.

– Цена! Конечно! – смеется он – она ведь есть у всего и разумеется, большинство – не готовы! Иначе бы мир просто наполнился бессмертными идиотами.

Он отнимает свою руку от моей и, презрительно скривившись на этих абстрактных «бессмертных идиотов», будто бы отмахивается ею от них.

– И знаешь, Гордон, еще я думаю, что..

Мои слова «качество жизни порой гораздо важнее ее количества» так и остаются несказанными. Оттого, очевидно, что мои заключения не очень-то интересны собеседнику.

Он, совершенно меня не слушая, вновь возбужденно добавляет, откровенно перебивая:

– Но вспомни историю! Во всех обществах были закрытые группы «знающих» – жрецы или правители.

Он вновь склоняется ко мне, но на сей раз мне уже хочется отодвинуться, а не склониться в ответ.

– И сейчас есть те – продолжает уже почти шепотом – кто мог бы распорядиться и силой, и бессмертием правильно.

Его глаза уже горят, как два факела:

– Для тех, кто знает больше других, важно правильно распознавать своих. Своим можно довериться.. – его рука вновь скользит на мою ладонь – открыться.. Всегда лучше вместе, чем в одиночку.

Он вновь обаятельно улыбается.

–Понимаешь меня?

– Если честно.. –осторожно вынимаю руку – то не совсем..

Кажется, он еще больше помешан на этом, чем Милли. Не видел и десятой части того, что видела я – но при этом так говорит, словно ни капли не сомневается ни в вампирах, ни в их существовании среди нас – при том, что он давно вырос из возраста «романтизации».

Теперь я уже нарочито демонстративно ставлю свою пустую жестяную банку на стол, привлекая к ней внимание Ратвена:

– Спасибо за разговор, было очень приятно поговорить с.. умным человеком. Но, боюсь, уже поздно и меня наконец посетил сон.

Но едва я собираюсь встать, как улыбка стягивается с лица молодого мужчины. Зато на нем теперь явственно отображается досада:

– Думаешь, не стою твоего внимания?

– Что? – теряюсь – нет, я же говорю, я просто..

Развожу руками.

Теперь он хмурит брови, точно ребенок, который не получил того, чего хотел, хотя (как учили мамочка и папочка) пытался добиться этого честным путем:

– Не стоит быть слишком высокомерной, Джени – его язык начинает заплетаться – иногда достойных соратников можно найти и среди..

Он пытается подняться, опираясь ладонями на подлокотники кресла, но с гулким «БУМ!» падает обратно и тяжело вздыхает:

– ..Найти и среди тех, кто на первый взгляд не выглядит таковым.

Теперь он рассерженно-капризно бьет кулаком по подлокотнику:

– Приглядиись!

Я окончательно поднимаюсь:

– Прости, Гордон, но я правда не понимаю, о чем речь.. И если честно, уже давно потеряла суть разговора..

Но он хватает меня за руку и тянет на себя, раз уж не смог подняться.

– Отпусти! – я теперь уже кричу и бью его по руке – что ты делаешь!

Но Ратвен силой прижимает меня к себе настолько близко, что даже любовники так близко не сидят. Его помутневший взгляд, не моргая, упирается в меня, а от него самого несет диким перегаром:

– Ну же, крошка, поделись со мной своими секретами! Расскажи, что ты сделала со стариком Шотетом?!

– Я не знаю, о ком ты! Отпусти!

Слышится какой-то грохот позади, и вот уже чьи-то руки разжимают хватку Гордона на моей руке:

– Мистер Ратвен, прекратите!

С облегчением узнаю голос Теда. И когда, наконец, полностью высвобождаюсь – отскакиваю и уже вижу его самого. Он удерживает извивающегося и окончательно взбесившегося мужчину:

– Прочь, пошел вон! Пусти меня! – он сверкает на меня глазами, попеременно грязно ругаясь на Тэда – пусть она мне расскажет! Пусть расскажет! Я ХОЧУ ЗНАТЬ!

Стюард сжимает его руки еще крепче и судорожно кивает мне на дверь гостевой. Я тут же бросаюсь, куда указано, не заставляя его повторять дважды.

Да уж, вот и «лакомый кусочек».

Очередной психопат. Впрочем, чего можно было ожидать от человека, к 25-ти прекроившему себя почище куклы.

Но почему именно я? И про какого Шотета он говорил? Про какие тайны?

На какое-то безумное мгновение мне начинает казаться, что Ратвен откуда-то знает обо всем, что произошло в Румынии. И все эти разговоры про вампиров, про бессмертие и привилегированных «правителей» – это были лишь намеки о его знании.

Но тут же отсекаю эту мысль.

Если бы это было так – то мне больше нечего рассказать.

А он просто требовал у меня какие-то непонятные тайны!

Может, он действительно просто фанатик, а алкоголь сделал свое дело? А когда я сказала, что мы были в Румынии и правда из-за вампиров – все понеслось-поехало. Вначале от светских разговоров – а в конце уже об управлении миром.

Так сказать, вывалил залпом на меня всех своих тараканов, что в трезвом состоянии мирно и лениво копошатся себе, не торопясь во внешний мир.

У всех же есть хобби? Наверное, это извращенная сторона его увлечения.

Оказавшись в гостевой, я закрываю дверь и тут же прикиваю ухом к ней. В салоне еще какое-то время слышатся голоса и возня.

После чего все мало-помалу стихает.

Ну, по крайней мере, стюард смог добиться того, чтобы Ратвен (точнее, его пьяное тело) не пошел за мной долбиться в комнату, чем разбудил бы еще и Милли.

В итоге укладываюсь рядом с сестрой.

Да уж. Хотела найти сон за работой – в итоге прошлое взбудоражило почище американских горок. Решила изменить положение дел баночкой колы – накинулся Ратвен со своими безумными идеями мирового господства при помощи бессмертия.

Кажется, все-таки лучше искать сон, не покидая пределов кровати и времени.

И в конечном счете, на удивление, это действительно помогает.

-6-

Будит меня стук в дверь.

Однако, почти бессонная ночь дает о себе знать – потому что, когда я едва продираю глаза и вообще смутно отдаю себе отчет где я и кто я – Милли уже открывает дверь, поправляя светлые волосы.

Судя по тому осиному гнезду на голове, которое она не заметила, приводя наспех в порядок концы – сестра тоже только вылезла из кровати.

Вскакиваю следом за ней (едва не грохнувшись вниз, запнувшись ногой об собственный чемодан перед кроватью), на случай, если это Ратвен. Однако, заглядывает лишь Тэд:

– Доброе утро.. вечер, мисс.. – он глядит с меня на Милли, видимо не знаю, к кому обратиться конкретно, и в итоге выдает – леди. Мы прилетели.

Ура.

– Лэствилл? – на всякий случай уточняю.

Мало ли чего ожидать после ночных выкидонов.

– Конечно. Можете собираться на выход.

А, мы уже приземлились? Вот уж в чем прелесть частных рейсов – я проспала в шикар- ной кровати все приземление, тогда как в общедоступных сидела бы час пристегнутая всеми ремнями без возможности встать пописать.

Конечно, есть и минусы – хозяин этого частного рейса может зверски напиться и развести демагогии.. Хотя, впрочем, если бы я спала – то ничего бы этого и не увидела.

– Хорошо, спасибо – кивает Милли, так как я за этими мыслями забываю «дать отмашку» Тэду.

Он уже собирается уходить, как мнетя, глядит на меня, и в итоге добавляет:

– Прошу извинить нас за ночной инцидент, мисс Бёрнелл. Господин выпил лишнего. Вообще он мирный человек и не причинил бы вреда..

– Нас? – уточняю я – тебе не за что извиняться, Тед. Точнее, *не ты* должен сейчас изви- няться.

Однако, никакой злобы у меня уже не осталось. Каждый может напиться, и каждый (в любом возрасте) может иметь странное хобби. Пусть даже фанатеть до сноса крыши по вам- пирам – вот, стоит мой живой пример, с блондинистым гнездом на голове.

Как бы то ни было – он нас все-таки довез.

Видимо, стюард видит, что пусть я и фыркаю, но настроена не враждебно, потому что улыбается и наконец ретируется.

Милли удивленно поворачивается ко мне:

– А что за инцидент? За что он просил прощения?

– Ратвен напился.

– С тобой? – хитрая улыбочка.

– Можно и так сказать, только плюшек я не получила.

Кратко пересказываю ей (по мере расчесывания и беглого привода в порядок) о том, что было ночью. К концу Милли обескуражено выкатывает глаза, словно бы ей сказали, что кит – на деле сухопутное животное, поэтому и выбивает фонтаны воды, тем самым избавляясь от жидкости в легких.

– Да уж, а говорят телек людей только толще делает – фыркает – судя по всему, еще и адекватнее. Обман! – всплескивает руками и, глянув на меня, хохочет – кругом обман!

Это приезд так на нее действует? По крайней мере, может мне кажется, но Милли стала намного легче в общении и вообще восприятии окружающего.

Может, действительно, чужая страна, странный лес и мрачный замок давили ей на пси- хику, пусть она сама толком не отдавала себе в этом отчета?

Мы продолжаем смеяться уже и тогда, когда вытаскиваем чемоданы в общий салон. Опа- саюсь встретить там Ратвена (с похмелья люди обычно еще более ворчливые, чем в пьяну), но кроме Тэда никого. Он тут же предлагает вытащить наши чемоданы, но я вежливо отказываюсь и мы направляемся к выходу.

Едва ступив на трап и увидев огни родного города, я вздыхаю с облегчением.

Вот она, Америка.

Вот он, Лэствилл.

А все вампиры, чудовища, многовековые монстры, ведьмы и замки остались там, в Румы- нии. Правда, там остался еще и..

– Лео!

Я вскрикиваю громче нужного, потому что только сейчас вспоминаю о звонке. Но не успеваю набрать его номер, потому что меня уже возбужденно толкает сестра в бок:

– Джен, смотри!

Я слежу за направлением, куда она показывает.

Куда-то вниз.

Там стоят машины и люди. Одна фигура бросается к нам – именно на нее и показывает Милли.

Я изумленно замираю, так и застыв с пальцем над кнопкой «вызов»:

– Мама?

Пара людей изумленно оборачиваются, видимо, не до конца понимая, что это я, взрослая девушка, называю мамой ту, что едва ли старше меня лет на десять.

Она отлично выглядит, как сказал однажды про Локида Влад – но намного старше, чем кажется.

Это про маму.

Но к счастью, никакие Темные тут не при чем – просто уход за собой, минимум волнений, аэробика каждую среду, правильное питание и легкость по жизни.

Потому-то мы и удивились, что она так встревожено нам звонила..

И что приехала сейчас встречать.

Точнее..

Как?!

– Девочки мои! – она одновременно обоими руками обнимает нас с Милли, точно супер-мамочка из «супер-семейки» – вы дома!

– Мам.. – озадачено хмурюсь, выбираясь из объятий, чтобы увидеть выражение ее лица – а ты как.. узнала, что мы прилетаем сегодня вообще?

– Точно.. – изумленно протягивает сестра, видимо только сейчас сообразив об этом.

Однако, смотрю на маму и вижу лишь радостное возбуждение.. никакого волнения и тревоги, что было по звонку.

– Мне позвонил мистер Ратвен – лично! – она говорит это таким же едва ли не благоговейным тоном, как Милли -и сообщил, что вы прилетите с ним – с ним!

– Ну зачем было тратиться на такси, такие запары? Мы бы сами и так приехали – говорю.

Однако, сама между тем продолжаю к ней приглядываться. Очень странное поведение для мамы – взять вот так в девять вечера и сорваться в аэропорт, отдав бешеные деньги за такси, только чтобы встретить нас и на этом же такси поехать обратно.

Легкость по жизни – ее девиз.

Ехать в девять вечера за бешеные деньги с пригорода – не легкость.

– Я не тратилась – отмахивается она – мистер Ратвен был так любезен, что отправил за мной машину, чтобы я могла лично вас встретить.

Я даже не нахожусь, что ответить.

Это конечно, действительно, очень любезно..

Но зачем ему это? Просто так люди подобного не делают. Они это делают в двух случаях: либо хотят произвести впечатление, втереться в доверие – иными словами «понравиться». Либо, когда им что-то нужно – иначе говоря, этим хотят получить себе право занять что-то взамен.

И пока я еще не могу определиться, к какой категории отнести Ратвена. Если бы не ночная сумбурная «встреча», я бы решила, что просто удачей судьбы оказалась во вкусе молодого богатого наследника и он, точно чувак из «Красотки», решил всеми способами меня очаровать.

Но учитывая его ночные выпытывания «моих секретов» – возникают сомнения и склонность ко второй версии. Но если же он просто напился и нес бред, то тогда уже нет..

Ладно, плевать.

Просто плевать.

Это Америка, тут не надо думать. Тут надо просто говорить «плевать», на все, что не поддается решениям или объяснениям.

«Плевать» и в стопку.

И идем дальше.

– Плевать! – говорю я.

И только когда получаю в ответ удивленные взгляды мамы с сестрой, понимаю, что ляпнула это вслух. Судорожно пытаюсь припомнить мамины последние слова, на которые я «дала этот ответ».

А, про машину.

– Плевать, в смысле, что.. что для него это плевое дело – кисло выкручиваюсь – но правда очень любезно.

Мы медленно отходим в сторону, чтобы вызвать такси (потому что те, что стоят здесь и готовы подвести всяк и каждого – стоят на две сотни баксов дороже), и пока мама судорожно пытается выискать номер «того самого дешевого», я, глядя на ее мобильник, вспоминаю:

– Кстати мам, а почему ты действительно звонила? Раз мы уже здесь, можешь сказать.

Она отвлекается и даже забывает продолжать листать:

– А?

– Что случилось, что ты звонила?

Она начинает суетиться, словно бы не просто ищет номер, а выполняет десять непосильных дел одновременно и ей совершенно некогда задумываться над моими вопросами:

– Да ничего, я же сказала. Все в порядке.

Ее отрицание очевидного лишь усиливает подозрения. Я уже говорю без улыбки:

– Мам.

– Правда.. это все мои фантазии. Я слишком мнительная в последнее время..

Фантазии? Мнительная?

Мама и мнительность – это два разных полюса, о чем она?

Но она вновь принимается «усиленно» выискивать номер, отдаваясь этому целиком. Мы с Милли стоим, скучающе постукивая то пальцами по чемоданам, то отбивая дробь коленом – причем и то и то делаем практически синхронно.

Но поскольку мы ничем не заняты с ней, я почти сразу замечаю, как из общей толпы (что за толкучка?) выступает одна грузная фигура и спешно направляется в нашу сторону.

Вернее, вначале мне кажется, что просто в нашу сторону. Но спустя пару мгновений понимаю – нет. Не просто в нашу сторону – а именно к нам.

А когда между нами остается не больше десяти ярдов и мама вдруг удовлетворенно цокает:

– Сказала же, этот номер у меня был! Нашла!

Я узнаю в приближающейся фигуре Маккензи.

Мэра Лэствилла.

-7-

Мама обрывается на полуслове, тоже заметив его, и так и не нажав кнопку вызова того такси, которое так долго искала.

Мужчина – явно за пятьдесят, идеально выбритый, но от этого не более опрятный, в costume, который явно покупал, когда был в лучшем весе и без брюшка, с усталой физиономией и проседью в волосах (конечно, это же мэр Лэствилла, а не Калифорнии²) кивает нам троим, окончательно подойдя и с трудом скрывая отдышку:

– Леди, добрый вечер, добро пожаловать домой..

² Речь идет об известном американском актере и культуристе Арнольде Шварценеггере, носителе титула «мистер Олимпия», который занимал пост губернатора Калифорнии в срок 2003-2011 гг.

– Я прославилась, да не знаю об этом? – пытаюсь пошутить – то миллиардеры дерутся за право довести меня на своих самолетах до дома, то теперь лично приехал встретить мэра, чтобы поздравить с прилетом! Я умерла и переродилась Майклом Джексонем?

Но хихикает только Милли и то, заметив взгляд мамы, тут же замолкает. Я озадаченно перевожу взгляд с мамы на мэра, но в итоге откашливаюсь:

– Извините, просто с перелета устала. Чем-то обязаны?

Кажется, Маккензи сильно теряется из-за того, что я прервала его, очевидно, выученную наизусть речь, потому пару секунд растерянно молчит. В какой-то момент мне даже кажется, что он так и не вспомнит, что за чем шло и просто так же молча повернется и засеменит обратно.

Но вот его взгляд яснее и он обращается ко мне:

– Да, мисс Бёрнелл. Я, собственно, хотел сказать, что рад, что вы прилетели и успеваете на городской совет..

– Городской совет? – теперь уже его изумленно перебивает Милли.

Мама шикает на нас обоих.

Несмотря на молодость во всем остальном – воспитание выдает ее истинный возраст. Воспитание, обязывающее проявлять учтивость и уважение к высоким политическим чинам, даже если это какой-то мэр маленького городишко, который выглядит ничем не лучше этого самого городишка, о котором, наверное, только и знают что жители этого городишка.. да богатые папенькины сыночки, благотворительствующие здесь, потому что суммы требуется меньше, чем в больших городах, а вот резюме «добрых дел» пополняется.

– Да, городской совет – теперь мэр собирается с мыслями куда быстрее – нам просто необходимо ваше присутствие, мисс Бёрнелл.

И взгляд на меня. Слово его первого обращения было недостаточно, чтобы теперь понять, какую из троих «мисс Бёрнелл» он имеет ввиду.

– Чтобы успеть к началу – нужно выезжать сразу отсюда.

Ничего не понимаю.

Даже если опустить вопросы о том, какого черта от меня понадобилось городскому совету и этому старому увальню в частности.. откуда он знал, что я буду здесь в это время? Что я прилечу? Точно не от мамы – она не меньше нашего удивилась его появлению.

Тогда откуда?

Вряд ли Ратвен всему городу позвонил и сообщил, что везет такую-то такую-то, встречайте там-то там-то.

Но едва я открываю рот, чтобы все это подметить – как со спины мэра, точно в каком-то фильме ужасов, обвиваются вокруг его шеи чьи-то пальцы с длинными ногтями..

Но тут же я вижу и всю их обладательницу целиком.

Какая-та молодая девица модельной внешности, и судя по тому, как она вольно пристроилась на Маккензи – его «кукла барби». Странно, я думала такие залипают либо на красивых и известных, либо на известных и богатых, либо просто на безудержно-богатых, тогда можно без красоты и известности.

Шутка в том, что наш мэр не обладает ни то что ни одним из вышеперечисленного -в его багаже нет даже четвертинки от одного из чего-либо этого.

Ну, должно быть, и эта пташка летает не так высоко, как Эмбер Херд³.

Она появляется так неожиданно (и неуместно), что мэр тут же смущается:

– Эрджи, я же говорил подождать меня..

³ Эмбер Херд –американская актриса. В 2015 году заключила брак со знаменитым американским актером Джонни Деппом, разница в возрасте с которым у нее составляет более 20-ти лет. Брак продлился 15 месяцев и закончился громким судебным процессом.

– Да, мой сладкий – кивает она капризно – но я уже замерзла и ты говорил, что быстро. А тут та-ак долго..

Девица растягивает слова и кажется совершенной дурочкой.. но что-то такое мелькает в ее глазах, что заставляет меня усомниться в этом заключении. Может, ей просто выгодно таковою казаться.

– Так, ладно, мисс Бёрнелл.. – он поспешно оборачивается ко мне вновь, видимо решив уже закрыть этот вопрос.

Потому я его сразу же перебиваю:

– Подождите. Как вы узнали, что я прилетаю? И зачем я нужна вдруг городскому совету? Да еще и так срочно?

– Дело официальное, я не могу пока разглашать. Вы все узнаете на месте.

Нет, знаете что, хватит с меня.

Столько проблем в Румынии, не очень-то спокойный и достаточно долгий перелет домой – чтобы теперь, едва сойдя с трапа, ехать куда-то, на ночь глядя, на какие-то городские советы непонятно зачем, сидеть там, непонятно сколько – когда единственное, чего я хочу сейчас: это горячий душ и мамины фирменно-разогретые полуфабрикаты.

Все, не хочу.

Имею право.

Это Америка – плевать и в стопку.

И едва я собираюсь уже совершенно осознанно ляпнуть это («плевать и в стопку») прямо мэру, как мама мягко трогает меня за плечо и шепчет на ухо:

– Милая, нельзя отказываться, если дело важное. Езжай с господином мэром. Мы с Милли сами доберемся домой, тем более, что номер такси я нашла.

– Да не хочу я никуда ехать, мам – цежу я так же шепотом – я есть хочу. И спать.

– Дорогая – думаю, наш шепоток уже кажется подозрительным – ты живешь в этом городе, а он, пусть и никудышный, но пока что его мэр. Тебе нужны проблемы? Просто езжай, а оттуда вызови такси и к нам. Я все разогрею, и горячий душ тебя тоже дождется.

Недовольно выдохнув, все-таки, не могу не согласиться с доводами мамы и в итоге киваю, говоря уже громко:

– Ладно. Едем..

– Отлично.

И мэр совершенно с невозмутимым видом (обхватив чуть ниже талии свою куклу-барби) удаляется обратно к толпе (то ли имеющей, то ли не имеющей к нему отношения).

Подождав, пока дистанция будет достаточная, чтобы он нас не услышал, я оборачиваюсь к маме и возмущенно фыркаю:

– Я думала, он хоть довести предложит! Ему же надо, а такси брать мне? – и тут меня осеняет – черт, я даже не узнала, куда ехать. Где это собрание..

Однако, бежать за ним совсем не хочется.

Я уже начинаю всерьез задумываться над тем, чтобы использовать это как причину все-таки сказать «плевать и в стопку». А что? Он не сказал адрес, а я вспомнила слишком поздно (кто докажет?) и пришлось, понутив голову, ехать домой..

Как вдруг к нам подходит какой-то мужчина в полицейской форме.

На одно безумное мгновение мне кажется, что он сейчас, сурово посмотрев на меня, заявит: «вы обвиняетесь в уклонительстве от своих гражданских обязанностей, потому арестовываетесь и подвергаетесь обвинению». Не знаю, так говорят копы или нет, но именно такой диалог успевает прокрутиться в моей голове прежде, чем мужчина улыбается маме:

– Энни, сколько лет!

– Дуган! – мама удивляется, и с радостной улыбкой обнимает мужчину в ответ.

Дугана?

И тут, когда вновь могу видеть лицо копа, наконец-таки действительно узнаю в нем комиссара Дугана. Это старый друг моих родителей, который часто приезжал к нам в детстве.

Так что его выражение «сколько лет», думаю, вполне-таки можно считать буквальным, а не фигуральным. Потому что когда я видела его последний раз – у него не было и доброй части той морщин, что сетью оплели лицо сейчас.

Теперь он оглядывает уже нас и улыбается:

– Какие у тебя дочки уже взрослые! А какие красавицы.

– Спасибо, Джон – улыбается мама, и, видимо, думая о том же, что и я, добавляет – навещал бы нас чаще, не удивлялся бы так.

– Ты же знаешь, как на этой должности. Работа, работа..

– Так ты и сейчас, смотрю, при исполнении? – она оглядывает его форму – или так, ради случая нацепил?

– Да уж, куда там – усмехается он – Маккензи сопровождаю, вип-эскорт, мать его. Кому нужна его старая задница? Ну нет же, мол, много народу, публичное место, да еще это городское собрание, тоже народу.. и почему-то я должен везде за ним ходить, как охранная собачка. Почему не послать ребят из отдела? Нет же, «неопытные». Можно подумать, много опыта надо, чтобы за этим старым..

Но мама перебивает его словесный поток, который, очевидно, сам не скоро иссякнет:

– Подожди, ты сказал собрание?

– Ну да, черт бы его подрал. Еще часа на два, наверное.

– Ты знаешь, где оно проходит?

– Ну разумеется, Энни, если мне за ним туда ехать.

Мама облегченно улыбается, а я удрученно вздыхаю. Моя попытка слинять провалилась.

– А где?

– А тебе-то зачем? – добродушно усмехается.

– Да мне незачем, да вон Дженну – кивает на меня – позвал, только что подходил. Сказал, мол, срочно нужно быть на собрании, кровь из носу. А куда ехать – не сказал.

– Дженну? – для него будто бы что-то проясняется – так вот зачем мы в аэропорт заехали! А я все думаю, что ему удумалось сюда ехать, и не по пути совсем, и не по времени.. И не сказал в итоге куда? Вот старый идиот – фыркает.

Да уж, дядя Джон точно не так воспитан по отношению к «чинам», как мама. За словом в карман не полезет.

И мне это нравится.

Ну по делу ведь!

Дуган трет свою щетину, после чего кивает мне:

– Да поехали со мной, раз так. Все равно я туда за ним еду, так что не опоздаешь – смеется, и кивает маме – а после собрания этот пердун домой, а я свободен. Так что смогу Джени сразу до вас добросить.

– Правда? – мама сияет – ой, спасибо, Джон, это будет чудесно!

– Но с тебя чай.

Мама театрально задумывается:

– Ладно, но без сахара. Не мерседес же, все-таки.

Они сами смеются над своей, очевидно, старой шуткой, после чего Дуган машет мне:

– Ну пошли, а то мне сильно-то от него отставать нельзя. Да и тебе теперь тоже.

Когда мы идем к машине комиссара, мама уже набирает номер того такси, что нашла.

Увидев это, я вспоминаю и о другом важном деле, связанном с телефоном.

Достаю мобильник и быстро набираю номер Лео.

Недоступен.

Что за ерунда?

Ну в любом случае он должен был вернуться к Илинке с Сандрой. С утра ясно дали понять, что других билетов нет. Вряд ли бы он стал останавливаться в отеле.. наверное.

Набираю номер Сандры.

Недоступен. А вот уже действительно странно..

– Садись давай – Дуган кивает на машину – не стой истуканом, Джени.

Я ныряю в салон и мужчина заводит мотор:

– Устраивайся удобнее, а то *до замка* минут сорок езды.

На мгновение мне кажется, что я ослышалась. Медленно поднимаю голову и ловлю в зеркале салона пристальный взгляд комиссара.

Да нет.

Этого просто не может быть.

–8–

– До замка? – мне кажется, если бы я могла себя видеть со стороны, то заметила бы, как бледнею на глазах.

– Ну да, а тебе не сказали? – все еще пристально смотрит на меня – Джен, ты пристегиваться собираешься или как? Мне поровну, но все-таки я коп, негоже трогаться на служебной тачке да еще и при исполнении. Стегай ремень.

– А – я тут же дергаю ремень, и едва это делаю, он сразу сводит с меня взгляд, тронув машину – а чего не сказали-то? Причем здесь замок?

– Ну, это же полугодовой совет – вырुливаем – их проводят не в мэрии, а во всяких пафосных местах. Этот будет в Черном замке.

– Черный замок?

Перед глазами тут же встает огромная мрачная готическая махина в Румынии.

Нет, перестань.

Но тут я вспоминаю и другой Черный замок, уже больше связанный с Лэствиллом. И хоть приятнее не становится – но я хотя бы облегченно выдыхаю. Успокаивает мысль, что я вновь в реальности, никак не связанной с чертовой Румынией.

На мгновение – самое жуткое мгновение! – мне показалось, что Румыния, замки и вампиры приехали следом за мной в Америку. И что куда бы я не поехала, не убиралась –они неотступно будут следовать за мной, как какой-то ночной кошмар, и найдут меня в любом уголке этого чертова мира.

– Это тот, что на западной окраине?

– Верно – кивает Дуган – ты бывала там?

– Мы собирались с Милли, но так руки и не дошли. У меня – поправляюсь – Милли может и забралась сама, да я не знаю.

– Ясенько.

Уже выезжаем на трассу.

– Но как там проводят совет? Замок ведь закрыт много лет, его только снаружи смотреть можно.

– Был закрыт – поправляет он, и в голосе сквозит что-то, похожее на недовольство – а теперь открыли..

– Почему?

– На месте будет проще объяснить – отмахивается – там все разом понятненько станет.

* * *

Всю дорогу до замка я то и дело пытаюсь дозвониться до Лео, попеременно набирая на номер Сандры, если вдруг та ответит раньше и сможет меня успокоить, подтвердив, что мол да, так и так, друг добрался до них и сейчас просто принимает горячую ванну, поэтому и не отвечает.

Но они оба словно бы одновременно решили весь день прокататься в метро или вдруг растеряли зарядки от собственных мобильных.

Недоступен.

Абонент недоступен.

Недоступен.

Абонент недоступен.

Сколько раз я не набираю повтор, сколько терпеливо не выжидаю минут и не делаю это вновь – результат остается неизменным в обоих случаях.

Недоступен.

Черт возьми, я понимаю, телефон мог разрядиться. И бывают разные обстоятельства, что не можешь сразу же поставить его на зарядку. Но, черт возьми, даже наш многочасовой перелет уже завершился.. значит, даже если не к Сандре, то к любому другому месту ночевки Лео уже точно должен был успеть добраться. Добраться, заметить, что телефон вырубился (хотя бы потому, что сам, наверное же, собирался мне звонить – все-таки со стороны это и правда выглядело, как настоящее чертово похищение) и тут же поставить его на зарядку.

До сих пор этого не сделать он мог только в том случае, если нашлись дела важнее телефона. Важнее телефона в таком случае не может быть никаких дел.

Только проблемы.

Но даже если, допустим, проблемы с охраной аэропорта затянулись с Лео на такой неприлично огромный срок – то почему недоступна Сандра? Она-то осталась дома, без каких-либо видимых ближайших дел, со своей сестрой. Розетка рядом, зарядка под боком. Делать в деревне нечего, так что вырубленный мобильник она должна была заметить достаточно быстро.

Ну ведь и она недоступна.

Возможно, как повторила бы сама Сандра – я просто успешно себя накручиваю, выдумывая проблемы там, где их нет. Просто оттого, что за время проживания в замке привыкла – если что-то вдруг идет не так, значит за этим обязательно стоит большая проблема.

Но почему-то предчувствие говорит о том, что сейчас не тот случай.

Когда я уже, наверное, раз в сотый тянусь к мобильнику, едва оставив его в покое, Дуган не выдерживает (да и никто бы на его месте не выдержал – полчаса дергаюсь, хватаю-отпускаю мобильник, постоянно кого-то набираю, но ни разу не разговариваю) и вкрадчиво уточняет, нарочито небрежным тоном:

– Кому ты там названиваешь всю дорогу, Джени? – смешок – кавалеры покоя не дают?

– Тогда уж не они мне, а я им – натянуто улыбаюсь – но нет, не кавалеры. Да просто отлет получился.. слишком сумбурным. Не успела с другом попрощаться.. вот.. пытаюсь дозвониться.

– Да коль не дурак, все поймет – заявляет он – перелет, все дела, дело обычное. С утра позвонишь, вот и все.

– Да просто это ведь он трубку не берет..

– Ну может занят парень.

Я не хочу (и не вижу смысла) вдаваться в подробности моего отлета и в причины того, почему этот друг просто никак не может быть занят настолько, чтобы в течении часа не просто не ответить ни на один мой звонок, а даже ни разу не появиться в зоне доступа.

Но теперь неизменно в зеркале салона ловлю на себе любопытные взгляды Дугана (что очень скоро начинают нервировать, так как он еще тактично пытается их скрыть и всякий раз с нелепо-огромным опозданием отводит глаза, замечая мой взгляд в ответ) и решаю, чтобы отделаться от них, надо сменить тему и потушить его разогревшееся любопытство:

– Дядя Джон, а ты сказал, что на месте понятно станет, почему замок открыли. А может ты сам про него что знаешь?

– Я не историк, Джени – смешок – чтобы всякую абракадабру знать.

– Ты круче – усмехаюсь – комиссар полиции. И если там проводятся городские собрания, что-то точно можешь знать.

Кажется, мое замечание ему льстит.

Цокнув языком, словно бы действительно что-то припоминая, он говорит:

– Ну старая эта махина, это знаю..

– Да, его вроде бы построили году в.. – хмурюсь, пытаюсь вспомнить, что мы тем давним летом нарыли с Милли, собираясь поехать в тот замок.

– Году? – фыркает так удивленно, словно я завела разговор за точный месяц, день, минуту и секунду, когда был положен первый кирпич – нет, таких деталей точно не знаю, но что-то в районе 19-20 века, около того. Какой-то Шотет его построил, не из наших был..

(..ну же, крошка, поделись со мной своими секретами! расскажи, что ты сделала со стариком шотетом?!..)

Когда я понимаю, откуда мне вдруг знакома эта фамилия, в горле пересыхает. Совпадение?

(..я не верю в совпадения, джен, и тебе не советую..)

– Шотет? – переспрашиваю я, стараясь не выдать нездоровой заинтересованности именно после оглашения этой фамилии – а почему «не из наших»? Что это значит?

– Не американец он, иммигрант. То ли швед, то ли венгр, черт его знает, ну барон вроде был, это вроде да. Делать ему нечего было, вот и соорудил ту махину. Говорю тебе, Джен, когда денег становится хоть жопой жуй, люди с ума от безделья сходят. Уже не знают, куда тратить, и суют во все дырки и щели, затыкая ими даже то, что затыкать совсем и не надо было..

– Так и что Шотет? – аккуратно возвращаю дядю Джона на прежнюю суть разговора, совсем как мама в аэропорту, когда он забылся своим очередным словесным потоком – как замок заброшенным-то оказался, не знаешь? У него же наверняка были дети, внуки.. вряд ли бы кто бросил его. Даже если не жить – продать ведь за большие деньги можно.

– Ну это да – одна рука все еще на руле, второй задумчиво потирает щетину – были у него потомки, да только все как один – взгляд через салонное зеркало на меня и недвусмысленное движение пальцев у виска – со странностями.

– Психи?

– Ну не то чтобы.. ну в психушке никто не лежал. Зато им этот замок, как личный диспансер стал. Затворниками они в нем жили – наконец, удосуживается пояснить он – ни с кем не общались. Настолько ни с кем, что даже черт его знает, кем ему приходился последний жилец замка.. внуком, правнуком, племянником.. черт его знает.

Главное так и остается непонятным:

– Так и как замок-то в итоге забросили? – хмурюсь – если были потомки, и тем более, если они безвылазно в нем жили..

Дуган смотрит на меня с некоторым сомнением, словно я залезаю в те дебри, в которые залезать пока рановато. Это начинает нервировать – что, и здесь, в Америке, где «плюнь и в стопку», вновь появляются какие-то секретрики? В Лэствилле, где таковых от моего рождения никогда не было?

Где все настолько прозрачно, что без всяких желтых газет и сенсационных разоблачений узнаешь, с кем жене изменяет мэр и кто сколько тянет из городского бюджета?

– Последний потомок уже лет двадцать назад умер – в итоге говорит он – завещания не нашли, родственников тоже. Детей, вроде, не было у него. А по законам Лэствилла в таком случае никто и не имеет право трогать недвижимость ровно двадцать лет. На случай, если наследники вдруг объявятся.

С сомнением хмурюсь:

– Двадцать? Не долго ли?

– Будто я придумывал эти законы, Джени! Долго или не долго, откуда ж мне знать. Ну вот так вот. А как эти самые двадцать лет минут, если никто не найдется, разумеется, то здание отходит городу.

– И что, сейчас как раз истек срок? Ну.. раз его открыли и даже проводят там городское собрание?

Не в честь ли этого они его там проводят?

Конечно, такая махина. Ее разобрать на аренду или еще чего (что быстро сообразит Маккензи) и городской бюджет тут же пополнится. Городской бюджет, половину из которого он тут же спустит на свою дешевую копию Эмбер Херд.

Брови Дугана сходятся к переносице, словно с этим вопросом связано какое-то его личное недовольство. Сложно понять какое – комиссар и заброшенный старый замок. В итоге он лишь выдает:

– Почти.

Однако, этого хватает, чтобы я решила больше не развивать эту тему. Дядя Джон редко злится (насколько я помню из тех времен детства, когда он к нам еще заезжал чуть ли не каждый день), и обычно на злость его выводило только какое-то жульничество. Допустим, смотрит новости, а там говорится что такой-то такой-то министр такой-то такой-то закон принял или типо того. И он бывает как разорется, мол, что тот (сукин сын, мать его за так) только наживиться на этом хочет.. даже отцу иногда выводить его во двор приходилось, за сигаретой в чувства приводить. А уж что было, когда Трампа президентом выбрали.. ух.

И если его сейчас так злит эта тема – значит, наверное, она опоясана жульничеством (по крайней мере, в этом убежден сам дядя Джон). И чем больше ее обсуждать – тем больше он будет выходить из себя. Мне этого не надо.

Зато, кажется, метод срабатывает – Дуган успешно забывает о том, что я так часто хватала телефон, и я больше не замечаю его любопытных взглядов украдкой на меня через зеркало.

Впрочем, и едем мы после не так уж долго.

В скором времени он прибавляет скорости и во двор замка мы заезжаем, едва ли не упираясь в тыл веренице машин. Полагаю, именно в одной из них и сидит мэр, из-за которого дядя Джон и обязан тут торчать.

Из-за чего и я обязана тут торчать.

Не ездил он за ним, не знал бы где собрание – и это ведь отличная, действительно была отличная откоряка!

Вздыхнув, выбираюсь из салона, едва машина останавливается. Но забываю про ремень, потому он врезается, останавливая меня, и приходится на ощупь, запустив руку обратно, искать защелку. Высвободившись, оказываюсь снаружи уже одновременно с Дуганом.

Из одной из машин выбирается, как я и подозревала, мэр. Спешно оглядев остальные тачки (видимо, на наличие такси), он в итоге замечает меня рядом со служебной машиной. Мгновение, переведя взгляд с меня на комиссара, я вижу во взгляде Маккензи какое-то беспокойство.. и что ли недовольство?

Но вот он быстро натягивает усталую улыбку, делает что-то, очень отдаленно похожее на махание рукой мне (то ли приглашая внутрь, то ли просто давая понять, что заметил меня), после чего заходит в замок.

Дядя Джон лишь фыркает:

– Ну хоть сюда приперся без своей куклы.

– Ты про Эрджи? – догадываюсь.

– Ага. Ему бы только о молодых дурах сейчас думать, с его-то ворохом проблем, старый пердун..

Он ворчит что-то еще, но уже слишком тихо и словно бы нарочно неразборчиво. Подозреваю, это какие-то уж слишком грязные ругательства, которые, памятуя обо мне еще как о «маленькой Джени» он не допускает говорить вслух.

– Ладно, пошли – в итоге кивает, когда большая часть людей, что приехали в машинах, скрываются внутри – хоть толкучки не будет. А то все такие приличные, а ноги-то, музозвоны, пооттопчут и не заметят.

Я усмехаюсь, но когда уже поднимаемся, замечаю:

– Они все были в платьях да костюмах – невольно вспоминается фуршет у Грэдиша – я в своем мятом перелетном прикиде, наверное, буду совсем не к столу.

– А тебе это важно? – скептически вскидывает он бровь.

– Да не очень – помедлив, признаюсь.

– Вот и верно – хлопает меня по спине – если они мнят себя маскарадными клоунами, пусть наряжаются. А нам бы лишь поскорее это прошло да до дому. Устал уже, как собака..

Однако, уже перед самым порогом (массивными, слишком уж похожими, дверями) я мнусь какое-то время. Да, замки разные.. но очень, к слову, похожие.

Не внешне, нет. Но.. атмосферой.

Бывают ведь и замки из сказок про Рапунцель, Золушку и так далее? Такие большие, белые, каменные, сияющие, где обязательно живет принцесса, на которой блестит дорогая бриллиантовая корона?

Но этот замок насквозь пропитан той же мрачной атмосферой, что замок Влада в Румынии.

Будто бы два брата-близнеца, которых разлучили в детстве. И вот один, обнаружив беглянку, тут же маякует своему братцу, мол «присмотри-ка за ней» и он такой «будь спокоен, сделаем, она и не заметит, что куда-то убегала».

Высокие шпили, свойственные тому же мрачному готическому стилю. Витражи в окнах побольше, слишком резкие выступы фасада..

Мрачный.

Да, еще один мрачный замок.

– Джени – окликает меня Дуган уже более нетерпеливо – ты там до рассвета стоять собралась? Идем уже.

Опомнившись, понимаю, что все еще стою, точно приколоченная, на пороге, а дядя Джон уже вошел внутрь и даже сделал пару шагов, прежде чем заметил мое «извояние». Нервно киваю, и спешу за ним.

Кажется, он знает и то, в каком именно помещении этого огромного строения будет проходить собрание – потому что уверенно идет и сворачивает на некоторых поворотах, долго не размышляя. Интересно, как думал мэр, я тут сориентируюсь, если поеду на такси? Ах ну да, для этого он и оглядывал двор.

Он думал, что в этом случае до нужного помещения меня доведет он сам.

Однако, пройдя уже достаточное расстояние, я замечаю, оглядываясь:

– Так и не скажешь, что замок двадцать лет был закрыт.. – чуть запрокидываю голову, точно маленький ребенок – нет следов заброшенности..

– Если ты про то, что половина потолка не обрушилась тебе прямо на голову, открывая небо господне – усмехается Дуган – так это так только в этой части. Здесь все активно приводят в порядок, открыли ведь его уже месяц как. Было бы странно, если бы, учитывая это, мы вляпались в комья паутины или провалились по самые щиколотки в дыру в полу.

– А почему занялись именно этой частью?

– Наверное, решили с самой легкой начать – бурчит он, вновь насупившись.

Ясно, его недовольство как-то связано не с самим открытием замка, а с его восстановлением.

– А что тогда в остальных, где «сложнее»?

– Там серьезные повреждения, требующие долгого и сложного восстановления.

Жму плечами, вновь оглядываясь:

– Да уж, замку повезло, что город решил позаботится о нем.

Дядя Джон хмурится еще сильнее и цедит:

– Ага, *город*..

Не знаю, собирался ли он добавить что-то еще, или это была оконченная фраза – потому что в следующее мгновение в одном из смежных коридоров мелькает молодой человек со стопкой книг в руках, отвлекая его внимание.

Признаться (постыдно признать, вернее) в первые секунды я даже решила, что это какое-то приведение и чуть было не вскрикнула. И лишь очки в толстенной роговой оправе, свисающей к самому кончику носа парня, заставляют меня прийти в себя.

Не знаю почему, но мой мозг убежден, что приведения очки не носят.

После смерти, типо, все изъязны и проблемы убираются, как в сказке. Кроме одного – ты по-прежнему мертв.

– Мистер Райт – кивает Дуган, едва расстояние между нами сокращается до достаточного для рукопожатия – здравствуйте.

Однако руку осмотрительно парнишке не протягивает – если тот решит протянуть свою в ответ, уронит всю кипу книг, которые двумя-то конечностями еле удерживает.

Худенький, русые волосы реденькие – очки смотрятся слишком нелепо на худом бледном лице. Пальцы слишком длинные – «пальцы пианиста», как сказала бы мама. На первый взгляд он кажется совсем молодым парнем – но если взглянуть за стекла очков, можно увидеть россыпь глубоких морщин у глаз, так что ему точно никак не меньше тридцати.

Райт останавливается, и, видимо, узнав комиссара, улыбается в ответ:

– Добрый вечер, мистер Дуган..

Взгляд вежливости переходит на меня, как на его компаньона.. и тут Райт бледнеет еще сильнее (хотя казалось, сильнее уже невозможно). Его руки дрогают, и несколько книг падает с верхушки стопки. Пытаясь судорожно их словить на лету – он в итоге, по канону жанра, роняет все остальные, так и замерев. Иступлено глядя на упавшие книги, словно не понимая, как так получилось и что теперь ему с этим делать.

Комиссар обеспокоенно склоняется к нему:

– Вы в порядке, Юстин?

– Ага, да... простите..

Видимо, решение все-таки посещает его голову и он падает на колени, начав лихорадочно-быстро собирать книги. Но руки его по-прежнему бешено дрожат, потому он успевает сложить лишь две книги, после чего, кладя поверх третью, вновь все их роняет. Когда это повторяется уже дважды, я наклоняюсь:

– Давайте помогу.

Юстину так и удается собрать лишь две книги, не разбросав их заново, а я аккуратно собираю остальные. Отряхнув их, осторожно ставлю поверх тех двух, что есть у него. Лишь каким-то чудом мироздания парень на сей раз их удерживает.

И все это время не спускает с меня глаз, взирая каким-то ошалелым взглядом, точно увидел мертвеца или что еще хуже. Мне кажется, так я смотрела на девушку с рваной спиной в загоне.

Даже дядя Джон замечает его взгляд, потому что, откашлявшись, говорит с улыбкой:

– Это Дженна Бёрнелл, Юстин – кивает мне – а это Юстин Райт, Джени.

Я приветливо улыбаюсь, хотя теперь возвышающаяся в его руках стопка книг меня почти загораживает:

– Рада знакомству – пытаюсь хоть как-то разрядить атмосферу, добавляю – необычное у вас имя. Почти как Джастин, только Юстин.

– У Мистера Райта венгерские корни – поясняет мне Дуган, сообразив, что от остолбеневшего парня ответа не дожидаться – у них так принято произносить. Верно?

Однако, и эта попытка пролетает мимо.

Юстин ничего не отвечает, а его глаза все еще с иступленным изумлением рассматривают мое лицо. Нет, я неверно истолковала его взгляд. На девушку я смотрела с ужасом – в его же глазах ужаса нет.

Лишь иступленное изумление и неверие.

Так, пожалуй, не на монстров смотрят.

А на *кумиров*.

Примерно так Милли в первые секунды смотрела на Ратвена, поняв, кто перед ней стоит. Этот взгляд – взгляд человека, который не может поверить своим глазам и допустить того, что в самом деле видит сейчас перед собой то, что видит.

Но чем я-то могла вызвать такой взгляд?

– Юстин разбирает хозяйские рукописи. Очень много документов на венгерском – вновь пытается разрядить тишину Дуган – Шотет же вроде ученым был или типо того. Думаю, тут на пару десятков лет работы хватит.

Он усмехается своей шутке, но реакции от парня по-прежнему нет.

Видимо, поняв наконец, что его не разговорить и встречу никак не сгладить, Джон кивает мне:

– Ладно, идем, а то опоздаем. Юстин, еще увидимся.

Так и нет ответа.

Лишь когда мы скрываемся за поворотом, комиссар позволяет себе приглушенно рассмеяться и объясняет мне:

– Бедолага, мать его за так. Так закопался в своих книгах, что при виде красивой девчонки дар речи теряет. Вот же бедолага..

Наконец, еще пара поворотов – и мы добираемся до «пункта назначения». Это большой зал. Пожалуй, глядя на него, можно со всей ответственностью сказать, что этот месяц занимались восстановлением не «всей части», а лишь этого конкретного помещения под это конкретное событие.

Внутри довольно много людей – гораздо больше того количества, что вышли при нас из машин. Очевидно, прибывать начали еще раньше. Я скептически хмурюсь.

(..это официальное дело, не имею права пока разглашать..)

Ну да, дело абсолютной секретности.

Именно поэтому тут столько людей.

Сомневаюсь, что все они имеют хотя бы какое-то за уши притянутое отношение к мэрии. Похоже на обычный светский прием. А после последнего такого посещенного (у Грэдиша) – я поняла, что терпеть их не могу.

Все эти пафосные человечки.. Мужчины в смокингах дороже моего недельного пропитания, дамы в платьях, которые открывают больше, чем прикрывают.. стоят компаниями у столиков, другие оживленно перемещаются и болтают с бокалами шампанского в руках. Наигранный заливистый смех над несмешными шутками, приторные улыбки каменных лиц..

Фальш.

Вот точное описание подобных сборищ.

Одна сплошная Фальш.

– Ладно – бросает мне Дуган – скоро начнется, так что никуда не уходи. А я вот отойду, я ж тут тоже не по праздному делу.

Я киваю и он уходит.

Оглядевшись, в итоге отхожу в самый дальний угол, надеясь быть никем не замеченной. Есть хочется еще больше, спать и того сильнее, а желание залезть уже не под струи горячего душа, а в самую настоящую горячую ванну – и того опережает их всех вместе взятых.

Но при этом я должна стоять тут, в этой перелетной одежде, с грязными волосами, ожидая непонятно-чего, для которого я понадобилась городскому совету.

А вот Милли уже, скорее всего, получила все пункты моего заветного списка. И сейчас, досыта наевшись, болтает с мамой о нашем отпуске (точнее, об его адекватной части).

И вдруг, вырывая из этих мыслей, мне на плечо ложится чья-то горячая рука:

– Джени, крошка, какая встреча..

Мелодичный, приветливый голос.

Я сразу по нему узнаю Ратвена.

-9-

И несмотря на то, что я действительно узнаю его по голосу, когда оборачиваюсь и в самом деле вижу Ратвена – искренне удивляюсь, точно впервые. И притом удивляюсь я скорее не самому его появлению здесь (хотя тоже весьма противоречивые чувства), сколько виду, в котором он передо мной предстал.

Мы оба летели на одном самолете. Оба приземлились в одно и то же время. Оба затратили одинаковое количество времени на то, чтобы добраться из аэропорта до чертового замка.

Но при этом я стою в мятой одежде, с затянутой грязной гулькой на голове, а он..

Снизу на нем так шелковые брюки, ткань у которых от малейшего дуновения ветра (даже от проходящего мимо) подрагивает – только теперь это брюки бежевого цвета, а не черного, как в самолете. Пиджак так же сменен на более свободный и светлый, под тон брюкам. И под ним, разумеется, никакая не футболка, а темная рубашка, застегнутая почти на все пуговицы, кроме верхних двух. Эдакий небрежный официоз.

Его волосы, которые еще в самолете волнами могли упасть на лицо – теперь тщательно чем-то смазаны (просто так не получилось бы) и зачесаны назад, полностью открывая лицо и позволяя лицезреть его улыбку и любые эмоции, которые он может захотеть продемонстрировать.

В его руке покоятся два бокала шампанского, один из которых он со всем дружелюбием протягивает мне.

Весь его образ, учитывая обстоятельства, такой сюрреалистичный, что я невольно задаюсь вопросом – уж действительно ли с этим Гордоном Ратвеном я летела в самолете.

И пусть вопрос этот лишен любого смысла (Ратвен один, он меня узнал, и ты уже далеко от румынии, где Темный по желанию может напялить на себя любую приглянувшуюся оболочку, Джен), я все же выпаливаю:

– Это с тобой мы летели в самолете?

Он же, очевидно, воспринимает это как мою хитрую попытку напомнить ему о ночном инциденте.

Дружелюбный вид тут же сменяется самым покаянным, а рука с шампанским так и застывает в воздухе:

– Да, прости.. это было ужасно – повинный смешок и брови «домиком» – мне нельзя пить крепкого, становлюсь совсем дурачком. Ну, ты сама видела.

– Да, видела – киваю, с сомнением оглядывая его.

(..а еще остались какие-то сомнения? конечно, летим напрямик в Лэствилл. меня тоже там ждут дела. крайне важные...)

Уж не эти ли «важные» дела его ждали в Лэствилле?

Хотя, странно, что ему здесь в принципе занято находиться. Неужели, на раутах ни разу не бывал? А тут маленький город, любые политические чины, собравшиеся здесь – для него, наследника богачей – просто мошки. Уверена, он знает представителей политического мира и гораздо более крупных, чем Маккензи.

Так какой прок ему тогда тратить тут свое время, каждая
(..я очень занятой человек. каждая моя минута.. очень дорога стоит..)
минута которого стоит целое состояние?

– Я вел себя неподобающе – между тем продолжает Гордон – надеюсь, ты же не держишь на меня зла?

Кокетливая улыбочка и вновь протянутый стакан шампанского.

Неуверенно беру его, как знак примирения, и тоже игриво вскидываю бровь:

– Думаю, что смогу забыть это.. недоразумение.. если объяснишь, зачем ты решил при-
везти мою маму в аэропорт?

Он с облегчением улыбается, и придвигается еще ближе, точно мы супружеская пара, приехавшая на светский ужин давних друзей:

– Хотел сделать тебе приятное, Джен. Это же так радостно, когда дома встречают родные, правда?

Жму плечами, отпив глоток шампанского:

– Наверное.. А ты что здесь делаешь? Это твои важные дела?

Он вновь игриво улыбается, и, перейдя уж всякие дозволенные границы (но скажем честно, я не особо этому возмущаюсь) щелкает меня по носу:

– Да, детка, часть из них.

Я бы назвала это его настроение – показушно играющим. Как тогда в самолете, едва мы с Милли зашли на борт. А потом, точно по щелчку, он стянул улыбку и стал с расстановкой и цинизмом объяснять, чем было выгодно во всех аспектах оставить Лео в аэропорту с его проблемами. Вот тогда я увидела его настоящего, каким его видят, должно быть, партнеры по бизнесу.

И учитывая, что сейчас он «играющий» – вряд ли тут его ждут какие-то серьезные дела.

Наверное, если что-то и есть – то оно завтра, а сегодня он просто решил тут расслабиться, так сказать, раз уж ничего не остается.

Я ожидаю, что он все-таки рано или поздно отойдет к каким-то более значительным людям на этом мероприятии, но Гордон продолжает стоять рядом со мной, попивая шампанское, улыбаясь, и отвлекая всякой неважной ерундой. Смеется, смешит меня, и надо признать, окончательно сглаживает неприятное впечатление от его ночного пьяного буйства.

Признаться, если он предложит завтра (или даже сегодня) заглянуть в какой-нибудь ресторан с ним, то, пожалуй, я соглашусь.

И даже когда начинается официальная часть, он лишь чуть подсобирается, глядя теперь на мэра, но все еще украдкой отпускает мне обаятельные улыбки и продолжает стоять рядом.

В этот момент я всерьез начинаю задумываться о том, что (а чем черт не шутит?) вполне могу повторить известную историю из «Красотки». Я, конечно, не проститутка, но зато он – красивый, богатый, забавный. И явно – теперь уж совсем очевидно – положил на меня глаз.

Просто не давать ему пить, и тогда он не будет докучать мне своим безумством о вампирах. А все остальное – просто блеск.

Мэр начинает вначале всякую нудотень, обращаясь с речью к членам совета. Он говорит об итогах полугодия, планах и прочей белиберде. Гордон услужливо разбавляет его треп, шепотом мне его передразнивая и откровенно высмеивая.

Правда, замолкает, точно по выключателю, сразу же, едва мэр затрагивает тему замка:

– ..необходимо решить вопрос о судьбе замка, принявшего нас сегодня в своих стенах. Вы знаете, двадцать лет этот архитектурный памятник оставался ничьим. Медленно приходил в

упадок и мы ничего не могли сделать. Но месяц назад нашлась компания, готовая восстановить здание, вложить немалые средства. Открыть здесь музей..

Я слышу знакомое ворчание с иной стороны, от которой стоит Ратвен, явно уже до талого поглощенный речью и переставший обращать на меня внимание:

– Да, пару комнат под музей, а остальное под люксовый отель.

Я вздрагиваю и, обернувшись, вижу, что ко мне вернулся Дуган (сколько он уже здесь стоит и сколько из нашего с Ратвеном общения слышал?). Презрительно глядит на мэра. Непонятно, то ли мне это он сказал, что ли сам себе.

Однако, когда я вздрагиваю от его неожиданного бурчания над ухом, это замечает и Ратвен.

Неохотно поворачивается.. и они с Дуганом на мгновение пересекаются взглядами. У обоих в них сквозит явная неприязнь, после чего Гордон, нарочито демонстративно кладет мне ладонь на талию и притягивает к себе, точно какую-то плюшевую игрушку.

Я смущенно косясь на дядю Джона, тут же (на вещее неудовольствие Ратвена) высвобождаюсь из его объятий и встаю сама по себе, меж этих двух, которые вообще непонятно чего могли не поделить (так далеки друг от друга слои их существования в общей системе иерархий).

– ..до полного истечения двадцатилетнего срока оставалось несколько недель – между тем продолжает мэр – но мы были вынуждены учесть некоторые, э-э, финансовые сложности городского бюджета. И что сама мэрия не могла выделить столько денег. Поэтому не могли упустить такое прекрасное предложение. И в виде исключения позволили начать работы по реставрации «Фонду Ратвена».

Раздаются густые аплодисменты, и я озадаченно перевожу взгляд на мужчину, что стоит подле меня. Он широко улыбается людям, точно кинозвезда на ковровой дорожке, и чуть заметно пару раз кивает, как бы говоря «спасибо, спасибо, не стоит оваций».

Теперь смотрю на Дугана – тот стискивает зубы и едва ли не испепеляет взглядом Ратвена.

– Так это ты восстанавливаешь замок? – шепотом спрашиваю, когда мэр вновь возвращается к речи.

– Да, Джени – широкая улыбка – сюрприз, детка!

Лучезарно улыбается и вновь делает попытку уложить мне руку на талию.

Однако теперь я уже выскальзываю даже не столько из-за Джона.

Мне начинает казаться, что медленно, очень медленно но верно, складывается какой-то очередной пазл, в котором Ратвен играет далеко не последнюю роль..

–..известный меценат мистер Ратвен доверился нам и начал восстановление даже без окончательного контракта. Мы просто не могли оформить его до истечения срока. Но были убеждены, что помех не будет. Ведь если за девятнадцать лет и одиннадцать месяцев не нашлись наследники, шанс, что они появятся сейчас, равен почти нулю.

Лицо Маккензи осунулось:

– Однако, на прошлой неделе в управление полиции Лэствилла пришло анонимное письмо. Главный комиссар Дуган, как представитель правоохранительных органов на нашем мероприятии сегодня.. прошу, вам слово.

Дуган неохотно бредет к мэру. Ему передают какие-то бумаги (очевидно, то самое письмо, которое он вынужден зачитать, как главный уполномоченный):

– В письме, что поступило нам, значилось завещание последнего владельца этого замка, господина Шотета – заявляет Дуган – подлинность подтвердилась. Нашелся и юрист, который его заверял..

– Да-да – вмешивается мэр – сам владелец завещал замок городу. При условии, что здесь будет общественный музей. Понимаете? – мне кажется, или теперь он смотрит именно на меня

– все, как мы и планировали! Но с небольшим нюансом. Одно из строений на территории замка – а именно маленькая часовня во внутреннем дворе – завещано конкретному человеку.

Теперь и взгляд Дугана направлен на меня.

Я непонимающе хмурюсь, когда комиссар озвучивает:

– Оно переходит в собственность мисс Дженны Элизабет Бёрнелл.

-10-

Сквозь шум каких-то помех, которые появляются только в моей голове (и которые очень похожи на глубокое погружение под воду) я слышу голос мэра:

– ..мисс Бёрнелл, прошу, подойдите к нам.

Чья-то ладонь услужливо касается моей спины ниже положенного и чуть подталкивает вперед. Слышу над ухом:

– Ну же, Джени, иди.

Растерянно оборачиваюсь.

Это Ратвен – улыбается наверное самой уникальной из своих улыбок. Я озадаченно делаю шаг вперед, еще, еще..

И тут меня осеняет – не все сразу, но какая-то часть всплывает вместе со мной на поверхность. Встревоженный голос мамы, просьба вернуться пораньше, настояние отправиться на городской совет, Дуган, который знал содержание письма – ее давний друг..

Ну конечно! Она знала про завещание уже тогда, когда нам звонила! Поэтому и просила приехать раньше! Поэтому, зная что там будет, и просила отправиться на городской совет!

Но.. выходит, об этом знал и сам Дуган? Но так невероятно сыграл в аэропорту, разыграв карту удивления.

(..так вот зачем мы заезжали в аэропорт? а я думаю, что этому старому удумалось, совсем не по пути..)

Собственно, как и мама, получается, тоже все знала, но тоже ничего мне не сказала. Но что это за секрет такой? Почему нельзя было рассказать? Или тот же принцип, что с подарками на день рождение «не хотелось портить сюрприз»?

Только какой это сюрприз?!

С какой стати какому-то неизвестному старику

(..что ты сделала со стариком шотетом?! расскажи мне!..)

завещать мне часовню башни? Мы даже не видели друг друга! Он умер, если верить подсчетам, когда я была еще совсем ребенком!

Когда я, наконец, подхожу к ним, то Дуган передает мне бумагу с завещанием, а мэр продолжает:

– По законам Лэствилла, если на одном земельном участке стоят здания, принадлежащие разным владельцам, нельзя проводить никакие ремонтные работы одного здания без разрешения владельцев других.

Я растерянно гляжу на завещание, потому не сразу понимаю, что мэр замолчал и теперь все, включая Ратвена, уставились на меня. Жму плечами:

– И что это значит?

– Это значит, мисс Бёрнелл – кивает мэр – что теперь от вас зависит судьба этого замка. Если вы дадите разрешение, «Фонд Ратвена» продолжит работы по его восстановлению, здесь все вернется к былому великолепию, появится прекрасный музей..

(..да, пару комнат под музей, а остальное под люксовый отель..)

Мельком гляжу на Гордона. Он чуть поднимает свой бокал с шампанским, словно говоря, «видишь, как все удачно совпало? Выпьем за это?».

Совпало.

(...не верю в совпадения и тебе не советую..)

Совпало, ну как же.

Слишком уж много «совпало» за последний день, связанных именно с Ратвеном. Сначала его частный рейс, который не просто предложил нам билеты, а

(...мы и так задержали вылет, чтобы дожидаться вас..)

ждал нас, а после организовал целую церемонию доставки мамы к месту посадки, просто чтобы

(...хотел сделать тебе приятное, джен. это же так радостно, когда дома встречают родные, правда?..)

якобы просто порадовать.

Теперь и ситуация с Лео не кажется такой уж

(...и подхватывает мой чемодан раньше, чем я успеваю что-либо ответить. после чего берет чемодан, что лео поставил рядом с милли, игнорируя при этом чемодан самого лео..)

(...но едва лео делает шаг на первую ступень, как внезапно откуда-то появляются несколько мужчин в форме охраны аэропорта – будто только и ждали этого момента..)

(...ну не мог же я пустить к себе людей, которых совсем не знаю. пойми меня, я ведь здесь совсем без охраны, и даже если речь о двух хрупких девушках..

– и одним парне – напоминаю я– ты ведь не знал изначально, что его оставят на трапе?..)

случайной. Конечно, он не знал, в каких именно мы с Лео находимся отношениях, потому просто избавился от лишней опасности.

После клеился ко мне всеми известными способами, чтобы к моменту оглашения завещания – я уже «души в нем не чаяла» и конечно же дала добро его фонду продолжать восстановление без всяких раздумий и вниканий в «отели» и «музеи».

Лишь один раз его план пошел по заднице – когда он напился ночью и забылся, что именно ему надо.

И вновь – появился сегодня такой учтивый, покаянно просящий прощение.

Его связь со мной лишь из-за причастности к замку тогда объясняет и то, откуда мэр мог знать, когда и куда я прилечу,

(..тогда откуда?

вряд ли ратвен всему городу позвонил и сообщил, что везет такую-то такую-то, встречайте там-то там-то..)

потому что они с Ратвеном уже месяц состоят в деловых отношениях, и мое появление было выгодно им обоим. Конечно же, он сообщил Маккензи, где и когда меня можно будет забрать.

Фальш.

Все его благодушие и флирт ко мне – такая же фальш, как этот светский прием, который какой-то идиот назвал городским собранием. Да, холодный расчет, все как и полагает настоящему бизнесмену – пускать в ход любые методы, лишь бы добиться цели..

Ратвен, как молодой и привлекательный мужчина, решил пустить в ход самый простой и избитый метод (если дело касается дамы)– покорение женщины, от которой что-то зависит. Только вот он, видимо, забыл, что этот же метод является и самым опасным, ведь имеет только две грани и может обернуться только двумя сторонами.

Либо трюк пройдет и дама клюнет, отдав вам все и вся.. Либо же, в самый неподходящий момент (как сейчас для Ратвена) дама все сообразит.. и *очень-очень* сильно оскорбится и обидится.

А женская обида.. уф-ф, с ней лучше не сталкиваться.

– ..если же вы будете против – продолжает мэр, чуть кашлянув, видя, что мое внимание находится где-то за пределами этого помещения – то мы все окажемся в очень неприятной подвешенной ситуации.

Продолжаю смотреть на Гордона.

Его чуть приподнятый бокал, идеальная улыбка, а главное.. исходящие флюиды уверенности.

Он думает, что *уже* выиграл.

Победил, как и всегда.

Глупые, наивные женщины, которые

(..что-то, а это у людей славно придумано, весело и приятно.. – мелодичный смешок – девушки такие легкие жертвы.. если иметь смазливую внешность, деньги, немного загадочности, а главное – красиво намекать ей на вечную любовь..)

раз за разом клюют на его удочку. Нет, с психикой может у него и есть проблемы, да только перекроил он себя совсем не из-за них. Это, как и все прочее, его очередной продуманный бизнес-ход. Слепить из себя Аполлона и подмять под себя всю женскую часть деловых партнеров.

Конечно, ведь

(..девушки такие легкие жертвы..)

девушки такие легкие жертвы.

Но что возмущает больше всего – что глядя на меня, он решил, что я вписываюсь в эту же самую категорию дурочек. Хотя нет, больше всего возмущает то, что до последних пары минут я и правда идеально в нее вписывалась!

Уверенная ослепительная улыбка...

Ох, какой же я сейчас испытаю экстаз, стерев ее одной фразой!

– Что ж, господин Маккензи, значит считайте, что вы уже все оказались в «неприятной подвешенной ситуации».

Дуган едва ли не подпрыгивает на месте от восторга. Конечно, его в этой ситуации бесило жульничество и прикрытие отеля музеем. Но меня волнует не это.

Мой отказ основан на другом.

Ратвен ступил не на ту тропу, решив играть в такие игры.

И вот я добиваюсь результата.

Его пальцы до побеления сжимаются на хрустальной ножке бокала так, что вот-вот ее раздавят, а улыбка стягивается в какое-то непривычное негодование.

– Мисс Бёрнелл.. – поспешно бормочет мэр – прошу прощения, что вы этим хотите сказать?

– Да, Джени! – улыбка на губах Гордона возвращается такой натянутой, словно чьи-то невидимые пальцы тянут ее в разные стороны, а голос становится таким высоким, точно ему наступили на причинное место – что ты этим хочешь сказать?

– Не Джени, а Дженна Бёрнелл, попрошу, мистер Ратвен – подчеркнуто отрезаю я с сухой улыбкой, внутри ликуя, как самый настоящий ребенок, после чего поворачиваюсь к мэру – этим я хочу сказать, мистер Маккензи, что отказываюсь от помощи фонда Ратвена.

– Мисс Бёрнелл.. –кажется, Маккензи начинает катастрофично не хватать воздуха – думаю, прежде, чем принимать такие поспешные решения, вам стоит знать, что «фонд Ратвена» анонсировал ряд щедрых благотворительных проектов для Лэствилла. И мы очень на них рассчитываем..

В это время фигура, что твердо приближалась к нам, все еще крепко сжимая бокал с шампанским в руке, наконец встает четвертой в круг. Гордон Ратвен взбешен до белой горячки – и не надо быть магом или ведьмой, чтобы это узнать.

При этом, натянутая жуткая улыбка все еще на его губах.

Он игнорирует и мэра, и Дугана, и кажется всех прочих, а смотрит лишь на меня:

– Джени, ты устала с перелета? Наверное, все дело в этом. Но послушай, часовня, которая тебе отошла.. там фрески, витражи, которые пришли в упадок. Боюсь, лично у тебя, да и у города не найдется средств для ее восстановления. Но поскольку мы с тобой так сблизились..

Он многозначительно поднимает бровь, но из-за раздраемого изнутри бешенства, жест выходит не флиртующим, а больше похожим на какой-то усугубленный нервный тик:

– ..то я, конечно же, отремонтирую ее со всем комплексом за свой счет. Ну, естественно, смогу это сделать, только когда ты дашь согласие, потому что –взмахивает руками, нервно и натянуто хохотнув – вот же нелепость!, этот старый идиот решил разделить завещание..

– Кто еще из них старый идиот – не выдерживает Дуган – Шотет, который по своим тараканам отписал Джен часовню, или твой дружок Маккензи – он испепеляет растерянного такой грубостью мэра – который, за счет замка, отошедшего городу, хочет закрыть собственные огрехи!

– Попрошу, мистер Дуган.. – начинает мэр, задыхаясь от негодования.

– Да, мистер Маккензи – рычит он, с большим трудом не переходя на оскорбления по типу «старый пердун» и «седая задница» – может, для вас это открытие, но просвещу вас: то, что отходит городу, отходит именно Лэствиллу, а не становится вашей частной собственностью по праву поста, увы, вами занимаемого!

– Нет, это просто возмутительно! – восклицает Маккензи, однако, поскольку Дуган и был отправлен сюда «следить за порядком» позвать охрану он не может.

Потому что никакой иной, помимо дяди Джона, охраны тут нет.

Да уж, мы с ним сегодня оба задали жару! Он мэру, а я Ратвену. Аж гордость берет. Попрошу маму, чтобы она сделала ему чаю с сахаром.

– Джени.. – не обращая внимания на их склоку, вновь обращается Ратвен – давай сделаем хорошее дело вместе? Я восстановлю замок, восстановлю тебе часовню, а ты дашь на это согласие, тем самым обяжешь целый город..

– Я уже озвучила свое решение, мистер Ратвен. И где вас учили манерам? – не скрывая сарказма (но при этом без малейшего намека на улыбку) добавляю – не припомню, чтобы мы успели с вами перейти на Ты.

Он сжимает кулаки, улыбка стягивается, а ноздри раздуваются. Он сейчас точно наполненный, растянутый до максимума водой шарик – нужно лишь ткнуть тоненькой иглой, чтобы он взорвался.

И я беру в руки иголку:

– И да, мистер Маккензи, отказываясь от предложения «фонда Ратвена» я не отказываюсь от помощи в принципе. Согласна, замок и правда стоит восстановить, потому я получше изучу эту тему и ознакомлюсь с предложениями других фондов.

На шее Ратвена вздуваются жилы.

И шарик *взрывается*.

-11-

Гордон резко оборачивается к мэру, но перед этим я успеваю насладиться выражением его лица. Лица человека, который впервые в жизни вдруг оказался побежденным женщиной. Девушкой, которых до этого он щелкал, как орешки.

Ярость, пляшущая огнями в глазах, раздутые ноздри, точно у быка на ринге, а главное – совершенно безумное выражение. Точно ребенок, которому в чем-то отказали в магазине. Сначала разрешили, и он носился с этой игрушкой по всему центру, и даже дошел с ней до кассы.. и уже на самой кассе эту игрушку выкладывают и говорят, что передумали, и не купят ее.

Что в такие моменты случается с детьми?

Истерика.

Они падают на пол, орут, кричат, сопли из носа..

У маленького мальчика Ратвена, не знающего отказа в игрушках, сейчас именно такая истерика. Только одно различие – дети выплескивают свое негодование в слезах, а взрослые мужчины – в иступленной ярости.

– Если она, ЭТА СУКА – он тычет пальцем в меня, оря прямо в лицо мэру – откажет, то мой фонд не даст вам НИ ЦЕНТА! Никакой поддержки школам, социальным центрам! Город потеряет огромные доннации! И я! – он едва уже не топает ногами по полу, взвываясь на месте – и я потребую возмещения затрат на уже проведенный ремонт! ТЫ ПОГРЯЗНЕШЬ В ЕБАННЫХ ДОЛГАХ!

Все вокруг ошарашенно таращатся, не смея моргнуть, а мэр так и вообще бледнеет, готовый, похоже, спуститься по лесенке сейчас прямо в ад, лишь бы подальше от Ратвена.

– ВЕСЬ ВАШ ЧЕРТОВ ГОРОД ПОТОНЕТ В ЭТОМ ДЕРЬМЕ! – орет он, и со всей дури пинает рядом стоящий столик и, оставшиеся на нем бокалы шампанского с треском и грохотом летят вниз, разбиваясь об пол.

Да уж.

Теперь даже я в шоке.

Точно – самая настоящая истерика избалованного ребенка. Разве что сам на пол не падает и не катается, яростно молотя кулаками.

Словно услышав мои мысли, он вновь резко поворачивается ко мне. Замечаю, как с готовностью делает шаг вперед дядя Джон – видимо, даже он сомневается сейчас в достаточной вменяемости Гордона.

Тот сверкает на меня бешеным взглядом:

– СУКА! Ты долбанная тупая сука, и ты еще пожалеешь об этом! Ты еще не понимаешь с кем связалась! – он срывается уже на такой высокий, что едва ли не женский визг – ТУПАЯ ШЛЮХА!

И ураганом выносится вон из зала.

На пару мгновений повисает просто гробовая тишина.

Первыми появляются чьи-то едва слышимые перешептывания. Потом начинают двигаться те, на чьи платья попали осколки – в попытке их осторожно стряхнуть. Оглядывают себя те, на чьи пиджаки попало шампанское, в месте с бокалами вихрем снесшиеся вместе со столиком пинком Ратвена.

Звуки мало-помалу возвращаются в зал, набирая прежнюю громкость и даже переходя на новый уровень. Возмущения, изумления, ахи и недовольства. Люди с жаром разговаривают о случившемся, жадно смакуя каждое мгновение, будто бы напрочь забыв, кто они такие и для чего изначально тут собрались.

Из нас троих к первому возвращается голос к Дугану.

Одарив меня мягким, явно одобрительным, взглядом, он кивает:

– Джени, подожди меня у выхода. Сейчас я перекинусь парой слов с мэром и отвезу тебя домой.

– Право, мне нечего вам сказать.. – хмурится Маккензи, услышав, что речь пошла о нем.

– А это ничего – кивает Джон – зато у меня есть, что сказать вам..

Я быстро отступаю к двери, и лишь ускоряюсь – потому что, лишившись главного объекта страстей сегодняшнего вечера (Ратвена), все теперь то и дело косятся на меня, которая и послужила причиной этого гневного запала.

Да уж, стоять тут – равно что стоять под прожекторами.

В коридоре же оказывается пусто и тихо.

Я вздыхаю и, дойдя до ближайшего поворота, заворачиваю и прислоняюсь к холодной каменной стене. Теперь, даже если кто-то особенно наглый выглянет наружу, чтобы глянуть на меня – ничего не увидит, кроме пустых коридоров в обе стороны.

Да уж, теперь, кажется, я перенесла сразу десять перелетов. Мне нужна не одна, а десять ванн, десять порций еды и, как минимум, десять часов сна.

Конечно, моя выходка была эффектной.. но теперь я вспоминаю слова Гордона (не «тупая шлюха» и «ты еще пожалеешь», разумеется) про

(..никакой поддержки школам, социальным центрам! город потеряет огромные доннации!..)

финансовую поддержку, которую он оказывает Лэствиллу. Конечно, быть может, если я хорошо изучу эту тему, потрачу много времени и так далее, я смогу найти какого-нибудь мецената, который хотя бы отчасти сможет оказать замку какое-то восстановление. Но уж точно я не смогу найти еще и всех тех, кто возьмется за поводья, брошенные Гордоном.

Куча социальных проектов, поддержки

(..ты-то его откуда знаешь, милли?

– так он и нашей школе помогает..)

школам.. Лэствилл лишится всего этого только из-за одной моей дури. Теперь, уже отыгравшись и с лихвой получив свою месть, я всерьез раздумываю над тем – примет ли Ратвен мое предложение все забыть и вернуться к работам по восстановлению?

Конечно, это будет не музей, а лишь прикрытие люксового отеля, как сказал Дуган, но, кажется, это разумная жертва взамен на остаток всей той помощи, которую он оказывает в других сферах города?

Он избалованный ублюдок и мразина, но как-то неудобно лишать Лэствилл его помощи только из-за межличностных отношений. Тем более, я конечно не смотрела на эту часовню, что мне отошла, но

(..но послушай, часовня, которая тебе отошла.. там фрески, витражи, которые пришли в упадок. боюсь, лично у тебя, да и у города не найдется средств для ее восстановления..)

лишних денег на ее восстановление у меня и правда нет. Даже лишней тысячи баксов, а я подозреваю, там понадобится не один десяток тысяч..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.